СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

[illegible]

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

[illegible]

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

[illegible]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 МАРТА 6

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«П Р А В Д А»

Главлит № 58572 Москва. Тираж 44.000 экз.

Тип. изд-ва „Правда" и „Беднота", Яузский мост, Серебрянич. наб., д. 23а.

Задачи момента и комсомол.

(К итогам VII с'езда комсомола).

Последний партийный с'езд обратил свое внимание на то обстоятельство, что и в комсомольской организации и в пионерских об'единениях на ряду с явлениями роста и неоспоримыми успехами имеют место кое-где и явления безразличного или даже отрицательного отношения молодежи к этим организациям. В этой связи с'езд указывал на текучесть состава союза и пионерорганизаций, на рост выходов из них как в городе, так и в деревне.

Вскрывая причины подобного рода явлений, партс'езд отметил недостаточную слаженность содержания и методов работы союза с теми запросами, устремлениями и интересами, которые обострились у рабочей и крестьянской молодежи в переживаемую нами полосу хозяйственного роста. Новые условия экономического развития обострили в рабочем классе и крестьянстве вообще и в среде рабочей и крестьянской молодежи в частности, стремление теперь же улучшить свое материальное положение, оздоровить и сделать более культурным свой быт, получить разумное и живое развлечение.

Эти устремления нельзя просто отмести; нужно понять их закономерность и естественность и на них ответить соответствующей политикой комсомола; надо увязать эту тягу к лучшему материальному положению и лучшим бытовым условиям с повседневной работой по строительству социализма.

Только что закончившийся с'езд комсомола учел решения партийного с'езда и наметил в полном согласии с решениями партии практические пути увязки личных устремлений молодого рабочего и крестьянина с общественной работой, с делом социалистического строительства.

Исходя из отмеченных выше соображений, с'езд комсомола подчеркнул необходимость более тесного и непосредственного вовлечения молодежи в строительно-хозяйственную работу, указав одновременно на пути и средства оживления союзной работы в этой области.

Учитывая стремление молодежи улучшить свое материальное положение путем повышения производственной квалификации, с'езд уделил особое внимание вопросам профессионально-технического и агрикультурного образования.

При обсуждении этого вопроса на с'езде делалось ударение на необходимости массового, охватывающего широкие слои молодежи производственного обучения.

Вопрос о приспособлении производственно-квалифицирующей учебы к нуждам и потребностям народного хозяйства, к особенностям различных хозяйственных районов Союза Советских Республик—был поставлен и получил предварительное общее (правда, далеко не полное) решение еще до с'езда; сейчас речь шла именно о расширении производственной учебы, об увеличении ее охвата, о вовлечении в техническо-производственные образовательные организации широчайших слоев молодежи. Поэтому с'езд указал, как на важнейшую и очередную задачу, не только на организацию квалифицированных технических школ с многолетним курсом, но и на устройство массовых курсов, докладов, собраний, вечерних школ, кружков, могущих вовлечь в дело обучения массы молодежи.

В деревне, помимо школ крестьянской молодежи, по тем же соображениям придается исключительно важное значение сельско-хозяйственным кружкам, в работе которых местным союзным работникам рекомендуется использовать знания и опыт агронома и культурного крестьянина-домохозяина. Само собою разумеется, что производственно-техническое обучение должно соответствующим образом сочетаться с политико-воспитательной работой комсомола. На с'езде неоднократно отмечалось, что в отношении политического развития дело обстоит очень слабо, ибо громадные массы комсомольцев являются в политическом отношении неграмотными или малограмотными.

Увеличивая заинтересованность молодежи в хозяйственном строительстве, повышая ее производственную квалификацию, союз одновременно ставит в порядок дня борьбу за новый быт. Рост пьянства, разнузданности, хулиганства, бестолковости и разгильдяйства в повседневной бытовой обстановке выдвигает борьбу за новый быт, как задачу первостепеннейшей важности.

Рост материальной обеспеченности рабочего и крестьянского молодняка создает почву для такой борьбы за новый рационально-организуемый быт. Комсомол должен помочь осознать молодежи эту задачу эпохи, оживить методы клубной работы, содействовать разумному оформлению тяги молодежи к развлечению и живому отдыху.

Необходимо усвоить, что только переделывая свою собственную природу, только воспитывая в себе культурного строителя новых хозяйственных форм, только выступая в роли борца за новый быт, комсомолец сможет в наши дни завоевать, удержать и укрепить политическую гегемонию над рабочей и крестьянской молодежью, а также—в известной мере—и над взрослым поколением пролетариата и крестьянства.

Роль помощника партии в деле руководства советом, кооперацией и другими организациями советской общественности может закрепиться комсомолом только в том случае, если он будет серьезнейшим образом работать над повышением культурной квалификации своих членов.

Совершенно очевидно, что усложнение задач, стоящих перед союзом, требует усиления партийного руководства союзной организацией.

С'езд решительно и единодушно осудил попытку ленинградских союзных оппозиционеров противопоставить часть комсомола партии и ее руководству. С'езд заявил, что он стоит за дальнейшее усиление партийного руководства.

Великая историческая задача переделки поколений и обеспечения преемственности опыта революционной борьбы требует для своего разрешения преодоления тех явлений размычки «трех поколений» строителей социализма, которые кое-где имеют место.

Партия обязана усилить систематическое и повседневное руководство союзом; она должна обеспечить такое положение вещей, при котором бы партиец знал во всякий данный день, чем живет и чем дышит комсомолец; она должна помочь комсомолу правильно поставить воспитательную работу в отношении третьего—пионерского—поколения.

Пути намечены верно. Под руководством партии комсомол пойдет по этим путям вперед, к социализму.

На путях к Дауэсу.

(Ответ тов. Шанину) [1].

«Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» (Н. Ленин, т. XII, часть 2, стр. 58—59).

«По целому ряду вопросов у нас налицо такая путаница и такое забвение элементарных теоретических предпосылок, которые ни к чему хорошему повести не могут» (Г. Сокольников, «Осенние «заминки» и проблемы хозяйственного развертывания»).

I. Долой промышленность!

В своей статье тов. Шанин ни единым словом не обмолвился против решений XIV партийного с'езда. «Совсем наоборот». Он даже ссылается на речь т. Рыкова на Московской губернской партконференции, он не преминул сослаться и на речь т. Сталина на XIV партийном с'езде. Но эти «ссылки» на авторитеты и «тексты» поддерживают партийную линию так, как веревка поддерживает повешенного.

Для примера обратимся к одному месту. Шанин пишет: «Большинство считает основным несоответствие между продукцией (разрядка моя. *Р. В.*) промышленности и товарными излишками сельского хозяйства. Такое несоответствие бесспорно имеет место. Тем не менее не оно откладывает отпечаток на экономическое положение сегодняшнего дня» [2].

А что же накладывает отпечаток? «Другое несоответствие»,— авторитетно заявляет Шанин. И в об'яснение этого другого несоответствия Шанин как-будто иными словами тут же повторяет то же самое, что говорит «большинство». «Наше промышленное предложение (разрядка моя. *Р. В.*) недостаточно не только для того, чтобы скомпенсировать всю массу товарной продукции сельского хозяйства, но оно недостаточно даже для

[1]) См. Л. Шанин, „Вопросы экономического курса": «Большевик» № 2, 1926 год.

[2]) «Большевик» № 2, стр. 67 (разрядка Шанина. *Р. В.*)

того только, чтобы покрыть собою часть [1]) товарных излишков крестьянского хозяйства, именно ту часть ее, которая должна быть извлечена для удовлетворения промышленного и экспортного спроса» [2]).

С первого взгляда может показаться, что т. Шанин признает целиком и полностью то, что говорил XIV с'езд. Во всяком случае он не отрицает наличия диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. Что же это: пустая тавтология? «Перефразировка большинства»? И да, и нет. Как-будто бы Шанин ничего нового в отличие от XIV с'езда партии здесь не говорит. Но он придает мысли «большинства» такую формулировку, из которой на большевистской основе последовательно и логически вылупляется антибольшевистская концепция.

Заметьте: вместо «продукции промышленности» Шанин выдвигает «промышленное предложение». Это—едва заметное почкование шанинской линии, которая «растет» в сторону от партийного понимания хозяйственных проблем.

Может показаться, что мы придираемся к словам «предложение» и «продукция». В самом деле, разве не ясно каждому человеку, что между промышленной продукцией и промпредложением имеется теснейшая связь? Разве не ясно, что для предложения товаров деревне наша социалистическая промышленность должна эти товары раньше всего произвести?

Внешне у Шанина все в порядке. Это было бы так, если бы декларативные заявления Шанина не разоблачали бы себя полностью уже на следующей странице. «Проблема,—заявляет Шанин,—заключается не в несоответствии роста сельского хозяйства и промышленности, взятом в такой общей формулировке, а в несоответствии промышленного и экспортного спроса промышленному и импортному предложению» [3]).

Здесь Шанин берет за одну скобку промышленность и импорт, которые, вместе взятые, должны противостоять крестьянскому предложению. Становясь на точку зрения удовлетворения крестьянского спроса, он проводит знак равенства между производством товаров социалистической промышленности и ввозом товаров из капиталистических стран. Стушевывать принципиальную разницу между двумя этими видами товаров нельзя. С точки зрения потребителей разницы почти никакой нет, но с точки зрения строителей социалистического хозяйства тут разница глубоко-принципиальная. Удовлетворять крестьянский спрос за счет импортных товаров это одно дело, а удовлетворять этот же самый спрос за счет государственной промышленности—другое дело. Между продукцией, т.-е. производством промтоваров на наших фабриках и заводах, и предложением промтоваров, которое идет и за счет ввоза из капиталистических стран—дистанция огромных размеров.

Невинная на первый взгляд подмена понятия «промышленной продукции» понятием «предложение промтоваров» отклоняется

[1]) Разрядка Шанина. *Р. В.*

[2]) Там же, стр. 67.

[3]) Разрядка автора, там же, стр. 68.

сперва в сторону от принятого XIV с'ездом партии курса на индустриализацию страны, а затем выступает и против него.

В первых строках шанинской декларации уже содержится в зародышевом состоянии тот антипартийный экономический курс, который получает у Шанина наиболее яркое и развернутое выражение в процессе дальнейшего изложения.

* * *

Кто обжегся на молоке, тот должен дуть на воду. Шанин, которого не мало ругали за хозяйственную «микроманию», заявляет с самого начала, что он не «минималист», хотя все его дальнейшие построения опровергают это заявление. В заключительных строках первой главки («характеристика положения») он так и пишет: «Речь идет не о том, чтобы сорвавшись на первоначальном плане этого года, перейти к хозяйственному минимализму, а о том, чтобы на опыте сегодняшних затруднений найти более реальные и менее кризисные пути для быстрого роста» [1]). И несколькими строками выше: «Сжатие [2]) это необходимо лишь, как предпосылка к качественной перегруппировке, которая должна послужить исходной точкой для нового наступательного маневра,—для маневра, правда, несколько иного типа, чем испробованный в последнее время, но отнюдь не менее широкого» [3]).

Каков должен быть иной тип развития—об этом Шанин расскажет ниже. Но для того, чтобы обосновать этот «иной тип» он раньше всего мобилизует все, что возможно против социалистической промышленности.

«После того,—пишет он,—как предложение сельско-хозяйственных товаров равняется по предложению промышленных товаров, финансирование товарооборота должно равняться по наличным [4]) промышленным товарам, а не по программе намеченного развертывания промышленности» [5]).

Здесь странным образом финансирование товарооборота противопоставляется развертыванию промышленности. Повидимому, тов. Шаинин имеет в виду устойчивость валюты, и он опасается, как бы чрезмерное «выуживание» средств благодаря финансированию товарооборота не превратилось в политику инфляции. Это вопрос соблюдения определенной осторожности в отношении нашей валюты, вопрос, который, конечно, игнорировать нельзя.

Но нельзя, с другой стороны, считать правильным положение, когда финансирование товарооборота равняется только по наличным промтоварам. Это парализует всякие пути промышленного развития.

По Шанину, финансирование товарооборота должно служить только потребностям рыночной стихии. По нашему же оно должно служить не только задачам рынка, но также и социалистическому строительству, в частности задачам промышленного накопления. Нужно оба эти момента сочетать с максимальной для нас пользой. Ведь и во всяком «приличном» буржуазном государстве сфера обращения, в целом, и такие

[1]) «Большевик» № 2, стр. 66. Курсив автора. *Р. В.*
[2]) Речь идет о сокращении первоначальных планов на 1925—26 г.
[3]) Там же, стр. 66. Курсив наш. *Р. В.*
[4]) Курсив Шанина. *Р. В.*
[5]) «Большевик» № 2, стр. 65. Курсив мой. *Р. В.*

части ее, как денежная и кредитная система, служат не только целям обмена, но и накопления.

Если в ранее цитированных рассуждениях Шанин, смешивая промышленную продукцию с предложением, саботировал промышленное развитие с точки зрения крестьянского потребления, то тут он делает то же самое с точки зрения валютной. в этом вопросе Шанин не одинок. Его верным союзником является тов. Сокольников.

«Деньги,—пишет Сокольников,—являются таким перекрестком, где смыкаются, с одной стороны, интересы хозяйства, с другой—основные политические интересы. Валюта не только инструмент товарообмена, это инструмент ведения государственного хозяйства и возможности вообще существования государства, как организации политической власти, организации культурного хозяйства, организации, обеспечивающей военную оборону и т. д.» [1]).

Если Шанин считает, что валюта служит только рынку, то Сокольников знает, что она служит также и государству. Он учитывает и политическую сторону. Но эта истина, известная каждому толковому буржуазному экономисту, совершенно недостаточна и до бессодержательности тривиальна в наших условиях. У нас валюта служит и должна служить не только рынку, не только культуре и армии, но и хозяйственному социалистическому строительству. И у Шанина, и у Сокольникова социалистическое строительство игнорируется.

Шанин молчаливо переносит на наш переходный период предпосылки простого товарного хозяйства.

Не вздумает же товарищ Шанин отказывать «нормальному» капиталистическому хозяйству в праве авансировать деньги на расширение производства: покупку рабочей силы, сырья, оборудования и т. д.

Чем же «наши хуже ваших»? Почему должны быть исключены задачи развертывания промышленности?

Шанин, быть может, попытается укрыться под формальным разграничением между финансированием товарооборота и финансированием промышленности. Мы не станем отрицать важности такого разграничения. Однако, оно не должно затемнять существа вопроса, которое заключается в том, что в условиях товарного хозяйства деньги, авансируемые на расширение промышленности, не могут не попасть в товарооборот, ибо других путей плодотворного использования денежных капиталов для промышленного строительства товарное хозяйство не знает.

Конечно, нужно соблюдать меру в финансировании всех отраслей народного хозяйства, оберегая устойчивость нашей валюты. В этой плоскости может итти речь о размерах кредитов и эмиссии, это спор о количестве, но не о качестве.

Шанин же выдвигает принципиально иную постановку вопроса, качественно отличную, сводящуюся к тому, что товарооборот наш должен финансироваться только под углом зрения рыночной стихии, без всякой оглядки на задачи социалистического развития.

Это уже не простая осторожность, но принципиальный хвостизм.

[1]) Г. Я. Сокольников, «Осенние «заминки» и проблемы хозяйственного развертывания», Москва, 1926 г., стр. 35—36.

Помимо валюты, Шанин вооружил против промышленности еще ряд моментов: рабочую силу, элементы воспроизводства in natura, процесс образования капиталов и рынок сбыта товаров [1]).

Что касается рабочей силы, то «процесс воспроизводства рабочей силы и в тех отраслях промышленности, которые требуют высококвалифицированных рабочих, идет далеко не одинаковым темпом» [2]). Все же, «в каком темпе» идет воспроизводство рабочей силы? Какие здесь отрицательные и положительные стороны для промышленности? Каковы наши возможности в области воспроизводства рабочей силы внутри страны? Не выгодно ли нам вместо ввоза товаров ввозить квалифицированных рабочих из-за границы? Все эти и подобные вопросы Шаниным даже не затрагиваются. Между тем этими вопросами нужно было заняться раньше, чем делать выводы о том, что в данном отношении развертывание промышленности парализуется.

Из натуральных элементов воспроизводства Шанин затрагивает только сырье. Констатируя, что одни отрасли промышленности подвержены затруднениям со стороны сырьевой базы, тов. Шанин ни слова не говорит о тех отраслях промышленности, которые имеют благоприятную сырьевую базу. Здесь—нарочитое сгущение красок.

Одного, конечно, даже тов. Шанин не посмеет отрицать, а именно, что рынок сбыта для нашей промышленности бесспорно имеется. И, поневоле констатируя это обстоятельство, тов. Шанин считает нужным немедленно смягчить то впечатление, которое создается в пользу развития промышленности, и добавляет: «Тем не менее развитие нашей промышленности не сможет пойти в том темпе, в каком пойдет сельское хозяйство» [3]).

Обоснованность такого заключения, особенно по отношению к рынку сбыта, далеко уступает смелости его.

По вопросу о капиталообразовании, как и по вопросу о рабочей силе, Шанин тоже отделывается одними суммарными заявлениями. Он не говорит ничего ни о возможностях капиталообразования в самой промышленности, ни о возможностях получения средств из других отраслей народного хозяйства внутри страны.

Между тем, в этой связи не мешало бы вспомнить, что кое-какое накопление наша промышленность уже имеет и что возможность капиталообразования за счет средств самой промышленности вовсе не является такой утопией, как некоторым кажется. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что прибыли нашей промышленности из года в год растут [4]).

---

1) «Большевик» № 2, стр. 69.
2) Там же, стр. 69.
3) Там же, стр. 69.
4) Вообще, прибыли нашей госпромышленности представляются до сих пор выясненными далеко не полностью. Если в 1923—24 г. они, по данным ВСНХ, составляли 190 милл. руб., а по данным НКФ — 220 милл. руб. (в этом вопросе ВСНХ является, в противовес НКФ, сторонником «малых чисел»), то по самым предварительным подсчетам ВСНХ на 1 октября 1925 года прибыли промышленности составляют 340 милл. рублей. Важно подчеркнуть, что сюда не входят как раз те суммы, которые уже пошли в накопление, а именно затраты на те новые капитальные работы, которые в течение последних лет производились в промышленности и «сидят» в отчетах под скромным видом затрат на текущий ремонт (см. Б. Гухман, „Сумма доходов СССР". «Плановое Хозяйство» № 1, за 1926 год). Нужно об'явить решительную борьбу тому предрассудку, по которому наша промышленность не имеет внутренних сил: из пеленок «военного коммунизма» мы уже вышли.

Имеются также и пути внутренних займов, которые Шаниным тоже почему-то отрезываются.

Перспективы долгосрочных заграничных займов в форме промышленного оборудования Шаниным à priori исключаются. В настоящее время мы стоим, например, перед возможностью получения германского займа для оборудования промышленности. Заем этот мыслится, как долгосрочный. Если Шанин, не без некоторого основания, считает заграничные займы проблематичными, то Сокольников высказывается против них принципиально. «Для Советской страны,—пишет он,—основным путем вне всякого сомнения должна быть и может быть не политика долгосрочных займов, не политика иностранных кредитов, а путь развития экспорта» [1]).

Иностранные займы у капиталистических держав—вещь далеко непривлекательная. Но и они в определенных размерах могут сослужить нашему строительству большую службу. Зачем же против них зарекаться?

Вряд ли найдется кто-нибудь, кто стал бы утверждать будто мы имеем безграничные возможности капиталообразования. Но одно бесспорно: кой-какие пути капиталообразования имеются в настоящее время. Они идут по линии накопления в самой промышленности, а также по линии бюджета и кредитных операций. Бюджет (в частности, налоги и акцизы) и кредит—вот пути мобилизации «гуляющих» и непроизводительных (с народно-хозяйственной точки зрения) частных капиталов. Нужна, кроме того, строжайшая экономия в самой промышленности и в госаппарате. Кроме того, следует не отбрыкиваться и от иностранных займов, но стараться их развить в полной мере. Итак, по мнению Шанина, в ближайшее время нет путей для капиталообразования. А по мнению Сокольникова, от этих путей следует отказаться, если они идут по линии долгосрочных займов. Зато оба они сходятся в том, что единственный верный путь—это сельско-хозяйственный экспорт.

Сгущая темные стороны промышленного развития, Шанин в то же время всячески выпячивает «светлые» стороны сельско-хозяйственного развития. Но о каком сельском хозяйстве идет у Шанина речь? Он говорит о «быстром росте сельского хозяйства», а не о его технической реконструкции. Он восторженно отзывается о низком органическом строении капитала в сельском хозяйстве (ничтожная величина постоянного капитала по отношению к переменному), о непритязательности сельского хозяйства в области капиталов и квалифицированной рабочей силы [2]). Тут возводится в идеал та отчаянная техническая отсталось, которая характеризует наше сельское хозяйство.

Шанин, повидимому, всерьез думает, что с таким сельским хозяйством мы будем достаточно конкурентоспособны на мировом рынке и что такое сельское хозяйство призвано долгие годы превалировать над промышленностью.

Хорошо сделал бы товарищ Шанин, если бы он поставил во всю ширь вопрос о технической реконструкции сельско-хозяйственных производительных сил. Он навел бы некоторую тень убедительности на свою теорию, если бы он попытался проана-

---

1) Г. Сокольников, упом. кн., стр. 17.
2) См. там же, стр. 69.

лизировать, пойдет ли реконструкция сельского хозяйства успешнее и дешевле, чем реконструкция промышленности [1]). Но, к сожалению, он и этого не сделал.

Зачем понадобился весь этот арсенал тенденциозных «доводов» и сгущенных красок? Не для того ли только, чтобы доказать, что в нашем хозяйстве органически заложена неравномерность развития сельского хозяйства и промышленности?

И поэтому мы с особым изумлением (чтоб не сказать больше) читаем заключительные строки его рассуждений о неравномерности развития сельского хозяйства и промышленности.

«В противовес распространенному представлению о возможности равномерного развития промышленности и сельского хозяйства, необходимо легализовать в партийном сознании обратное представление: невозможность на ближайшие годы такой гармоничности и тщетность на ближайший период усилий догнать с нашей промышленностью сельское хозяйство» [2]).

Ничего себе—«легализация»!

Она означает, что нужно поставить на голову все наше «партийное сознание». Из коммунистического оно должно превратиться почти в народническое. Но для этого нужна одна «малость»: предварительное перерождение коллективного партийного сознания.

II. «Чистая» теория или «чистая» профанация.

Шанин пытается построить «схему нашего развития под углом зрения чистой экономики».

Под углом зрения «чистых» построений тов. Шанин, без всякого зазрения партийной совести совершенно вычеркивает социалистические задачи нашей страны. Вместо задачи построения социализма он выдвигает на первый план другую, которая формулируется в следующих словах: «Возможность под'ема народного хозяйства за счет сельско-хозяйственного экспорта, т.-е. возможность максимально-дешевого под'ема народного хозяйства, есть величайший плюс для нашей экономики. Он должен был бы быть использован поэтому в максимальной мере» [3]). Здесь тов. Шанин совершенно выплевывает социальные отношения, заменяя их материальными процессами. Если говорить только о «под'еме народного хозяйства», только о развитии материальных процессов, безотносительно к их социальному содержанию, то с точки зрения политической коммунистическая идеология стушевывается. Ее место, в лучшем случае, заступает идеология сменовеховская.

Шанин выдвигает очень любопытную концепцию, которая таит в себе немаловажные последствия. Предоставим слово самому изобретателю новых рецептов: «Если мы считаем, что нам предстоит, примерно, 10 лет «нормального сотрудничества» с капиталистическим окружением, то мы могли бы остановиться на таком типе развития, который обеспечил бы нам максимально возможное развитие промышленности через 10 лет, допуская замедленный рост ее в течение ближайших, скажем, пяти лет, если только такое замедление обещает нам в дальнейшем решительный промышленный реванш. Мы могли бы тогда в течение этих ближайших лет форсировать сельское хозяйство, сведя к минимуму перекачку из него в промышленность с тем, чтобы на основе этого поднять сельское хозяйство столь пышно, чтобы черпая из этого широко разросшегося резервуара, в течение последних пяти лет не только возместить то, что было в первое пятилетие потеряно в темпе промышленного развития, но и с лихвой обогнать упущенные возможности. Такой план, однако, целиком базировался бы на предположении, что нам обеспечены 10 лет мирного сотрудничества. Если бы такая гарантия существовала, мы на самом деле ничем не рисковали бы, если бы на первых порах наша экономическая и военная обороноспособность была несколько ослаблена, но зато на этих дрожжах заметно взошла наша промышленность и укрепилась обороноспособность к концу десятилетия» [1]).

[1]) Мы пока не говорим о социальных процессах, связанных с этим.
[2]) Там же, стр. 71, курсив мой. *Р. В.*
[3]) Там же стр. 74, разрядка автора.

Мы позволили себе привести эту длинную цитату без всяких сокращений потому, что в ней сконцентрирован «весь Шанин»; здесь механическое, антидиалектическое мышление выступает голым, без прикрас, как родила сама шанинская незатейливость.

Из чего исходит т. Шанин? Первое: примерно, десят лет мирного сожительства с капиталистическими странами; второе: пятилетие форсированного развития сельского хозяйства; третье: то же пятилетие замедленного развития промышленности; четвертое: разбогатевшее через пять лет сельское хозяйство, из которого черпаются рессурсы для промышленности, и, наконец, пятое: пять последних лет развития промышленности. Здесь все гладко, стройно и последовательно... безжизненно.

Die erste Kolonne marschiert!
Die zweite Kolonne marschiert!..

Пять колонн, выступающих в исторической последовательности по шанинским приказам.

А если вдруг, товарищ Шанин, какая-нибудь колонна Вас не послушается, забастовку об'явит—не хочу дальше двигаться, или хочу по другому пути продвигаться?

А, ведь, весь шанинский план ведет к тому, что на определенном пункте парадного марша количество враждебных пролетариату экономических сил должно столь возрасти, что оно перейдет в новое экономическое и политическое качество. Это новое «социальное качество» будет неизмеримо сильнее, чем рабочий класс и его власть. Оно будет обладать такой силой, чтобы советской власти не подчиниться.

В самом деле, какая чистая тенденция здесь кроется?

Обратимся к «марширующим колоннам». Первая: нормальное сотрудничество с другими странами создается рядом факторов, лежащих и внутри нашей страны и за рубежом. Для того, чтобы не усложнять вопрос, остановимся только на наших внутренних факторах. Так как Вы, товарищ Шанин, считаете себя материалистом, то Вы обязаны согласиться с тем, что для длительного мирного сожительства с капиталистическими странами требуется с нашей стороны отнюдь не одна только наркоминдельская мудрость. Последняя представляет собою колоссальную ценность.

[1]) «Большевик» № 2, стр. 79—80.

Все же она нуждается в некоторой постоянной подмоге со стороны нашей экономической и военной мощи. Хорошие чичеринские ноты, направленные на цели мирного сожительства с капиталистическими державами, приобретают для последних тем больше силы убеждения, чем больше эти ноты опираются на растущие процессы социалистического строительства, чем больше они аргументируют нашей социальной и материальной мощью. Между тем путь форсирования сельского хозяйства и замедленного продвижения промышленности ведет к ослаблению нашей обороноспособности. В этом вопросе между нами и тов. Шаниным разногласий нет, ибо он в своей концепции и сходит из того, что «на первых порах наша экономическая и военная обороноспособность была (бы) несколько ослаблена». Здесь Шанин свободен от всяких иллюзий. Он знает, что в первые годы его план должен повести к ослаблению хозяйственной и военной мощи страны. А если так, то не вызовет ли это в ближайшее же время ухудшения условий мирного сожительства с капиталистическими странами? Не явится ли шанинская политика таким фактором, который обескровливает и почти аннулирует его первую предпосылку—«мирное сожительство»? Если б т. Шанин обнаруживал мало-мальски диалектический подход, он бы понимал, что противоречивое движение явлений приводит к тому, что его экономический курс делает несостоятельной его первую международно-политическую предпосылку, ибо по мере того, как будет, хотя бы «временно», ослабляться военная и хозяйственная мощь СССР, отношение к нам со стороны капиталистического окружения должно неизбежно ухудшаться. И пионеры знают, что миролюбивое отношение к нам со стороны капиталистических стран имеет своей основой, помимо причин международного характера, наш внутренний экономический и политический рост. «Миролюбие к нам прямо-пропорционально нашему могуществу. Кто этого не понимает, тот может обольщаться вульгарно-механистическим планом Шанина: ослаблять нашу хозяйственную мощь, сохраняя в то же время миролюбивые международные отношения.

Переходим ко второй и третьей колонне. Какова их чистая тенденция? Что должен дать убыстренный темп развития сельского хозяйства и замедленный темп развития промышленности?

Мы не думаем, чтобы даже т. Шанин мыслил себе такой «чистый» путь аграрного развития страны, при котором «нормальная аграризация» могла бы протекать без всяких «промышленных дополнений». Сельское хозяйство нуждается не только в рынке сбыта своих товаров, но и в рынке приобретения промтоваров. И если государственная промышленность товаров не дает, то их следует искать либо у иностранных промышленников, либо у частных производителей промтоваров внутри страны. При определенных условиях неудовлетворенный спрос деревни может стимулировать такой темп развития частной промышленности (сперва кустарной, а затем и более крупной), какой чреват немаловажными последствиями для нашей крупной госпромышленности.

Усилится вместе с тем процесс роста частного торгового капитала и стремление этого капитала захватить у нас и кой-какие позиции в промышленных высотах. Не лишне будет напомнить

т. Шанину одно из ленинских положений. В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин писал: «В последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними» [1]).

Из двух возможностей, намеченных в этих строках Ильича, тов. Шанин идет во всяком случае не по линии первой возможности. Осуществление его плана приведет к разрыву союза рабочих и крестьян и весьма усилит темп роста той самой новой буржуазии, которая вклинивается враждебной силой между двумя основными классами нашей страны. Шанинский маршрут должен усилить существующую между госпромышленностью и сельским хозяйством диспропорцию развития и выявить ряд весьма отрицательных моментов.

Убыстренный темп развития сельского хозяйства вызовет еще более сильный спрос со стороны деревни, особенно верхушечных слоев ее. Промышленность же при замедленном темпе развития будет еще меньше в состоянии удовлетворять товарный спрос деревни. Отсюда—неизбежность «размычки» между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством. Деревня обратит свои взоры не только на частную промышленность внутри страны, но и на те пути, которые непосредственно, помимо нас и против нас, ведут к дешевому иностранному товару. Шанинская политика должна вызвать среди кулачества тенденцию к смычке с контрабандой и к отмене монополии внешней торговли—одной из наших важнейших командных высот на хозяйственном фронте.

Шанинская политика «первых пяти лет» таит в себе не только экономические, но и политические опасности.

Обострение экономических отношений с крестьянством должно привести и к внутренним политическим осложнениям. Нэп тогда превращается из политики строительства социализма в политику, ведущую либо к беспрерывной борьбе между усиливающимся крестьянством и все ослабляющимся пролетариатом, либо к полосе уступок как крестьянству, так и иностранному капиталу. Теория, гласящая, что нэп есть беспрерывное отступление, вступит в свои права и будет господствовать безраздельно. «Если нет отступления, его надо создать». Шанинская программа обеспечит это целиком и полностью.

Триумфальный марш второй и третьей из шанинских колонн ставит под жесточайший удар все наши завоевания.

Помножьте друг на друга результаты первых трех шанинских походов,—и вы получите всю сумму условий, необходимую для того, чтобы выбить господствующий пролетариат из седла, в котором он сидит в настоящее время.

Точка. О четвертой и пятой колонне говорить уж не приходится. Они окажутся вне пределов нашего воздействия.

Тут мы подходим к непролазной наивности шанинских иллюзий. Тов. Шанин мечтает о промышленном реванше. Он думает,

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 115—116, разрядка моя. *Р. В.*

что можно «поднять сельское хозяйство столь пышно, чтобы, черпая из этого широко разросшегося резервуара в течение последних пяти лет, не только возместить то, что было в первое пятилетие потеряно в темпе промышленного развития, но и с лихвой обогнать упущенные возможности». Но в том-то и дело, что возросшие капиталистические силы внутри страны и усилившееся враждебное отношение к нам капиталистического Запада (а все это—неизбежный результат шанинской политики, если бы партия послушалась его) не дадут нам возможности перекачивать средства из сельского хозяйства в промышленность. Социально-импотентный рабочий класс не будет в состоянии выкачивать средства из капиталистически-окрепших элементов страны.

Станция Чухлома! Дальше Советский поезд не двигается!..

Начинается эра развития на аграрно-колониальной основе.

Упущенное шанинское «пятилетие» представляет собою не просто упущенное время, но—что ужаснее всего—упущенный тип развития. Недостаточное развитие промышленности в ближайшее время ведет неизбежно к тому, что аграрный тип развития страны возьмет верх и отрежет на долгие годы пути для развития промышленности на социалистической основе.

Нельзя же в самом деле представлять себе дело так, как тов. Шанин. Он мечтает о каком-то «широко разросшемся резервуаре», которым можно беспрепятственно маневрировать в любое время. Что же такое этот «резервуар»? Неужели это какая-то бочка нефти, которую можно сегодня накачивать, а через пять лет столь же легко выкачивать?

Он забывает, что на этой «бочке нефти» сидит живое человеческое общество, которое диалектически развивается. Он не понимает, что для деревни «пятилетнее накачивание» имеет свои глубочайшие социальные последствия.

Шанину все эти соображения чужды.

Но в одном ему нельзя отказать. Он, повидимому, понимает, что ослабление внимания к промышленности должно направить внимание страны к зарубежным товарам. Поэтому он на протяжении всей своей статьи неоднократно подчеркивает важность внешней торговли. «Классическим» можно считать один из заключительных аккордов его «теории»: «Пролетариат должен несколько менее оттенять свою роль носителя быстро развертывающейся промышленности и должен несколько выдвинуть вперед свою роль организатора внешней торговли» [1]).

Шанинский план и ведет к тому, что господствующая роль в организации внешней торговли будет выпадать из наших рук. Ослабление базы социалистического строительства, падение роли крупной промышленности по отношению к сельскому хозяйству повлечет с непреложностью истматовских законов к ослаблению всех наших командных высот, в том числе и монополии внешней торговли. Не учитывая этой опасности, Шанин продолжает «углублять» свои взгляды: «Указываемый нами тип развития связан с известной перегруппировкой элементов внутри

[1]) «Большевик» № 2, стр. 87, разрядка моя. *Р. В.*

социалистического ядра нашей экономики. Он связан с усилением роли монопольно организованной внешней торговли, кооперации, с.-х. кредита и транспорта и с сравнительным (отнюдь не абсолютным) замедлением роста госпромышленности. Эта перегруппировка пойдет одновременно с значительным усилением и ростом социалистического ядра в целом. Последнее будет в течение этих лет расти, при чем этот рост будет опережать рост частно-хозяйственной периферии» [1]).

Выходит, что в монополии внешней торговли, в кооперации, в сельско-хозяйственном кредите и в транспорте заложены самодовлеющие, ни от кого не зависящие «социалистические» бациллы.

Кооперация, кредит и прочие хорошие вещи не являются сами по себе социалистическими. Они, как и всякие другие формы общественных отношений, могут итти по пути социалистического развития, если в обществе имеются соответствующие к тому предпосылки. Но при определенных условиях они могут превратиться в орудия капиталистического развития.

Основной предпосылкой является характер производства, его технический уровень и его общественная организация.

Сфера обмена, к которой относится значительная часть кооперации и вся торговля, суть функции от производства. «Производство» в противоположности своих определений охватывает как самого себя, так и остальные моменты [2]). С него каждый раз вновь начинается процесс. Что обмен и потребление не имеют господствующего значения, это ясно само собою... Определенная (форма) производства обусловливает, таким образом, определенные (формы) потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу» [3]).

Рабочий класс является носителем тех социалистических тенденций, тех новых отношений, которые создаются в нашей промышленности, как на социалистической базе. Те социалистические тенденции, которые имеются в кооперации и кредите, выражают в основном экономические отношения пролетариата, как коллективного хозяина социалистической промышленности, ко всем остальным группам населения. Не отрицая огромной роли тех командных высот, которые мы имеем в сфере обмена и распределения, мы должны все же признать, что их значение обусловлено нашим господством в определенной сфере производства—в промышленности.

И если пролетариат может через систему госторговли, кооперации и кредита форсировать развитие социалистических тенденций в сельском хозяйстве и ослаблять капиталистические возможности, то это не потому, что кооперация, кредит и торговля сами по себе «социалистичны», а потому, что промышленность, которую пролетариат представляет, выявляет мощные социалистические тенденции.

[1]) «Большевик» № 2, стр. 83.

[2]) Разрядка моя. *Р. В.*

[3]) Разрядка автора. См. К. Маркс, «К критике политической экономии», издание «Московского рабочего», 1922 г., стр. 23.

Отрежьте «промышленность»—и вся система отношений, созданная Октябрьской революцией, полетит в бездну капитализма или «патриархальщины». Попробуйте ослабить промышленность, и «социализм» наших рычагов до основания пошатнется. Конечно, и кооперация, и торговля, и кредит имеют колоссальное значение, как орудия социалистического строительства, но они теряют свое значение при отсутствии социалистической промышленности и ее развития.

Когда читаешь цитированные выше строки Шанина, которые осеняют торговлю, кооперацию, кредит и транспорт каким-то «изначальным», «предвечным» и «незыблемым» социалистическим духом, то невольно вспоминается небезызвестное место Маркса, направленное против «Шанина» того времени. Против Прудона, который не понимал диалектики экономических отношений, Маркс писал: «Что мы сказали бы о химике, который, вместо того, чтобы исследовать действительные законы обмена веществ и разрешать на почве их определенные задачи, захотел бы преобразовать обмен веществ сообразно «вечным идеям»? [1]).

Про алхимика, рождающего социалистический элексир путем ополчения против социалистических тенденций развития, ничего больше сказать нельзя.

III. Общественные классы в роли марионеток.

Путь к превращению страны в колонию открыт полностью. «Идеология колонии» немилосердно держит Шанина в своих руках. Отодвинув во имя ее на задний план промышленность, превратив кооперацию и кредит в самодовлеющие «социализмы», «идеология колонии» заставляет Шанина фаворизировать, кроме сельского хозяйства и внешней торговли, еще одну отрасль—транспорт. Почему транспорт? Мотивировка Шанина по этому вопросу заслуживает самого пристального внимания. Вот что он пишет: «Задержка в промышленном строительстве освободит некоторые рессурсы для транспортного строительства. Транспорт импортировать, к сожалению, нельзя. Можно максимум импортировать отдельные элементы его. Между тем, промышленную продукцию импортировать можно. А транспорт нам придется в ближайшее же время серьезно двигать вперед, охватывая им подымающуюся экономику отсталых районов» [2]).

Нельзя не вспомнить, что против промышленности Шанин выдвинул пять адских пунктов, которые заставляют промышленность «в первые годы» относительно стушевываться.

Следует поэтому испробовать в отношении транспорта направленную против промышленности силу шанинского оружия.

Во-первых, Шанин исходит из того, что промышленность освободит некоторые средства для транспортного строительства. Мы помним, что против финансирования промышленности Шанин выдвигал тот мотив, что «финансирование товарооборота должно равняться по наличным промышленным товарам, а не по программе намеченного развертывания промышленности» [3]).

---

[1]) «Капитал», т. I, отд. 1. 43 примечание.
[2]) «Большевик», № 2 за 1926 г., стр. 83.
[3]) Там же, стр. 65. Курсив автора. *Р. В.*

Теперь мы видим, что промышленности не только не следует давать средства на свое развертывание, но из нее еще следует высвобождать рессурсы для транспортного строительства.

Но встает другой вопрос. Разве вложение средств в транспорт не означает, что финансирование товарооборота должно равняться не по наличным транспортным средствам, а по программе намеченного развертывания транспорта? Почему такая немилость в отношении промышленности—об этом «чистая» экономика умалчивает.

Для строительства транспорта нужно извлекать некоторые материальные средства из товарооборота?—Нужно. Нужно авансировать капитал на транспортное строительство?—Тоже нужно. Чем же в этом отношении промышленность хуже транспорта? Ничем абсолютно.

Во-вторых, имеет ли транспорт достаточно квалифицированной рабочей силы? Чем в этом отношении транспорт лучше промышленности? Об этом Шанин ни слова не говорит и сказать ему в свою пользу нечего. С квалифицированной рабочей силой для транспортного строительства у нас обстоит в общем и целом так же хорошо и так же плохо, как и с квалифицированной рабочей силой для развертывания промышленности.

В-третьих, имеет ли наша страна те «самые натуральные производственные элементы», которые нужны для транспортного строительства? Нет, не имеет. И, в этом отношении транспорт никакими преимуществами перед промышленностью не отличается. «Транспорт,—говорит Шанин,—импортировать, к сожалению, нельзя, а отдельные элементы его можно».

Стопроцентная истина глаголет Вашими устами, товарищ Шанин. Но разрешите Вас спросить: если можно импортировать «отдельные элементы транспорта», почему нельзя импортировать «отдельных элементов» для промышленного оборудования?

Вместо того, чтобы говорить о производстве средств производства внутри страны, или хотя бы об их импортировании, т.-е. о техническом усилении основной социалистической базы—промышленности—Вы, товарищ Шанин, говорите о ввозе «промышленной продукции», о «снабжении крестьянства промтоварами», словом, о том, что приличествует делать для всякой аграрной колонии.

В этом отношении следует отличать политику временного маневренного импорта готовых изделий от той политики, которая превращает этот временный маневр в господствующую систему. От первого пути мы не зарекаемся. Но тот путь, который вводит в систему импорт готовых товаров на основе катастрофически медленного развития промышленности, при форсированном развитии сельского хозяйства, транспорта и внешней торговли,—этот путь ведет к превращению советской страны в колониальную.

В-четвертых. Против промышленности был выставлен таран в виде «темпа капиталонакопления». Но если в отношении промышленности Шанин хотя бы декларировал слабый темп капиталонакопления, то в отношении транспорта этот вопрос им даже не затрагивается.

В-пятых, наконец, рынок сбыта. Стоит ли сомневаться в том, что транспорт найдет кого обслуживать? «А транспорт,—заявляет тов. Шанин,—нам придется в ближайшее же время

серьезно двигать вперед, охватывая им подымающуюся экономику (читай: колониальную аграризацию. *Р. В.*) отсталых районов».

Правильно, тов. Шанин! Нужно двигать транспорт вперед. Для смычки нашей сельско-хозяйственной продукции с иностранными промтоварами нужно сдерживать промышленность и развивать транспорт!..

Это первейшее условие. Его осуществляет финансовый капитал в каждой аграрной колонии. История экономических и военных завоеваний колоний финансовым капиталом неразрывно связана с строительством транспорта, с ввозом промтоваров и вывозом сельско-хозяйственных продуктов.

Мы не сомневаемся в том, что Шанин, как коммунист, считает себя злейшим врагом международного капитала и что транспорт он собирается строить в интересах коммунизма. Но, к сожалению, благие суб'ективные намерения дают подчас прямо противоположные результаты.

Об'ективное значение развития транспорта во всей шанинской концепции именно таково, что оно призвано будет служить целям международной буржуазии.

Логическая последовательность заставляет Шанина форсировать транспорт, хотя с точки зрения его «чистой» экономики транспортное строительство не отличается никакими «чисто экономическими» преимуществами перед промышленным строительством.

Чувствуя, что его план «не совсем» вяжется с социалистическим типом развития, Шанин готовит для своей теории путь к отступлению.

И тут начинается самое потешное.

Тип развития нашей страны определяется, по Шанину, двумя моментами: 1) теорией «чистой» экономики, далекой от марксо-ленинизма и от реальной действительности и 2) тем, что «тип нашего экономического развития есть функция срока нашего мирного «сотрудничества» с Западом»[1]).

Внутренние силы нашего развития играют для Шанина чрезвычайно ничтожную роль.

Исходя из этого, Шанин вносит поправку в свой «чисто-экономический» план. Если, рассуждает он, нам предстоит десять лет мирного жития, то следует в течение пяти лет форсировать развитие сельского хозяйства, а затем—пять лет гнать вверх промышленность. Если же в наших руках окажется только четыре года, то мы должны два года посвятить сельскому хозяйству и два года промышленности. В одном Шанину, конечно, нельзя отказать: в знании арифметических правил деления.

Наш знаток арифметики еще более осторожен и скромен. Он с десяти лет опускается, наконец, и до одного года. «Если,—говорит он,—в будущем году обстановка сложится таким образом, что срок этот (срок окончания нашей военной передышки. *Р. В.*) окажется более близким, чем мы это предполагали, мы должны будем энергично и быстро перегруппироваться, чтобы

[1]) Там же, стр. 80, курсив Шанина. *Р. В.*

встретить столкновение, разыгравшееся ранее ожидавшегося, более вооруженными»[1]).

Шанин, надеемся, не бросает слов на ветер. Ведь он указывает партии новые пути. Поэтому постараемся проследить конкретно, что представляет собою шанинская «игра на срок».

Вот мы начали новый хозяйственный год «по Шанину». Выкачали кое-что из промышленности и вложили в капитальное строительство по транспорту. Авансировали деньги на сельское хозяйство, роздали кредиты в частные крестьянские руки. Бросили, наконец, крупные средства на внешнюю торговлю и ввезли мануфактуру, сахар и все прочее для крестьянского потребления.

Это—из области «чистой экономики», а в области социальных отношений произошло за это время то, что в городе заработная плата рабочих снизилась, политические настроения рабочих немножко пали, а численность и мощь рабочего класса увеличилась на ничтожный процент в сравнении с ростом кулачества и частного капитала в деревне. Ослабли и социалистические ростки деревни. Возросла сила частного капитала и в городе.

Все это рикошетом ударяет и по кооперации и по государственному кредиту и нажимает также на монополию внешней торговли. Словом, рабочий класс «немножечко» отступает, а капитализм «немножечко» наступает по всему фронту.

И в такое прекрасное время, когда под ясным советским небом наливается резервуар «социалистического капитализма», вдруг разражается гром «керзониады». В такую пору, как признает «сам» Шанин, надо перестраиваться.

Как же нам, выражаясь словами Шанина, «быстро перегруппироваться»?

Очевидно, нужно издать декрет о том, чтобы капиталистические тенденции развития вернули те позиции, которые они отняли у социалистических тенденций развития.

По части «чистой экономики» следует сахар превратить в пушки, а заграничную мануфактуру переработать в станки для наших фабрик и заводов. Деньги, вложенные в сельское хозяйство, придется приказом в один день вынуть и перебросить в другое место.

Вот так—и только так!—придется вести экономическую и социально-политическую перегруппировку.

Нужно иметь представление об общественных классах, как о каких-то мертвых куклах, которые можно поворачивать и направлять по прихоти маленького ребенка, куда захочется. Нужно ничего не смыслить ни в «чистой экономике», ни в классовых отношениях, чтобы думать, что можно народное хозяйство и живых людей заставить каждый день фиглярничать и танцовать на канате так, чтобы они не расшибли твою собственную голову.

Но, ведь, это худший вид бюрократического, вреднейшего планирования и государственного «управления»!

[1]) Там же, стр. 81.

IV. Заключение.

В чем заключается та апельсиновая корка, о которую споткнулся Шанин?

Шанин с наивным видом останавливается перед вопросом: как это получается, что в стране, где наблюдается товарный голод на промтовары, «значительному росту крестьянской продукции соответствует явный недостаток крестьянского предложения»? [1]).

Он не уясняет себе, что предложение промтоваров с нашей стороны должно явиться стимулирующим моментом для крестьянского предложения. А потому нужно использовать все меры к развитию промышленности.

Вместо того, чтобы направить свою мысль именно в эту сторону и поставить вопрос о диалектической взаимозависимости между производством промтоваров и предложением сельско-хозяйственных продуктов, Шанин перевел вопрос в плоскость метафизики.

В высшей степени характерным для рассуждений тов. Шанина является следующая концепция.

«Если для нормальной производственной работы,—пишет он—необходим в качестве оборотного товарного капитала, скажем, месячный запас товаров и если фактические запасы не превышают этой нормы, то расширение основных капиталов не может иметь место. Лишь по мере образования, скажем, шестинедельного или двухмесячного запаса вложение в основные капиталы может достигнуть размеров, соответствующих избытку товарных запасов над указанной месячной нормой оборотного запаса» [2]).

Мы не будем спорить против этого положения. Оно верно для отдельного предприятия и для отдельных отраслей промышленности.

Но тот универсальный вывод, который Шанин отсюда делает, вызывает возражения.

«Поэтому [3]),—пишет он,—предпосылкой [4]) бескризисного расширения основных капиталов является некоторое предварительное [5]) насыщение рынка как сельско-хозяйственными, так и промышленными товарами» [6]).

Причинная связь, устанавливаемая Шаниным, явно незакономерная. Частное явление он, без достаточных оснований, возводит в общий принцип для народного хозяйства в целом. Вовсе не обязательно насытить рынок товарами в один день. Насыщение это может происходить скачкообразно. Более того, развитие одних отраслей промышленности может и должно служить толчком к развитию других отраслей. Шанин категорически настаивает на том, что «преодоление товарного голода есть предварительное условие расширения основных капиталов». В такой постановке шанинское положение напоминает старый спор о том, что родилось раньше: курица или яйцо?

---

[1]) Там же, стр. 66.
[2]) Там же стр. 72 Разрядка автора. *Р. В.*
[3]) Разрядка моя. *Р. В.*
[4]) Разрядка автора. *Р. В.*
[5]) Разрядка автора. *Р. В.*
[6]) Разрядка моя. *Р. В.*

В самом деле, сперва нужно, по словам Шанина, преодолеть товарный голод. Но как его можно преодолеть, если не путем расширения производства промтоваров, которое в свою очередь должно стимулировать и поступление сельско-хозяйственных товаров на рынок? Значит, нужно расширять производство промтоваров, а для этого—расширить основные капиталы промышленности. Получается порочный круг, который обусловлен не об'ектом исследования, но метафизической постановкой вопроса со стороны самого исследователя.

Метафизика в том и заключается, что нельзя раньше удовлетворить товарный голод, а затем расширять производство. Это—два процесса, одновременно протекающих и взаимно-обусловленных. Нужно одновременно и расширять производство и удовлетворять товарный голод.

Это—длительный процесс, в котором усиление одного полюса служит усилению другого, и наоборот.

Вопрос заключается не в том, «что раньше», или «что позже», а в другом: как вести одновременно изживание товарного голода и расширение промышленности под углом зрения социалистических задач?

Тут обнаруживается корень расхождений тов. Шанина с партией. Решения XIV с'езда партии проникнуты классовым пониманием нашей экономической политики.

У Шанина же эта «мелочь» совершенно «выпадает». Когда «шанинская программа» выставляет «аполитичный» лозунг максимально-дешевого восстановления народного хозяйства, то нужно со всей категоричностью заявить, что экономическая политика пролетарской диктатуры исключает такой «внеклассовый» взгляд на народное хозяйство и на процессы, в нем происходящие.

Нужно раз'яснить тов. Шанину и иже с ним блуждающим, что внеклассовой экономической политики в природе не существует. Буржуазия ведет свою экономическую политику с той целью, чтобы сохранить и развить капиталистический строй там, где он существует. Экономическая же политика пролетариата стремится к построению социализма в той стране, где пролетариат уже установил свою классовую диктатуру. Для этого пролетариат стремится накопить побольше социалистических элементов в народном хозяйстве. Его политика сводится к тому, чтобы укреплять социалистические элементы страны и ослаблять капиталистические. Он стремится превратить несоциалистические производственные отношения в социалистические.

Конечно, превращение несоциалистических элементов в социалистические не должно итти таким путем, чтобы создавать экономические и политические конфликты между рабочим классом и крестьянством. Ленинская «политика смычки» и рассчитана поэтому на мирный путь развития.

Каждый шаг нашей собственной политики следует оценивать под углом зрения не «дешевизны», но под углом зрения приближения к социализму или отдаления от него. Все явления и процессы, происходящие в народном хозяйстве, должны расцениваться под углом зрения укрепления существующих

социалистических элементов и накопления новых социалистических элементов в народном хозяйстве.

При этом следует остерегаться комвульгаризации. Нельзя, конечно, забывать, что иногда шаг отступления открывает в конечном счете путь для социалистического наступления. Но в том-то и вся суть, что шанинская «максимально-дешевая» программа в конечном счете ведет не к победе социалистических элементов, но к их поражению.

Шанин словно боится, как бы его «народное хозяйство» не оказалось обремененным задачами развития социалистической промышленности.

«Если бы мы,—говорит он,—в каждой фазе нашего развития были бы в столь ультимативной форме связаны с форсированным ростом крупной промышленности, то судьбу социалистического строительства пришлось бы на самом деле считать менее обеспеченной или, по крайней мере, связанной с значительно большими трудностями, ибо такого рода задержки могут повторно оказаться неизбежными. А при указанной ультимативной зависимости всякая вынужденная (хотя бы и временная) заминка с форсированием промышленности должна была бы нанести непоправимый ущерб строительству социализма [1]).

Спасая страну от такого «бедствия», Шанин разворачивает план, по которому «мы в каждой фазе нашего развития» в ультимативной форме связаны с форсированным ростом капиталистических сил внутри и империалистических нажимов извне.

В связи с этим мы считаем полезным напомнить некоторые мысли Ильича, кое-кем позабытые.

22 декабря 1920 г. Ленин заявил на VIII С'езда Советов следующее: «Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоническом соединении, не может не говорить о широком хозяйственном плане» [2]).

О каком же плане говорил Ленин? Он говорил как раз о той самой электрификации и технической реконструкции народного хозяйства, о которых даже намека нет во всей шанинской «программе». Рассуждения Ленина шли—о ужас!—не под «широким» углом зрения «народного хозяйства», но под «узко-классовым» углом зрения. «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна остается мелко-крестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали, и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно» [1]).

[1]) Там же, стр. 84.

[2]) Н. Ленин, т. XVII, стр. 427. Ленин, оказывается, был настолько «наивен», что выдвигал мысль о гармонии, о соответствии и равномерности в развитии основных отраслей народного хозяйства. А Шанин через шесть лет после этого «понял», что «выравнивание (темпа развития с. х-ва и промышленности. *Р. В.*) отнюдь не обязательно» (см. примечание на 73 стр. шанинской статьи) Шанин, следует признать, и здесь по своему прав, ибо с аграрно-колониальной точки зрения «гармоническое развитие» не только невозможно, но вредно.

Конечно, в этой классовой постановке было больше подлинного народно-хозяйственного понимания, чем во всей шанинской «чистой экономике».

Шанин, как мы видели, переносил центр тяжести социалистического строительства на кредит, кооперацию и пр., включая сюда «транспорт», поскольку последнему «самим богом» велено занять почетное место в аграрно-колониальной системе. Ленин же, не мудрствуя лукаво, считал промышленность основной базой социализма. А среди всей промышленности он особое и исключительное внимание уделял средствам производства. Так, в другом документе, который, кажется, совсем забыт сторонниками шанинской программы, в «письме V всероссийскому с'езду профессиональных союзов» [2]) Ленин писал: «Наше положение особенно трудно потому, что нет средств для восстановления основного капитала—машин, орудий, зданий и т. п., а ведь, именно эта промышленность, так называемая «тяжелая индустрия», есть основная база социализма... Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстановить разрушенные жел. дороги, машины, здания и проч.».

Так рассуждал Ильич в 1922 г., когда наше хозяйство находилось только на пороге восстановительного процесса. Последний, как известно, подходит к концу. В порядок дня ставятся вопросы технической реконструкции. И вот, под углом зрения новых задач, XIV с'езд партии повторил «старые» Ленинские мысли.

С'езд постановил:

«а) во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополии внешней торговли, рост социалистической госпромышленности и вовлечение, под ее руководством и при помощи кооперации, все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства;

«б) обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования;

«д) развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышения технического уровня, однако, в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и финансовыми возможностями государства».

«Емкость рынка и финансовые возможности» можно понимать по разному. С'езд понимает, что мы можем и должны развивать производство средств производства и выставляет это, как программу на длинный ряд лет. А Шанин, наоборот, считает, что мы должны пойти по такому окольному пути, который приведет к прямо-противоположной цели.

[1]) Там же, стр. 428, разрядка моя. *Р. В.*

[2]) См. Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 71.

И, наконец, вопрос о деревне. С'езд постановил, что «основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы, при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы».

По Шанину же получается прямо противоположное: рабочий класс на поводу у тройственного союза между кулаком, нашим «отечественным» и иностранным капиталистом. Получаются диаметрально-противоположные общественные отношения.

Что касается социологического содержания шанинского выступления, то оно, конечно, против воли автора, бьет очень далеко. Оно представляет собою интересы той верхушечной части деревни, которая стремится через голову советской власти (и, конечно, в советски-легальных формах) протянуть руку международному капиталу и установить с ним союз против пролетариата и против тех слоев крестьянства, которые идут вместе с советской властью. Шанин отражает не просто мелко-буржуазные настроения деревни, но специфическую форму их, а именно, ту форму настроений, которые тяготеют к «хорошему», организованному Европой и воодушевленному Америкой, дауэсовскому капиталу. Шанинская теория, действительно, может превратиться в идеологию тех слоев и города и деревни, которым нужно освобождение от всяких «социализмов», не дающих возможности «почестному» жить и наживаться.

«Капитал-освободитель» должен притти с Запада, вспахать обширный торговый рынок на территории СССР и открыть свободу для экономических верхушек деревни (а затем и города) эксплоатировать рабочих и крестьян.

В качестве «комиссионных» он должен получить одну «малость»: осуществленную программу колониальной политики.

Тесно связано с этим то обстоятельство, что по мановению шанинского пера все силы экономики восстали против промышленности: и крестьянское потребление, и санирование валюты, и внутренний товарооборот, и внешняя торговля, и рынок, и процесс капиталообразования.

И по той же причине от шанинского похода уцелели только сельское хозяйство и... транспорт.

Специфическим отличием шанинского выступления является еще одно обстоятельство.

Так как на нынешней ступени развития нашего хозяйства между социалистическим строительством и под'емом народного хозяйства имеется очень много точек соприкосновения, то обнаруживается тенденция подменить одно другим. Это добросовестное заблуждение отдельных товарищей в данном случае встретилось с настроениями, идущими из другого лагеря. Общим оказалось между ними то, что оба обращают внимание только на материальные процессы.

Шанинское понимание материальных процессов ведет к потере социалистической перспективы. С этим тесно связаны и его методологические ошибки.

Следует ли считать шанинское выступление абсолютно вредным? Нет. Оно имеет и свою положительную сторону, которая заключается в том, что на фоне неправильных антимарксистских и антиленинских построений Шанина выявляется еще больше, еще ярче и убедительнее правильность и актуальность тех решений, которые вынесла на своем XIV с'езде Всесоюзная Коммунистическая Партия.

Крестьянство в Китае.

В настоящем письме мы лишь поставим некоторые вопросы, а также сообщим кое-какие статистические данные, хотя и не особенно точные, но все же могущие представить известный интерес для широкого круга советских читателей, а, может быть, и для некоторых китаеведов. Действительно, разве не незнание каких бы то ни было данных побудило недавно одного из наших наиболее плодовитых авторов-китаеведов «своим умом дойти» до изумительного открытия, будто «крестьяне в Китае никакой собственности не имеют, крестьянин в Китае вечный арендатор дробного (парцельного) мелкого клочка земли»[1]), иначе говоря, одним росчерком пера экспроприировать десятки, если не сотни, миллионов китайских крестьян, превратив их в бездомных и безземельных пролетариев. Мы не стали бы останавливаться на таком печальном для нашей синологии инциденте, если бы наивный вопрос о том, имеются ли в Китае мелкие собственники-крестьяне или таковых нет, не был вновь поднят на страницах «Большевика» вышеупомянутым автором, написавшим обиженное письмо в редакцию, поместившую неблагоприятный отзыв о его книге. Как ни прискорбен, повторяем, для нашего китаеведения уже самый факт постановки такого вопроса, все же раз он так упорно ставится, то на него приходится отвечать в первую очередь. Итак, действительно ли «крестьяне в Китае никакой собственности не имеют» и крестьянин в Китае вечный арендатор дробного (парцельного) мелкого клочка земли»?

Если верить китайскому министерству земледелия и торговли, то оказывается, что крестьяне-собственники в Китае пока еще не перевелись. Мы приводим данные, опубликованные статистическим бюро при вышеуказанном министерстве касательно количества и групп земельных владений в 1917 году.

В нижеприведенной таблице отсутствуют цифры лишь о провинциях Сычуань (50 милл. жит.), Гуанси (12 милл. жит.), Юннань (10 милл. жит.) и Гуйчжоу (11 милл. жит.). Она составлена на основании докладов губернаторских «ямыней», которые в свою очередь основывались на сведениях, сообщенных уездными начальниками. Особенно полагаться на эту таблицу не приходится, но все же и из нее можно сделать хотя бы тот, по существу ничего нового не представляющий собою, вывод, что крестьяне-собственники в Китае не только имеются, но что они составляют подавляющее большинство. Этот факт упускать из виду не приходится особенно авторам опытов политико-эконо-

[1]) А. Ходоров, М. Павлович, «Китай в борьбе за независимость». Научная Ассоциация Востоковедения.

Провинции.	Менее 10 «му».	10—30 «му».	30—50 «му».	50—100 «му».	100 и более «му».	
Пекинск. район	125.013	128.534	148.337	121.823	64.000	587.767
Чжили	1 364.265	1.087.100	707.417	501.655	216.315	3.966.761
Пров. Мукден	395.954	357.876	401.632	336.731	254.453	1.686.646
Гиринь	52.475	96.891	109.775	121.901	157.856	583.893
Хэйлуцзян	24.962	30.999	57.985	67.092	143.117	324.156
Шаньдун	2.106.970	1.551.611	957.640	497.413	341.096	5.454.730
Хэнань	1.597.265	1.568.984	1.524.916	876 726	562.524	6.130.415
Шаньси	282.787	359.685	397.780	337.505	151.789	1.529.546
Цзянсу	2. 26.001	1.312.268	487.017	260.024	86.674	4.871.984
Аньхой	1.130.775	987.108	343.692	208.624	175.815	2 846.014
Цзянсу	336.326	984.819	2.174.072	507.007	62.623	4.064.347
Фуцзянь	870.609	508.988	176.015	56 722	9.018	1.621.352
Чжецзянь	1.689.940	999.045	37 .389	150.878	30.963	3 256.215
Хубэй	1.485.700	994.697	651.534	391.583	147.257	3.670 771
Хунань	354.862	346.321	385.987	244 920	105.707	1.437.797
Шэньси	615.848	368.777	188.629	98.038	63.984	1.335.176
Ганьсу	284.957	221.916	162.558	125.795	69.881	865.137
Синьцзян	156.519	157.484	63.758	56.351	17.628	451.738
Гуандун	2.083.252	962.107	553.222	243.040	83.586	3 925 207
Жохоль	160.120	199.199	128.146	99.722	28.250	615.437
Суйюань	7.692	10.017	13.158	15.699	18.021	64.587
Чахар	12.838	14.039	23.627	29.065	35.847	115.411
Итого	17.805.125	13.248.474	10.122.214	5.348.314	2.835.464	49.359.591

мического исследования Китая. Далее. Даже беглого сравнения между численностью различных групп земельных владений в различных провинциях достаточно, чтобы убедиться как сложно обстоит дело с аграрным вопросом в Китае. Впрочем, это и не удивительно. При обширности своей территории, значительно превышающей территорию всей Западной Европы, при необычайном разнообразии своей поверхности, изрезанной могучими водными бассейнами и гигантскими цепями гор, гранича на Востоке на протяжении тысяч верст с Тихим океаном и зарываясь на северо-западе в пески необозримых пустынь, Китай с его сотнями миллионов неравномерно распределенного населения, естественно, должен представлять значительное разнообразие в своей земледельческой культуре, а следовательно, и в формах землевладения. Аграрный вопрос в Китае приходится, пожалуй, по его сложности сравнивать не с аграрным вопросом той или иной из европейских стран, но со всей их совокупностью. Наконец, вышеуказанная таблица интересна в том отношении, что она дает некоторую точку опоры для определения соотношения сил в китайской деревне между эксплоатируемыми и эксплоататорами. Вопрос настолько важный, что на нем необходимо остановиться подробнее. На основании личных расспросов жителей различных провинций мы полагаем, что если говорить не о той или иной провинции или даже группе провинций, но о всем Китае, то демаркационная линия между эксплоатируемыми и эксплоататорами проходит, по всей вероятности, внутри той группы владений, которая показана в таблице под рубрикой вла-

дений или крестьянских дворов, насчитывающих от 50 до 100 «му». Разумеется, при решении обсуждаемого нами вопроса одно количество владеемой земли не есть вполне надежный и достаточный критерий. К сожалению, базироваться на других фактах мы не можем в виду негодности, а то и полного отсутствия, соответствующих статистических цифр. Приходится оперировать в конечном счете лишь с данными, касающимися размеров и количества владений. Но тут, повторяем, возникает целый ряд затруднений. Иметь 50 «му» в северной части Чжили или же в лёссовой необычайно плодородной полосе вдоль Желтой реки, скажем, в известном Мэнсяньском уезде, Хэнаньской пров., где ценность одного «му» достигает иногда нескольких сот долларов, далеко не одно и то же. В Encyclopaedia Sinica, изданной под редакцией S. Coulingia, а именно в статье, посвященной агрикультуре, говорится, что в Шаньдунской провинции одного «му» на едока достаточно, чтобы удовлетворить потребности крестьянской семьи. Правда, в данном случае под «му» надо подразумевать не так наз. «правительственное му», равное $^1/_{16}$ нашей десятины, а величину, раза в три большую, ибо нужно заметить, что в Шаньдуне размеры «му» весьма варьируют. Наиболее известными являются му в 240—360—720 квадрат. «бу» (шагов). Однако, в целом ряде обширных мастностей других северных провинций и «тройное му» на едока не в состоянии удовлетворить даже чрезвычайно ограниченных потребностей крестьянской семьи. Здесь было бы уместным привести целый ряд имеющихся таблиц о различной урожайности земли. Мы, однако, от этого воздержимся, ибо сии таблицы являются, повидимому, сплошным недоразумением. Так, например, в одной из таблиц, касающихся урожайности пшеницы в Шаньдуне, указано, что одно «м у» дает в среднем 0,410 тана пшеницы. А так как под таном здесь подразумевается оффициальная мера, содержащая 100 кит. фун., то выходит, что одно «му» дает в Шаньдуне всего на всего лишь 41 фунт (кит. фунт равняется приблизительно 0,6 килограмма), что расходится с действительностью раза в два, а то и три. Не менее странные цифры даны и относительно урожайности других злаков как в той же Шаньдунской, так и в целом ряде других провинций. Произошло это, повидимому, даже не столько от способа ведения анкеты при помощи уездных начальников, сколько от чрезвычайной запутанности китайских мер, в частности мер веса и сыпучих тел. Например, в Шаньдунской провинции в районе Точжоу, являющемся в настоящий момент одним из театров военных действий, под таном подразумевается мера сыпучих тел, превышающая правительственный тан в 2,4 раза, тогда как в Пекинском округе тан пшеницы весит приблизительно около 185 фунтов. Это различие в мерах веса и поверхности в различных местностях даже одной и той же провинции способно запутать даже куда более опытных и ревностных статистиков, чем те, которыми располагает кит. министерство земледелия и торговли. Впрочем, и без помощи статистических таблиц можно составить себе некоторое представление о том, насколько одно и то же количество «му» земли может представлять собою весьма различные величины в лёссовой и нелёссовой полосе. Известное значение имеет также и то, идет ли дело «о водной земле» или же о «сухой». В провинции Чжецзян, например, три урожая в год с водного поля (2 урожая риса и один—

овощей) представляют обычное явление. 50 «му» водной земли в Чжецзяне могут, таким образом, по своей доходности равняться 150—200 и более «му» земли в провинциях с менее плодородной почвой и менее благоприятными климатическими условиями. В южной части провинции Сычуань крестьянина, не имеющего даже и одного «му» земли, но арендующего хотя бы и «дробный (парцельный) мелкий клочок» водной земли, отнюдь нельзя зачислить в ряды «несобственников», ибо самый факт аренды водного, а не сухого участка предполагает, как общее правило, наличие у него «водяного буйвола» или «буйвола землепашца», т.-е. наличие определенного капитала. Без помощи буйвола с водным участком справиться трудно, да и ни один землевладелец южного Сычуана, где формой аренды водных участков является почти исключительно аренда исполу, «безбуйволному крестьянину» своего участка не сдаст. Таким образом, говорится ли о крестьянах-арендаторах или крестьянах-собственниках, никогда не мешает знать арендуют или владеют они водными или же сухими участками. О количестве водных и сухих полей в различных провинциях можно судить по следующим статистическим данным, рисующим положение в 1917 году.

Провинции.	Водных полей «му»	Сухих полей «му»	Огород. и сад. «му»	Общ. площадь «му»
Пекинский округ	71.423	16.733.549	2.294.556	19.099 528
Чжили	4.057 383	73 022.300	4.946.500	82.026.248
Мукденск. провинц.	152 024	43.915 306	1.126.845	45.194.175
Гиринь	42 216	83 124.251	2.819 301	85.985.768
Хейлуцзян	3 (?)	35.373.457	1.791.554	37.165.014
Шаньдун	850.273	121.773.487	4.473.827	127.097.587
Хэнань	26.329.614	321.583 580	51.311.398	399.226 592
Шаньси	3.979.350	45.841 551	959.536	50.780 437
Цзянсу	21.651 766	48.350.868	7.093.197	77.095.831
Аньхой	15 250.126	23 762.810	2.414 605	41.427 541
Цзянси	19.026.565	16.817.446	4 536 899	40.380.910
Фуцзян	12.874.821	9.580 859	1 857.751	24.313.431
Чжецзян	17.014 265	10 028.718	5.916 595	32 959.608
Хубэй (часть)	117 900.746	36.133 574	6 379.940	160.414.290
Хунань (часть)	15.587.464	3.117.492	3 319 150	22 024.106
Шэньси	1.984.629	29.543 036	1.193.987	32.727 712
Ганьсу	7.539.273	19.432.891	416 408	27.388 570
Синьцзян	496.066	10.219 976	1.088.823	11.804.865
Сычуань	—	—	—	—
Гуандун	13.517.041	9.388.582	3.096.277	26.001.900
Гуанси	—	—	—	—
Юннань	—	—	—	—
Гуйчжоу	—	—	—	—
Жохоль	300.057	15 908.620	686.645	16.895 322
Суйюань	1.709.052	3 330.415	168.982	5.208.449
Чахар	615.574	11.141 884	17.653	11.775 111
Итого	280.453 670	977.910.766	106.821.664	1.365 186.100

Разумеется, эти данные лишь весьма приблизительны: вполне доверять им отнюдь не следует. В экономическом описании Китая, принадлежащем перу Н. М. Попова-Тативы, на стр. 42 приводятся иные цифры. Но последние уже не только маловероятны,

а просто невозможны. Например, в Шаньдуне рисовых полей значится не более не менее, как 254.879.996 «му», тогда как сухих полей всего на всего 1.882.720 «му». Если в площадь шаньдунских рисовых полей не включить по ошибке значительной порции водной поверхности из близлежащего Желтого моря, то цифра в 254 милл. есть цифра фантастичная. Точно так же, если согласиться с цифрами, приводимыми в той же таблице относительно большинства других провинций, как и относительно самого Пекинского района, то вся страна превращается в гигантское озеро, а все китайцы, в том числе и пекинцы, в каких-то венецианских гондольеров. В самом деле, в названной таблице общая площадь сухих полей во всем Китае оказывается на 176.613 «му» менее, чем площадь рисовых полей в одной Шаньдунской провинции. В действительности дело, разумеется, обстоит не так страшно, и в приводимых нами статистических данных водных полей в Китае оказывается неизмеримо меньше, но все же более чем достаточно (особенно в «рисовых провинциях» бассейна Янцзы) для того, чтобы при всяких выкладках и заключениях с ними приходилось считаться.

Итак, делать какие-либо решительные заключения относительно расслоения китайской деревни на основании таблицы, показывающей количество и группы владений, как-будто нельзя, но, может быть, при решении поставленного вопроса нам помогут следующие данные.

По анкете 1917 года в различных провинциях Китая числилось «земледельцев».

Провинции.	Обрабат. собствен. землю сем.	Арендаторов сем.	Полуаренд. полусобств. сем.	Всего сем.
Пекинский район	307.874	125.348	154.545	587.767
Чжили	2.890.897	523.003	562.861	3.966.761
Мукденская провинция	686.281	501.731	498.634	1.686.646
Гиринская провинция	251.676	165.079	122.143	538.898
Хэйлуцзян	180.689	82.098	61.368	324.155
Шаньдун	3.819.135	717.632	917.963	5.454.730
Хэнань	3.453.552	1.596.937	1.079.926	6.130.415
Шаньси	1.078.697	238.698	212.151	1.529.546
Цзянсу	2.231.278	1.541.211	1.096.495	4.871.984
Аньхой	1.314.311	983.888	547.815	2.846.014
Цзянси	1.714.401	1.241.202	1.109.244	4.064.847
Фуцзян	553.807	554.941	512.604	1.621.352
Чжецзян	1.073.387	1.158.783	1.023.045	3.255.215
Хубэй (часть)	1.561.127	1.339.307	770.337	3.670.771
Хунань (часть)	287.553	1.006.453	143.791	1.437.797
Шэньси	771.247	304.975	258.954	1.335.176
Ганьсу	556.780	151.554	156.803	865.137
Синьцзян	343.998	62.606	45.134	451.738
Сычуань	?	?	?	?
Гуандун	1.316.500	1.463.865	1.144.842	3.925.207
Гуанси	?	?	?	?
Юннань	?	?	?	?
Гуйчжоу	?	?	?	?
Жохоль	416.962	95.135	103.340	615.437
Суйюань	35.332	14.884	14.371	64.587
Чахар	83.099	18.882	18.490	115.411
Итого	24.587.585	13.825.546	10.494.722	42.907.835

В статье «Положение крестьянства на Дальнем Востоке», появившейся в «Правде» от 10 октября с. г., тов. С. Катаяма приводит следующие данные, относящиеся к 1919 году:

Обрабат. соб. землю	Арендаторов	Полуарендат. полусобств.	Итого
17.349.000	6.780.000	5.438.000	29.567.000

Столь значительное расхождение с нашими цифрами—чуть не на 20 миллионов семей—об'ясняется, разумеется, не тем, что здесь для круглого счета поставлено всюду по три нуля и даже не тем, что берутся данные более поздние, но тем, что последние касаются далеко не всего Китая. В таблице министерства земледелия и торговли за 1919 г., откуда взяты эти данные, отсутствуют сведения о провинциях Мукден (12 м. жит.), Цзянси (24 милл. жит.), Чжецзян (22 милл. жит.), Хубэй (27 милл. жит.), Хунань (28 милл. жит.), Ганьсу (6 милл. жит.), Синьцзян (2,5 милл. жит.), Сычуань (50 милл. жит.), Гуандун (37 милл. жит.), Гуанси (12 милл. жит.), Юннань (10 милл. жит.), Гуйчжоу (11 милл. жит.) и об особой области Суйюань. Это обстоятельство тов. С. Катаяма, к сожалению, упустил из виду.

Под «земледельцами, обрабатывающими собственную землю», надо, повидимому, подразумевать как трудовое крестьянство, так и крестьян, пользующихся постоянным наемным трудом, а равно «земледельцев, обрабатывающих свою землю» путем сдачи ее в аренду. Очень возможно, что сюда же отнесены даже самые крупные помещики. Во всяком случае, в нее включены все собственники, владеющие «100 и более «му». Очень возможно, что употребленный нами термин «помещики» скандализирует не одного синолога. В самом деле, какие «помещики»—после падения маньчжуров? Здесь мы не можем подробно останавливаться на этом любопытном вопросе. Скажем только, что если говорить о существовании помещичьего землевладения при цинской династии (1644—1911), то под таковым, поскольку дело идет о всем Китае, а не об отдельных провинциях, отнюдь не приходится подразумевать исключительно землевладение маньчжуров, более того, можно утверждать, что в экономике страны маньчжурские помещики играли несравненно меньшую роль, чем китайские. Правда, вначале маньчжурская или цинская династия пыталась установить в Китае нечто в роде феодального строя, но из ее попыток по существу ничего не вышло, и когда она пала, то падение ее отразилось на земельных отношениях в Китае даже меньше, чем, скажем, падение династии Мин'ов (1368—1643), известной своими колоссальными латифундиями. И вот даже теперь, «после 14 лет существования республики», вы можете встретить чуть не в самом сердце Китая, а именно в провинции Аньхой, такую картину.

«В Хофэйском уезде, родине Дуань Ци-Жуя,—читаем мы в одной чрезвычайно любопытной корреспонденции, принадлежащей, вероятно, перу миссионера,—наибольшим весом пользуются четыре семьи, а именно: семья Ли—наиболее богатая, семья Дуаня—наиболее влиятельная в политическом отношении, семья Чжоу—вторая по богатству и, наконец, семья Ли. Ли принадлежит честь основания первого банка в уезде. В восточной части уезда из каждых пяти земельных участков Ли владеют по крайней мере четырьмя... Земельные владения Дуан'ов и Ли лежат

в северо-западной и западной части уезда, тогда как владения Чжоу в юго-западной. Каждая из вышеуказанных фамилий в центре своих земельных владений имеет «вэй-дзы»—резиденцию, устроенную наподобие крепости. Стоит войти туда,—и вы словно попадаете в далекое средневековье. Целая система рвов окружает высокие стены, на которых возвышаются сторожевые башни с вооруженными солдатами, стоящими на дозоре. Перейдя под'емный мост, вы наталкиваетесь на массивные ворота, за которыми находится оружейная палата, напоминающая музей, наполненный всевозможным оружием, начиная с современного и кончая оружием VIII и IX веков... В этом своеобразном замке сидит лорд-феодал со своими вассалами, воинами, фермерами, слугами, творя суд и расправу в своих владениях, плетя интриги и заключая союзы с другими подобными ему феодалами. Поистине—фигура, воскрешающая давно прошедшие времена китайской истории».

Разумеется, тут не без красного словца, разумеется также, что «хофэйские уезды» скорее исключение, хотя, безусловно, они имеются почти в каждой провинции. К сожалению, в приведенной нами таблице № 1 из группы владений в 100 и более «му» не выделены владения, имеющие 500—1000, 5000 «му» и т. д.

В одной из статей известного лидера китайских коммунистов, профессора Чжэн-Ту-Сиу, мы находим следующее соображения по этому вопросу. Крупных землевладельцев, земельные участки которых превышают 10.000 «му», в каждой провинции имеется, по мнению проф. Чжэна, не более десятка. Незначительная часть их принадлежит к бывшей маньчжурской знати, остальные, т.-е. подавляющее большинство, принадлежат к фамилиям старых бюрократов или же нынешних крупных милитаристов. Их власть над арендаторами и вообще местным крестьянством необычайно велика. Акционерных землевладельческих компаний очень мало, ибо вследствие низкой прибыли капиталисты неохотно вкладывают капитал в землю (*? А. И.*). Владеющих 1.000 и более «му» земли не менее 30 тысяч. Вероятно, половина из них живет в деревне, остальные же—в городах. Живущие в городах стоят зачастую во главе небольших промышленных предприятий, а то и занимаются торговлей или же, как это имеет место с сыновьями бюрократов и чиновничества, ничем не занимаются, полагаясь исключительно на доходы с доставшихся им по наследству имений.

Живущие в деревне обычно пользуются большим влиянием, являются теми «уездными именитыми людьми», которых по-английски принято называть джентри. Что касается владеющих 100 «му» и более, то подавляющее большинство их живет в деревне, часто занимаясь торговлей и ростовщичеством, из них же вербуются должностные лица на общественные службы или «сельское джентри».

Итак, по данным 1917 года в Китае, без провинций Сычуань, Гуйчжоу, Юннань и Гуанси, числилось:

Землевладел. семейств.	Сухих полей «му»	Водных полей «му»	Огород. и сад. «му»	Общая площ. полей
48.907.853	977.910.766	280.453.670	106.821.664	1.365.186.100

Земледельц. собственн. сем.	Арендаторов сем.	Полуарендат. полусобств. сем.	Колич. аренд. земли	
			Сухих полей «му»	Водных полей «му»
24.587.585	13.825.546	10.494.722	344.568.461	127.711.497
			472.279.958	

Владеющ. менее 10 «му» сем.	10—30 «му» сем.	30—50 «му» сем.	50—100 «му» сем.	100 «му» и более сем.	Итого сем.
17.805.125	13.805.125	10.122.214	5.348.314	2.835.464	49.359.591

Если исходить из вышеприведенных данных, как и из некоторых более или менее общеизвестных в Китае фактов, то с известной долей вероятия можно сделать следующие выводы:

1. На одну семью приходится в среднем 1.365.86.100, деленное на 48,907.853, т.-е. приблизительно 300 «му».

2. Число семей безземельного и малоземельного крестьянства (13.825.546+10.494.722=24.320.268) составляет около 50% китайской деревни.

3. На каждую такую семью в среднем приходится арендуемой земли 472.279.958 : 24.320.268, т.-е. приблизительно 20 «му» (не считая огород. и сад. земли, данными об аренде которой мы не располагаем).

4. Принимая во внимание, что весьма распространенной формой аренды является аренда исполу, а также исходя из количества арендуемой одной семьей земли, можно заключить, что в среднем 10 «му» на семью недостаточно, чтобы обеспечить ей жизненный минимум, для этого, вероятно, требуется от 15 до 20 «му» (в среднем).

5. Для сельского пролетариата особой рубрики в статистических таблицах кит. мин. земледел. и торговли не отведено, он включен главным образом в 17.805.125 сем., владеющих менее 10 «му» земли, хотя, нужно сказать, не мало сельских батраков выходит и из следующей группы, т.-е. дворов, имеющих от 10 до 30 «му». Эти же 17.805.125 сем. являются главным поставщиком как городского пролетариата, так равно и рекрутов для все растущих китайских армий и китайской вольницы всевозможных наименований. Что касается цифры 13.825.546 арендаторов, то к ней приходится отнестись с еще большей осторожностью, чем к остальным. Чуть не 14 миллионов крестьянских дворов не владеют ни одним «му» земли. Это безусловно—преувеличение за счет преуменьшения количества полуарендаторов, полусобственников.

6. В целом ряде кит. провинций не мало крестьянских семей, владеющих от 50 до 100 «му», возделывают свой участок, обходясь без помощи наемного труда или прибегая к нему лишь в страдную пору. Кроме того, частые засухи и наводнения [1]), поражающие громадные площади, как и не прекращающаяся гражданская война, падающая своей тяжестью, главным образом, на крестьянство, сильно понижают общий жизненный уровень всех его слоев. Все это вместе взятое подтверждает до некоторой степени тот взгляд, по которому демаркационная линия между эксплоататорами и эксплоатируемыми в китайской деревне проходит внутри группы владений или хозяйств «от 50 до 100 му». Будет, однако, более осторожным полагать, что эта линия, как мы уже говорили в начале письма, прилегает значительно ближе к цифре 50, чем 100. Количество семей, владеющих менее чем 50 «му» земли, равняется 17.805.125+13.805.125+10.122.214=41.733.164. Если согласиться с общепринятым мнением, что в среднем китайская семья насчитывает 5,5 человек, мы будем, таким образом, иметь для всего Китая без провинции Сычуань, Гуйчжоу, Юннань и Гуанси **значительно более** 5,5×41.733.164=226.466.471 **эксплоатируемых и значительно менее** 5,5×(5.348.314+ +2.835.464)=45.013.429 **эксплоататоров**. Вероятно, истинное количество последних лежит где-то между 30 и 40.

7. Наиболее грубой и в то же время наиболее распространенной у нас ошибкой является приравнивание китайской земельной меры «му» к $^1/_{16}$ русск. десятины. «В большинстве для срединного Китая,—читаем мы в статье одного китаеведа,—размер земельного участка, находящегося в пользовании семейства, не превышает десятины, и только на севере в Манчжурии и т. д.» [2]). Писать таким образом—это значит вводить и себя и читателя в заблуждение. Ибо нельзя брать среднее количество «му» земли, владеемой крестьянской семьей, и механически делить его на 16. По своей площади оффициальное «му» равняется приблизительно $^1/_{16}$ нашей десятины, но по своей продукции это же самое «му» равняется $^1/_8$, $^1/_7$, $^1/_6$... $^1/_3$, а то и более крупной доле десятины. Разумеется, если не принять последнего во внимание, то, скажем, на основании данных о количестве и группах земельных владений можно сделать самые ужасающие выводы. В самом деле, если в вышеуказанной таблице перевести «менее 10 му», «30—50 му» и т. д. на десятины, принимая во внимание лишь площадь, а не продукцию, то чуть не 75% китайского крестьянства превращается в нищих и пауперов, а остальные 25% в маломощные и самое большее середняцкие элементы. Более того, если общее количество «му» обрабатываемой в Китае земли разделить на количество семей, занимающихся земледелием, то мы получим около 30 «му» на семью, т.-е. менее двух десятин. Значит ли это, что «черный передел» в Китае был бы равносилен всеобщей и абсолютной пауперизации. Разумеется нет, ибо, повторяем, реальная величина одного «му» равняется не $^1/_{16}$, а значительно более крупной доле нашей десятины. Мы думаем, что с известной долей вероятия вышеприведенную таблицу о

[1]) Площадь посевов, пострадавших от различных стихийных бедствий в 1914 г., равнялась 653.475.445 «му», в 1915 г.—132.163.902 «му». К сожалению, мы не имеем цифр. данных касательно засухи 1920 г.

[2]) Вл. Виленский (Сибиряков), «Перспективы революционного развития Китая», «Новый Восток», кн. 2, стр. 319.

количестве и группах владений можно в переводе на принятую у нас терминологию представить в следующем виде.

Бедняки (менее 10 «му») сем.	Маломощные (10—30 «му») сем.	Середняки (30—50 «му») сем.	Середняки и зажит. (50—100 «му») сем.	Крест. бурж. и помещики (100 и бол. «му») сем.
17.805.125	13.248.474	10.122.214	5.348.314	2.835.464

Очень возможно, конечно, что жизненный уровень вышепоименованных групп будет значительно ниже жизненного уровня соответствующих групп в Сов. России, но это вопрос другой, и здесь мы его касаться не будем.

8. Хотя большую часть семей четвертой группы (владеющих от 50 до 100 «му» земли) приходится отнести к эксплоататорам, однако, если говорить о классовой борьбе в китайской деревне, то главное внимание приходится всё же обращать не на эту группу, а на следующую, т.-е. крестьянскую буржуазию, купцов и крупных землевладельцев. Эта группа насчитывает, как мы видим, всего лишь 2.835.464 сем. Весьма значительное количество этих семей владеет 200—300—400—500 и т. д. «му» земли. Если даже допустить, что в среднем каждое хозяйство этой категории владеет не более 200 «му», то мы получили для всей группы 200×2.835.464=567.092.900 «му», т.-е. чуть не половину всей обрабатываемой площади, во всяком случае несравненно бо̀льшую площадь, чем та, которая имеется у первых двух групп, т.-е. 17.805.125 сем.+13.248.474=31.053.599 сем. Противоречие интересов между нею и бедняками, маломощными, а также и середняками составляет главное содержание классовой борьбы в китайской деревне. Если бедняцкие элементы поставляют для вышеуказанной группы арендаторов и главный контингент батраков, маломощные—арендаторов, то середняки эксплоатируются ею главным образом, в качестве представительницы ростовщического капитала, к помощи которого им нередко приходится обращаться вследствие хотя бы столь частых в Китае стихийных бедствий, ставящих их хозяйства в критическое положение.

Эксплоатация зажиточным крестьянством бедняков и маломощных выявляется, главным образом, в эксплоатации батрацкого труда, ибо, как общее правило, семьи, владеющие от «50 до 100 му» земли в аренду своих участков не сдают. Другое дело семьи, владеющие «100 и более му». Безземельное и малоземельное крестьянство, составляющее по официальным данным 50% китайской деревни, арендует землю, главным образом, у этой высшей группы, владеющей чуть не половиной всей обрабатываемой площади. Неудивительно, если и по настоящее время классовая борьба в китайской деревне сказывается более в борьбе арендаторов, чем батраков против землевладельцев. Из бесчисленного количества судебных тяжб, поступающих в уездные «ямыни», не меньше половины приходится на иски, учиняемые землевладельцами против неисправных арендаторов; значительная часть другой половины суть тяжбы между заимодавцами и должниками. Таким образом, между тремя первыми группами (а отчасти и

четвертой) вышеприведенной нами таблицы т.-е. бедняками, маломощными, середняками и пятой группой, т.-е. крестьянской буржуазией и помещиками, идет нескончаемая судебная склока. Но здесь мы имеем дело с разрозненной индивидуальной борьбой или, если хотите, с пассивным сопротивлением угнетенного крестьянства. Одной из наиболее общих, наиболее распространенных форм активной борьбы является борьба за отстаивание принципа: «Хуан-чу пу-хуан-цу», означающего: переход земельного владения из одних рук в другие не должен влечь за собою перемены арендаторов, что по существу есть не что иное, как борьба против повышения арендной платы. Само собою разумеется, эта борьба по самой своей природе есть борьба коллективная, и успех ее зависит от степени солидарности, которая существует между бедняцкими, маломощными и середняцкими семьями данной деревни, а то и целого округа. Если городская буржуазия сравнительно не так охотно вкладывает свои капиталы в землю, то причина этого явления в значительной степени кроется в организованном отпоре, который встречает попытка установить новые условия аренды. Даже в том случае, когда арендаторы соглашаются на новые условия и в первый год выполняют их, то уже со второго года обычно начинаются «недоразумения», обнаруживаются «недоимки» и в конце концов, новые условия фактически начинают мало чем отличаться от старых. По мере роста китайского вывоза, по мере стремительного вздорожания сельско-хозяйственных продуктов, по мере увеличения площади, отводимой под культуру табака, хлопчатника и других высокодоходных злаков, борьба между арендаторами и землевладельцами неизбежно принимает все более и более острый характер. Этим обострением борьбы отчасти об'ясняется и всеми ныне констатируемое явление, а именно: стремление крестьянской буржуазии и помещиков увеличивать площадь участков, обрабатываемых батрацким трудом за счет сокращения площади участков, сдаваемых в аренду.

Таковы те немногие условные выводы, которые, думаем мы, позволительно сделать на основании китайской оффициальной статистики, и хотя к этим выводам надо относиться весьма и весьма осторожно, тем не менее иметь их в виду не мешает в ожидании других более точных и обоснованных.

Понадобится не мало лет и целая армия исследователей, прежде чем положение крестьянства в Китае будет освещено с достаточной полнотой. Пока же, несмотря на существование колоссальной литературы о Китае, как и несмотря на многолетнюю «работу» статистического бюро при китайском министерстве земледелия и торговли, китайская деревня, т.-е. три четверти Китая, остается попрежнему terra incognita. Китайская статистика находится, как мы это видели, еще в отроческом состоянии и настолько ненадежна, что делать на основании ее даже приблизительные выводы—вещь чрезвычайно опасная. Но если еще не настало время для полного и всестороннего освещения крестьянского вопроса в Китае, если всякие решительные суждения в данной области могут принести лишь вред, то ознакомить советского читателя хотя бы с некоторыми фактами, касающимися земельных отношений в Китае, а также с бытом и нравами китайской деревни, показать ему, как живет китайский батрак, мелкий и средний крестьянин, деревенский кулак-ростовщик и именитый землевладелец,—будет во всяком случае не бесполезно. Но Китай—дистанция не малого размера, и условия жизни китайской деревни представляют в зависимости от области и провинции значительное разнообразие. Спрашивается, на каких провинциях, на каких областях следует остановиться прежде всего.

Китай можно, весьма приблизительно, разумеется, подразделить на четыре главные области: бассейн Амура и Ляо-Хо или Маньчжурия—страна бобов, бассейн Хуан-Хо с его морем пшеницы и гаоляна, бассейн Ян-Цзы, выращивающий ежегодно сотни миллионов пудов риса и, наконец, бассейн Западной реки. Из этих четырех областей наиболее важными являются, без сомнения, бассейны Хуан-Хо и Ян-Цзы. Они вмещают в себе более $3/4$ китайского крестьянства. Действительно общее население провинций, орошаемых Хуан-Хо, достигает 115—120 миллионов жителей, а провинций Ян-Цзы—более 200 миллионов.

Уже по одному этому аграрный вопрос в Китае есть прежде и больше всего вопрос этих двух великих бассейнов: то или иное разрешение его здесь предопределит собою дальнейшие судьбы китайского крестьянства и всего Китая в целом. Ознакомление с земельными отношениями, с жизнью, бытом и нравами китайской деревни следует поэтому начать именно отсюда и прежде всего с бассейна Хуан-Хо или Желтой реки—этой колыбели великой китайской цивилизации. Из шести провинций, относящихся целиком или только частью к этому бассейну, четыре провинции, а именно Шэньси, Шанси, Хэнань и Шаньдун являлись главной ареной деятельности на самой заре китайской истории. С ними связаны воспоминания о легендарном золотом веке Яо и Шуна (2357—2042 г.г.), с ними же (т.-е. главным образом с провинциями Хэнань, Шаньдун и отчасти Чжили) связаны для китайцев предания о титанической борьбе их предков с великим «потопом», здесь же в значительной мере расцвела великая цивилизация эпохи династии Чжоу (1122—221 г.г.), не уступающая по своему блеску и глубине цивилизации древней Греции, эти же провинции являлись опорной базой и отправным пунктом для одного из наиболее грандиозных колонизаторских движений, которые когда-либо знала всемирная история, приобщившего к высокой земледельческой культуре необ'ятные пространства Восточной Азии от Тибета и Индии до островов Японии, от степей Сибири и пустынь Монголии и Туркестана вплоть до Индийского океана. Достаточно хотя бы несколько ознакомиться с этой непрерывной многотысячелетней историей китайской колонизации, отнюдь не закончившейся и поныне,—ибо китайская волна уже подступает к Внешней Монголии, проникает на советский Дальний Восток и Сибирь, закрепляется в Голландской Индии и на Филиппинах, стремясь переброситься в Австралию и на американский материк: Канаду, Соединенные Штаты, Мексику и т. д.,—чтобы убедиться в колоссальной энергии и жизнеспособности все выносящего китайского народа. Эту энергию и выносливость он приобрел еще на заре своей истории в жестокой борьбе со свирепыми Мяо-Цзы, как и в не менее жестокой титанической борьбе с неукротимым Хуан-Хо—этим «бичем» и «беспутным сыном», как величают его китайцы. Гигантский стремительный поток, совершающий пробег в 2.500 миль от Кукунора до Чжилийского залива, несущийся к морю с высоты

14—15 тысяч футов и извергающий до 12 тысяч кубических ярдов воды в секунду, поток, который вступив в равнинную местность Хэнаня, Чжили и Шаньдуна, все время пытается выбрать себе новое русло,—таков Хуан-Хо. Несмотря па грандиозные плотины, Хуан-Хо уже шесть раз менял свое течение, разгуливая между Чжилийским заливом и Желтым морем. В последний раз, а именно в 1854 году, «беспутный сын» покинул провинцию Цзянсу и выбрал себе Шаньдун, где гуляет и поныне, ежегодно, однако, стремясь выскочить на простор из сжимающих его колоссальных насыпей. Вообразите себе на мгновение нашу Волгу, но только более многоводную и в десять раз более стремительную, имеющую к тому же тенденцию разгуливать между Каспийским и Черным морями, Волгу, дно которой постоянно повышалось бы вследствие несомого ею ила так, что зачастую уровень ее воды был бы значительно выше пересекаемой ею равнины, куда лишь искусственные препоны мешали бы ей ринуться разрушительным водопадом,—и вы будете иметь некоторое понятие о неугомонном Хуан-Хо, несущемся среди неисчислимых поселков и деревень, настолько скученных, что идя от одного поселка к другому, от одной деревни к другой, зачастую не успеешь выкурить и папиросы. Ибо благодетельны мутные желтые воды Хуан-Хо: почва, только что вышедшая из-под его разлива, дает баснословные урожаи; и вот, несмотря на внушаемый им панический страх, как и несмотря на самые грозные декреты, тесной непрерывной лентой облепили его берега убогие китайские селения.

Но ни один мало-мальски значительный город Хэнаня, Чжили и Шандуня не смеет придвинуться к его берегам. Посмотрите, на какое почтительное расстояние отступил от него Кайфын—эта древняя столица Китая, а уездные города и местечки, что рискуют возводить свои стены неподалеку от Хуан-Хо, не раз уже осаждались его рассвирепевшими водами, иногда жестоко платясь за свою дерзость.

Хуан-Хо, сказали мы, орошает шесть провинций: Ганьсу, Шэньси, Шанси, Хэнань, южную часть Чжили и, наконец, Шаньдун, но из этих шести провинций мы остановимся, главным образом, лишь на трех последних, как на наиболее значительных. Каждая из них по количеству своего населения значительно превышает Ганьсу, Шэньси и Шаньси вместе взятых. Так, Хэнаньская провинция, с которой нам придется иметь дело в первую очередь, насчитывает около 31 миллиона, тогда как три вышеупомянутые провинции всего лишь 26 (Ганьсу—6 милл., Шэньси—9 милл., Шаньси—11 милл.). Площадь обрабатываемых полей в Хэнани 399.226.592 «му», т.-е. почти в четыре раза более площади полей Ганьсу, Шэньси и Шанси (27.388.570+ +50.780.437+32.727.712). Если верить китайской статистике, Хэнань дает более $^2/_3$ всей китайской пшеницы, равно как и более $^2/_3$ гаоляна.

Вот несколько любопытных цифр касательно ежегодной продукции этой провинции:

Пшеница	256.873.820 танов	395.190.400 «му»
Гаолян	185.915.611 »	132.796.865 »
Пшено	119.260.300 »	95.408.640 »
Бобы	76.647.560 »	95.170.902 »
Кукуруза	38.651.094 »	28.630.440 »
Хлопок	461.352.360 кит. фунт.	10.984.580 »
Рис	1.019.773 тана	1.597.818 «му»
Конопля	59.814.160 кит. фунт.	746.526 »
Кунжут	2.008.607 тан.	3.090.164 »
Земляные орехи	6.871.564 »	3.589.445 »

Однако, вполне доверять этим цифрам не приходится. Не только потому, что они несколько противоречат данным, приводимым в China Jear Book—это была бы еще небольшая беда—и китайским ежегодником «Чжун Го Ньен-Тьец», но главным образом по следующим соображениям.

Вся обрабатываемая площадь Хэнаня, т.-е. водные поля, сухие поля, огороды и сады, равняется всего лишь—399.226.592 «му». Если одна пшеница занимает более 395 м. «му», то спрашивается, где взять 132 милл. «му» для гаоляна, 95 милл. «му» для пшена и т. д. Правда, в описываемой нами провинции зачастую собирается два урожая в год, так что один и тот же участок может иногда фигурировать в таблице одновременно и как поле, занятое под пшеницу, и как поле, занятое под бобы, или, скажем, гаолян, но все же, несмотря на это, вышеприведенные цифры слишком велики, чтобы не возбуждать вполне законных сомнений. Мы все время подчеркиваем, как осторожно нужно относиться к подавляющему большинству статистических данных касательно Китая, и делаем мы это для того, чтобы предупредить читателя против так наз. «серьезных работ» о Китае, переполненных статистическими таблицами. Как опасно делать какие-либо решительные заключения на основании этих таблиц, мы сможем проиллюстрировать хотя бы на следующем примере, непосредственно касающемся темы нашего письма. Дело идет об уезде Ци-Юань Хэнаньской провинции, уезде, который легко найти на любой карте Китая, ибо лежит он при пересечении Хуан-Хо с границей провинции Шаньси. Изучая этот уезд, мы натолкнулись на следующую чрезвычайно любопытную таблицу о количестве и группах владений, имевшихся в Ци-Юане в 1917 и 1919 г.г.

Годы.	Влад. менее 10 «му»	Владен. 10—30 «му»	Владен. 30—50 «му»	Владен. 50—100 «му»	Владен. 100 «му» и более	Всего владен.
1917 г. . . .	5.000	9.500	15.500	6.000	3.680	39.680
1919 г. . . .	13.400	11.435	9.438	5.175	256	39 704
	+ 8.400	+ 1.935	— 6.062	— 0.825	— 3.424	+ 24
	+ 10.335		— 10.311			

Итак, количество владений, насчитывающих менее 30 «му» увеличилось с 17 по 19 г. на 10.335 единиц, тогда как количество владений, насчитывающих более 30, «му», уменьшилось соответственно на 10.311 единиц. Сомнений быть не может, мы имеем дело с чрезвычайно стремительной децентрализацией земельной собственности. Смущает лишь одно: «уж больно она стремительна». Однако, следующая таблица вполне как-будто

подтверждает выводы, вытекающие из предыдущей. Действительно, в том же Ци-Юаньском уезде за те же годы числилось:

Годы:	Собственников сем.	Арендаторов сем.	Полуарен. полусоб. сем.	Итого сем.
1917 г.	20.978	12.967	5.735	39.680
1919 г.	36 580	2.094	1.030	39.704
	+ 15.602	— 10.873	— 4.705	+ 24
		— 15.578		

С 1917 по 1919 г.г. 15.578 сем. арендаторов превратились в собственников. Словом, децентрализация полная. К сожалению, данные о площади арендуемой земли совершенно идут вразрез с вышеприведенными выводами. В самом деле общая площадь полей, сдаваемых в аренду в Ци-Юаньском уезде:

Годы:	Водных полей «му»	Сухих полей «му»	Всего «му»	
1917 г.	140.079	144.500	284.579	— 1.641 «му»
1919 г.	139.098	143.850	282.938	

Спрашивается, каким образом количество семей, арендующих землю, могло уменьшиться на 15.578, когда площадь арендуемой земли уменьшилась всего лишь на 1.641 «му»? Очевидно, если не все, то по крайней мере одна из вышеприведенных таблиц есть скорее плод горячей фантазии, чем холодного подсчета. Во всяком случае лица, хорошо знающие Ци-Юаньский уезд, утверждают, что никакой децентрализации там не замечается, хотя полагают они, вполне возможно, что площадь арендуемой земли в их уезде уменьшилась, ибо вследствие сильного вздорожания сельскохозяйственных продуктов, наблюдаемого за последние годы, многие землевладельцы предпочитают не сдавать в аренду, а сами при помощи наемного труда обрабатывать все большую и большую площадь своих участков. Разумеется, не на одном только Ци-Юаньском уезде можно было бы показать всю беспомощность китайской официальной статистики, однако, мы воздержимся от дальнейших иллюстраций в надежде, что в данном случае читатель поверит нам на слово. Скажем, только раз навсегда, что в последующих письмах, посвященных описанию нескольких уездов (начиная с Ци-Юаньского), уездов, лежащих как в бассейне Хуан-Хо, так и в бассейне Ян Цзы, все приводимые нами статистические данные будут приводиться «на всякий случай», но что главной опорой для наших суждений и выводов по целому ряду вопросов будут служить не они, а показания местных жителей.

Беннет.

Перспективы развития английской компартии.

Коммунистическая партия Англии насчитывает от 6 до 7 тысяч членов. В течение четырех лет английская рабочая партия из года в год осуждала деятельность этой молодой и малочисленной организации на своих с'ездах, при чем за антикоммунистические резолюции высказывались миллионы. Правда, то были миллионы мертвых душ. Но их именем и за их счет рабочая партия вершит все свои дела. Эти миллионы мертвых душ приветствовались и выхвалялись мощной капиталистической прессой, которая читается и почитается миллионами живых людей. Казалось бы, что маленькой организации не под стать вести борьбу за свое существование против таких сильных и искусных врагов. Вместе с тем, эта маленькая, малочисленная организация проявляет поразительную силу, и ее голос находит все вырастающий резонанс в рабочих массах.

Филипп Сноуден попытался об'яснить успехи коммунистических предложений в рабочем движении поразительной ловкостью коммунистов, умеющих облекать коммунистические резолюции в приемлемую для рабочих форму. О коварстве коммунистов говорил также исполком рабочей партии в своем отчете XXIV с'езду[1]) рабочей партии. Читая эти обвинения в хитрости, ловкости и коварстве, можно было бы подумать, что в аппаратах рабочей партии сидят невинные младенцы, которые бессильны в борьбе против ловких и изобретательных коммунистов. Но ведь мы хорошо знаем, что лидеры рабочей партии *уже* оставили позади себя либералов в деле околпачивания пролетарских масс. Их не так легко обмануть. Верно, что эти «вожди» бессильны против господствующих классов, перед которыми они пресмыкаются, но они достаточно сильны и изощрены в деле борьбы против здоровых проявлений классовой борьбы внутри рабочего класса. Нет, не в ловкости английских коммунистов причина их успеха. Причины лежат глубже. *Они коренятся в дряхлости английского капитализма и в несоответствии старых методов социал-реформизма новым условиям жизни английских пролетариев.*

Английский рабочий класс поколениями воспитывался в благоговейном уважении к существующему общественному порядку и к его верному стражу—к английской буржуазии. Английская буржуазия не ограничилась тем, что создала рядом с собою «буржуазный пролетариат». Она сумела при помощи сложной системы насилия и обмана подчинить своему влияния широчай-

[1]) См. Отчет исполкома XXIV с'езду рабочей партии, стр. 39.

шие народные массы, используя для этой цели не только свои рессурсы, но и все аппараты рабочего движения. Успехи английской буржуазии на широкой дороге мирового грабежа, крохи от которого перепадали и части рабочего класса, содействовали усилению ее ореола. Великая империя рисовалась английскому пролетариату в виде неприступного утеса, на который он смотрел со страхом и с уважением. Английская буржуазия позаботилась о том, чтобы английский пролетариат мало думал о подступах к этому утесу. Многотысячная армия попов, церковь, школа, кинематограф, пресса, бокс,—словом, вся буржуазная Англия имела одну целевую задачу: держать рабочие массы в идейном порабощении. До поры до времени эта политика давала буржуазии желанные ей результаты. Гипнозом буржуазного влияния был пронизан пролетарский быт, а рабочие лидеры, еще поныне тянущиеся к титулам и к королевскому двору, являются концентрированным воплощением чаяний и устремлений духовных пленников капитала.

Быт складывается веками. Везде и повсюду он отличается поразительным упорством. Но нет страны в мире, где власть быта, освященная традицией, была бы так сильна, как в Англии. В течение веков английский пролетарий воспитывался в уважении к своему отечеству и к своему хозяину. Чартизм, словно молния, только на миг оборвал «органическое» развитие английского пролетариата. В последующие десятилетия английские пролетарии участвовали во многих экономических битвах. В битвах этих рождались новые идеи, выходящие за пределы капиталистического общества. Но рабочий класс, в массе своей, борясь за улучшение своего положения, не дерзал посягать ни на существующую систему, ни на мораль этой системы. Только активное меньшинство жадно подхватывало социалистические идеи. Но буржуазия сумела не только обезвредить социалистические организации и социалистические идеи, но и пользоваться ими в своих интересах.

Материальное богатство «всемирной фабрики» было экономической базой духовной мощи английской буржуазии. Упадок этой фабрики повлек за собою огромнейшие сдвиги в рабочих массах. Политическим результатом этих сдвигов было создание рабочей партии. Но новая партия, возникшая на переломе в истории Англии и развившаяся лишь тогда, когда звезда английского капитализма уже стала закатываться, возглавляется бюрократией, которая всеми своими помыслами является детищем уже превзойденной исторической эпохи. Английская буржуазия, потерявшая свою монополию, продолжает, таким образом, пожинать обильные плоды былых своих посевов. «Буржуазный пролетариат» уже умирает, как экономическая категория, но он еще живет в пролетарском быту и в политике рабочей партии. Англия поэтому становится ареной сложной, запутанной и вместе с тем грандиозной борьбы подымающихся новых и молодых сил против векового прошлого, заслоняющего путь к освобождению английского пролетариата.

Английская компартия родилась в обстановке послевоенных бурь. Она была смелым вызовом всему прошлому английского рабочего движения. Расплывчатым фразам о социальной республике она противопоставила идею диктатуры пролетариата. Мозаике и разброду она противопоставила идею дисциплинированной монолитной партии, не на живот, а на смерть ведущей войну против капитализма. Она дерзко выступила против старых вождей, разоблачив их услужливую в отношении буржуазии и предательскую в отношении пролетариата роль.

Ее появление вызвало переполох среди господствующих классов и их верных слуг. Компартия, однако, на первых порах была бессильна найти путь к массам. Она образовалась из организаций, сложившихся в борьбе с социал-реформизмом. Но все эти организации—в большей или меньшей степени—представляли из себя небольшие секты, мало приспособленные к борьбе на широкой массовой арене. Понадобилась кропотливая и длительная работа внутренней консолидации сил пролетарского авангарда, чтобы коммунистическая партия могла во всеоружии вступить в бой за принципы революционного коммунизма.

Английская коммунистическая партия была еще занята исканием новых путей, когда на нее обрушилась вся старая Англия с ее «демократической» юстицией и «социалистической» рабочей партией. Среди застрельщиков анти-коммунистического похода был, конечно, и «Джим» Томас. Он еще не был министром тогда, но уже был «тайным советником» его величества. Это звание он получил, как и другие рабочие лидеры (Гендерсон, Клайнс и т. д.), за верную службу отечеству в пору всемирной войны.

«Честный и преданный слуга Его Величества» не хотел, однако, положиться только на одного господа и на священную книгу. Он привлек к судебной ответственности английскую компартию за то, что она разоблачила его роль, как героя «черной пятницы». Компартия в лице Мак-Мануса попала на скамью подсудимых за «клевету». Во время процесса Томас под присягой признал, что он не социалист. Мак-Манус был осужден, а Томас не только остался на своем посту секретаря союза железнодорожников, но он был впоследствии назначен министром «социалистического» правительства.

Этот маленький эпизод дает некоторую картину нравов, царящих в английском рабочем движении. Он также показывает нам небольшой участок единого фронта господствующих классов с либеральными лидерами рабочего движения в борьбе против «красной опасности». Суд поддержал Томаса в 1921 году в его борьбе против коммунизма. А в 1926 г. Боб Вильямс поддержал суд, посадивший коммунистов за решетку, исключением из состава рабочей партии трех местных организаций за то, что те наметили своими парламентскими кандидатами коммунистов.

Согласованная работа всех сил буржуазной Англии очень часто затрудняла работу коммунистической партии. Несомненно, однако, что злобное бешенство всего буржуазного лагеря к коммунистической партии приковывало к ней внимание честных пролетариев. На лондонской конференции независимой рабочей партии в феврале 1926 г. делегат с тревогой спрашивал, почему буржуазия более ненавидит коммунистов, чем «независимцев». Он призывал конференцию действовать так, чтобы заслужить недоверие буржуазии. Этот делегат в своем простодушии не соображал, что призывает свою партию перестать быть тем, чем она есть. Конференция горячо аплодировала оратору, невзирая на то, что председательствовал на этой конференции тот

самый Хоптер [1]), который отказался выступать на одной платформе с коммунистами, подчеркнув этим, что единый буржуазный фронт против коммунистов заставляет английских рабочих с большим доверием относиться к травимой и преследуемой партии.

Для правильного понимания пути пройденного коммунистической партией в Англии необходимо мысленным взором охватить всю обстановку классовой борьбы в послевоенной Англии. Эта обстановка складывается из следующих элементов:

1) богатая буржуазия, потерявшая базу своего владычества, но в совершенстве владеющая искусством угнетения народных масс и располагающая сложной сетью аппаратов управления,

2) организационная распыленность рабочего движения и идейный разброд, являющиеся результатом длительной политики опеки над рабочим классом со стороны английской буржуазии,

3) Крепкая профсоюзная бюрократия, связавшая свою судьбу с судьбой капиталистического общества, продолжающая в союзе с либеральными лидерами рабочего движения играть руководящую роль в рабочем движении,

4) власть традиции «постепенности и преемственности», которая на практике означает духовную закабаленность рабочих масс,

5) аполитизм рабочих масс, который обеспечивает гегемонию буржуазной политики не только в стране, но и внутри рабочего движения.

Таковы основные факторы, **тормозящие** поступательное развитие рабочего движения. Рядом с ними выступают новые факторы классовой борьбы.

1) Новое поколение пролетариев, прошедших через войну и участвовавших в первых массовых столкновениях между трудом и капиталом в годы, последовавшие за войной, стремящееся создать органы успешной борьбы против капитализма.

2) Активное стремление рабочих преодолеть организационную лоскутность, повлекшее за собой частичную консолидацию профсоюзов; консолидации профсоюзов сопутствует кристаллизация основных течений внутри рабочего движения.

3) Борьба против традиций чистого трэд-юнионизма и либерализма в политике, которая ведет к воскрешению славных традиций чартизма; это движение получает отчетливое отражение в тяге к Москве.

4) Рост влияния коммунистической партии, не на живот, а на смерть борющейся со старой, развращенной до мозга костей бюрократией за руководство массами.

5) Возросшая активность пролетарских масс, выразившаяся в образовании стройной организации профсоюзного меньшинства и толкающая на путь об'единения социалистических элементов рабочей партии.

Для более ясного понимания удельного веса компартии и перспектив ее развития, нам придется более подробно остановиться на характере и методе ее повседневной работы.

Работа коммунистической партии сосредоточена в существующих массовых организациях рабочего класса и, в первую очередь, в профессиональных союзах и местных отделах рабочей

[1]) См. мою статью «Независимая рабочая партия и Единый Интернационал».—«Большевик». Февраль, 1926 г.

партии. В самое последнее время коммунистическая партия усилила также свою работу в кооперативных организациях, которые густой сетью покрыли страну. Кооперативы, как и организации рабочей партии, об'единили огромные массы пролетариев, ведя, однако, отчетливую буржуазную политику. Они, как общее правило, держатся вдали от непосредственной пролетарской борьбы, питая в рабочих иллюзию, что можно кооперацией вытеснить капитализм. Кооперативы, таким образом, представляют собою огромное поле деятельности, увеличивая возможности смычки коммунистического авангарда с широкими пролетарскими массами.

Одновременно коммунистическая партия проявляет особую активность в новых массовых организациях, родившихся после войны и отмеченных печатью нового фазиса классовой борьбы. Мы имеем в виду, в первую очередь, движение меньшинства и комитеты безработных. Рядом с этими двумя организациями, охватывающими широкие массы, существуют также второстепенные пролетарские организации, в которых коммунистическая партия играет активную и подчас руководящую роль.

Обстановка деятельности компартии станет более ясной, если мы прибавим, что профсоюзное движение распылено и что существующие 1.100 национальных профсоюзов имеют, по меньшей мере, 15.000 местных отделов. Что же касается рабочей партии, то она насчитывает 615 местных отделов. А коммунистическая партия насчитывает только от 6 до 7 тысяч членов.

Чтобы получить конкретное представление о повседневной работе английского коммуниста, мы обратимся к коммунистической организации в Лондоне и к коммунистическим фракциям в текстильной промышленности.

Большой Лондон представляет собой целое государство с огромным населением в 6—7 миллионов человек. По самым скромным подсчетам в столице Англии находится не менее 500.000 рабочих, организованных в профсоюзы. Эти 500.000 человек распределены **между четырьмя тысячами** местных профсоюзных отделов, не считая районных и центральных комитетов профсоюзов, находящихся в столице. Все эти профсоюзы об'единены 61-м городским советом профсоюзов, которые, в свою очередь, об'единяются общелондонским городским советом, являющимся федеративным об'единением всех районных городских советов и районных организаций наиболее крупных профессиональных союзов. Рабочая партия в свою очередь насчитывает в Лондоне 125 отделов. Этих сухих цифр достаточно, чтобы иметь представление о положении 1.200 членов коммунистической партии, находящихся в Лондоне и работающих в 29 местных организациях коммунистической партии.

Казалось бы, что коммунистической партии нельзя даже мечтать о каком бы то ни было серьезном влиянии на рабочее движение столицы. Факты, однако, говорят обратное. Крупнейшие события в рабочем движении Лондона носят на себе печать коммунистического влияния. Но если даже отвлечься от массовых выступлений, когда все большие и маленькие аппараты отодвинуты на задний план и на сцену выступают рабочие с фабрик и заводов, и перейти к будничной жизни пролетарских организаций, то и здесь мы увидим отчетливые результаты кипучей

деятельности маленькой, но сильной своей активностью и сознательностью организации.

Некоторые цифры подтвердят правильность высказанной нами мысли. В большом лондонском городском совете профсоюзов, играющем исключительную роль в профсоюзном движении всей страны, коммунисты составляют 25% общего числа делегатов: 47 членов компартии из общего числа в 200 делегатов. Еще характернее состав исполкома лондонского совета профсоюзов; из 12 членов 5 являются членами компартии. Иными словами, состав высшего органа профсоюзного движения в Лондоне говорит о том, что работа коммунистов высоко ценится всеми органами профсоюзного движения. Влияние коммунистов в этом высшем органе обусловлено не только численным их составом, но их организованностью, с одной стороны, и той симпатией, которой они пользуются среди активных элементов профсоюзного движения, с другой. В течение последнего года (1925) вопрос о присоединении лондонского городского совета к движению меньшинства обсуждался неоднократно. Был короткий период, когда лондонский городской совет был официально частью движения меньшинства. В самое последнее время реакционерам удалось получить большинство в два голоса под лозунгом борьбы за «независимость» лондонского совета профсоюзов от всяких центральных органов. Но и после этой победы реакционеров коммунисты продолжают играть руководящую роль во всех мероприятиях совета.

Еще более резко и отчетливо выступает влияние коммунистической партии в тех местных городских советах профсоюзов, которые работают в густо населенных пролетарских районах. В Баттерси городской совет открыто работает в контакте с коммунистической партией и с движением меньшинства. Такую же картину мы наблюдаем в Бетналгрине. Не случайно исполком рабочей партии, желая обрушиться на коммунистические твердыни, счел необходимым исключить из рабочей партии те свои организации, которые находятся под «тлетворным» влиянием городских советов профсоюзов в районах Баттерси и Бетналгрине. Напомним, что кандидатом Баттерси в парламент был член компартии Саклатвала, а кандидатом Бетналгрина был Воган.

Если мы перейдем к организациям рабочей партии, то мы увидим, примерно, такую же картину. Рабочая партия имеет ряд отделов в богатых районах города, которые не за страх, а за совесть следуют указаниям либеральных вождей рабочей партии. Картина, однако, резко меняется, когда мы переходим из богатых районов в пролетарские центры. Из 125 отделов рабочей партии 53 отдела приняли участие в конференции левого крыла—23 января 1926 г.,—утвердившей программу борьбы с ливерпульскими резолюциями, выработанную компартией. Но коммунистическая партия пользуется некоторым влиянием также в других лондонских отделах рабочей партии. Факт тот, что в 15 отделах, кроме упомянутых выше 53 отделов, функционируют группы меньшинства, поддерживающие линию компартии в деле образования боеспособного левого крыла.

При сравнении рабочих отделов, поддерживающих линию Макдональда, с теми отделами, которые активно участвуют в формировании левого крыла, мы замечаем следующую любопытную картину. Макдональдовские отделы отличаются поразительной пассивностью и бездеятельностью. Они честно и лойяльно выполняют все директивы, получаемые от центра, не дерзая иметь свое суждение ни по одному вопросу. Активной революционной группе приходится поэтому бороться не в атмосфере политической активности двух соперничающих между собой политических течений. Они имеют против себя большое количество аппаратов, находящихся в руках исполкома рабочей партии и стоящих в стороне от всех попыток, направленных к приспособлению рабочего движения к новым потребностям классовой борьбы в Англии.

Эту картину мы наблюдаем не только в Лондоне. Она характерна для всей рабочей партии во всей стране. Ожили и заговорили громким голосом те организации рабочей партии, в которых работают активные группы коммунистов,—остальные отделы рабочей партии занимаются только тем, что готовятся к избирательным битвам. Такую же картину мы наблюдаем в профсоюзном мире. Если мы обратимся ко всем резолюциям, внесенным на обсуждение последних 4-х с'ездов рабочего движения в Англии—с'езды профсоюзов в Гулле и в Скарборо и с'езды рабочей партии в Лондоне и в Ливерпуле,—то мы увидим, что активность проявляют те отделы рабочей партии и те профсоюзы, в которых коммунисты пользуются определенным влиянием. Остальные либо молчат, либо же ограничиваются второстепенными поправками уставного характера. Отделы профсоюзов проявляют активность только тогда, когда возникает борьба между двумя профсоюзами за сферу влияния. Борющиеся чиновничьи клики апеллируют к «демократии» и от поры до времени получают соответствующие резолюции от местных организаций. Общие же резолюции, касающиеся консолидации рабочего движения и откликающиеся на острые проблемы рабочего движения, являются, как общее правило, делом рук коммунистических групп. Местные отделы рабочей партии и профсоюзов не всегда, конечно, принимают резолюции в том виде, в каком они предложены коммунистами. В результате обсуждения и «исправления» резолюции, внесенные коммунистами, часто меняются до неузнаваемости. Несомненно, однако, что инициатива обсуждения обще-политических вопросов, как общее правило, исходит от коммунистов.

Сила коммунистов в профсоюзах и в местных отделах рабочей партии обусловлена, однако, не только и даже не столько тем, что они ставят перед рабочими общие проблемы рабочего движения. Главная причина влияния коммунистов заключается в том, что они принимают активное участие в повседневной работе как профсоюзов, так и организаций рабочей партии. В Бетналгрине, например, как и в целом ряде других районов Лондона, коммунисты являются инициаторами борьбы с местными органами самоуправления во всех вопросах, задевающих интересы бедноты. Ни одна рабочая организация, находящаяся в конфликте с местным органом самоуправления, не решается выполнить директивы об исключении коммунистов даже в том случае, если реакционеры располагают большинством в аппарате. В пору боевых конфликтов,—а их теперь очень много, в связи с ростом безработицы и с лишением больших категорий безработных права получения страхования,—коммунисты находятся в центре внимания масс, и руководители местных рабочих организаций знают, что всякая попытка нанести удар коммунистам вызовет бурю протеста.

В Лондоне сосредоточена вся либеральная знать рабо... па-
тии, включая 1½ сотни членов парламента, в том чис...
ток-другой тайных и явных советников его королевско...
чества. Рабочей партии легко удается с успехом пр...
сравнительно большие собрания, на которых выступают п...
ные лидеры. Никогда, однако, рабочая партия не мо...
роться с влиянием коммунистов в пролетарских центрах Лон...
когда эти центры вовлечены в те или иные конфликты с ...
нами самоуправления или с хозяевами. В этих случаях и в ...
обстановке коммунисты встречают широчайший отклик сре...
рабочих.

Из всех кампаний, проведенных лондонской организацией компартии за последние два года, неуспешными оказались только кампании по рекрутированию новых членов. Лондонской организации компартии удалось укрепиться в наиболее важных центрах рабочей партии и профсоюзного движения. Она сумела заметно поднять распространение коммунистической литературы вообще и «Рабочего Еженедельника» в частности. Рядом с фракциями, работающими в рабочей партии и в профсоюзах—их 71—она создала 27 фабричных ячеек, охватывающих десятки тысяч рабочих. 20 из этих ячеек имеют свои небольшие фабричные газеты, существующие на началах самоокупаемости, имеющие постоянный состав читателей в 8—10 тысяч человек. Но рабочие, активно откликающиеся на призывы коммунистической партии и дружно выступающие в защиту ком'ячеек, когда администрация пытается избавиться от редакторов фабричных газет, все же не проявляют особой склонности к вступлению в ряды компартии.

Отдельные районы лондонской организации попытались выяснить причину нежелания рабочих вступать в ряды коммунистической партии. Из полученных ответов явствует, что рабочих, как общее правило, смущают следующие обстоятельства: чрезмерная нагрузка коммунистов, строгая дисциплина компартии, страх перед террором со стороны хозяев и правительства. Несомненно, однако, что вопрос о судьбах коммунистической партии в настоящий момент интересует уже не только членов коммунистической партии, но он стал проблемой, волнующей весь актив пролетарского движения.

Мы отметили три причины, выдвигаемые самими рабочими, мешающие численному росту коммунистической партии. Но есть и четвертая причина, играющая еще поныне весьма серьезную роль. Деятельность лидеров рабочей партии и старых бюрократов, возглавляющих профсоюзы, вызывает очень часто чувство негодования среди пролетарских масс. В моменты острой борьбы рабочие направляют свои взоры к коммунистам, доверие к которым безусловно растет. Но рабочие массы далеко еще не изжили своих парламентских иллюзий. Вестминстер еще окружен большим обаянием. А вся пресса, включая и «Дейли Геральд», настойчиво пугает английского пролетария теми ужасами, которые последуют для Англии, в случае гражданской войны. Крайне характерно, что все те ренегаты, которые покинули ряды коммунистической партии, особенно усердствуют в разрисовывании жесточайших последствий революции для Англии, которая не имеет сырья и не может сама себя пропитать. Сближение с Советским Союзом сильно помогает английским рабочим выле-

ню... от этих страхов. Сведения, прибывающие из Советского
сужд... быстро продвигающемся вперед процессе восстановле-
пе п...изводительных сил, рядом с ухудшающейся экономиче-
тив... 'юнктурой в самой Англии, заставляют рабочих приза-
чен... над непарламентскими путями борьбы с капиталом.
нах... лондонской организации говорит, однако, за то, что
ст... трудный период в жизни коммунистической партии уже
ч... йден. Компартия находится в центре внимания рабочих
... Ей, вероятно, придется сделать свой аппарат более гиб-
.... Но экономические условия английского пролетариата и пра-
...льная политика коммунистической партии являются лучшей
...рукой за то, что коммунистической партии в недалеком будущем удастся привести в соответствие свою организационную силу со своим идеологическим влиянием.

Перейдем теперь к работе коммунистической партии в профсоюзах текстильной промышленности. Картину роста и влияния коммунистической партии можно было бы легче показать на союзе горняков вообще, и на организациях горных рабочих в Южном Уэльсе в частности. Южно-уэльские горняки в течение последних двух лет дважды высказались за то, чтобы федерация горняков присоединилась к Профинтерну. Они так же активно поддерживали и поддерживают боевые лозунги коммунистической партии. Мы предпочитаем, однако, обратиться к текстильной промышленности, по той простой причине, что в этой отрасли промышленности мы отчетливее видим те трудности, на которые коммунистическая работа в Англии наталкивается.

Текстильную промышленность Англии можно разделить на 3 части: хлопчато-бумажную, шерстяную и джутовую. Хлопчато-бумажная промышленность сосредоточена в Ланкашире. Рабочие, занятые в этой промышленности, распылены в ста различных союзах. Общие членские собрания происходят только раз в ½ года. Ясно, что вся власть сосредоточена в руках старой бюрократии, чьи действия никем не контролируются. Вместе с тем, компартии удалось создать в этой отрасли промышленности движение меньшинства, которое успешно ведет борьбу за консолидацию профсоюзов и за демократизацию профсоюзного управления.

Шерсто-прядильная промышленность сосредоточена в восточном Иоркшире. В этой отрасли промышленности конкурируют между собою только 29 союзов. Эти 29 союзов об'единяются федерацией текстильных профсоюзов. Среди 29 профсоюзов имеется также 2 крупных союза—об'единенный союз текстильных рабочих и союз чесальщиков шерсти. Общие собрания членов этих больших союзов происходят раз в 3 месяца. Об отношении масс к своим союзам свидетельствует посещаемость этих собраний. Союз текстильных рабочих насчитывает в Братформе 22.000 рабочих, из них в последних собраниях участвовало только 900 членов; в Шипли число членов достигает 4.200, а в собраниях участвовало 650, в Гудерсфильде число членов достигает 7.600 чел., а в собраниях участвовало 240. К сказанному прибавим, что во всех трех районах, вместе взятых, компартия насчитывает... 60 членов. Казалось бы, что обстановка не очень благоприятствует влиянию коммунистической партии. Вместе с тем, мы были свидетелями того, как в июле месяце 1925 г.

маленькие фракции компартии, опиравшиеся на движение меньшинства, играли исключительную роль. Хозяева текстильной промышленности хотели приурочить сокращение заработной платы к локауту горняков, который должен был начаться 31 июля. По инициативе коммунистов, во всех союзах текстильной промышленности были созданы комитеты действия. Само собой понятно, что локаут в текстильной промышленности потерпел поражение, главным образом, вследствие частичной победы горняков в день 31 июля. Несомненно, однако, что комитеты действия сыграли определенную роль в пору этого конфликта. Крайне характерно, что после этого конфликта, лидер текстильщиков, Бен Тернер, принадлежащий к пацифистской части профсоюзной бюрократии, счел возможным послать приветственное письмо Поллигу, в связи с организацией конференции меньшинства. Он также был единственным умеренным лидером, выступившим против исключения коммунистов на Ливерпульском с'езде. В настоящий момент профсоюзы текстильной промышленности обсуждают полную программу реорганизации профсоюзного движения, выдвинутую коммунистическими фракциями.

Наиболее важным союзом в текстильной промышленности является союз чесальщиков шерсти. Этот союз контролирует всю текстильную промышленность, так как его рабочие заняты в первоначальном процессе шерсто-прядильного дела. В результате активной работы коммунистов в этом союзе, в состав его центрального комитета, состоящего из 12 человек, были избраны два члена коммунистической партии и три сторонника меньшинства. Вряд ли есть надобность прибавить, что старая бюрократия всемерно сопротивлялась избранию коммунистов в ЦК. Коммунистам удалось преодолеть это сопротивление лишь потому, что они успели зарекомендовать себя не только честными борцами за рабочее дело, но и аккуратными работниками повседневной профсоюзной работы.

Джутовая промышленность сосредоточена более всего в Донди (Шотландия). Усилиями коммунистов об'ясняется факт посылки делегации этого союза в Индию. Коммунисты еще не были достаточно сильны, чтобы оказать должное влияние на состав посланной делегации. Несомненно, однако, что этот контакт с индийскими рабочими таит в себе огромные возможности.

Этот краткий обзор деятельности коммунистической партии в Лондоне и в текстильной промышленности дает нам некоторое представление о том, как коммунистическая партия осуществляет повседневную связь с массами.

Обратимся теперь к настроению масс.

Классовая борьба в Англии упирается теперь в вопрос о заработной плате. Ни придворные балы, в которых участвуют тайные советники, вышедшие из недр рабочего класса, ни оптимистические отчеты директоров банков, твердящих о том, что английская экономика стабилизуется, ни маневры рабочей партии, исключающей радикальные организации и произносящей левые речи в парламенте, не могут затушевать факта ухудшающегося положения английских пролетариев. За 1925 год английская промышленность сделала шаг назад. Производство угля, составлявшее в 1924 году 92,2% довоенного уровня, упало в 1925 г. до 88,2%. Железная и стальная промышленность упала с 86,7% довоенного уровня в 1924 г. до 76,2% в 1925 г. Дороговизна жизни, наоборот, поднялась со 174,7% довоенного уровня в 1924 г. до 175,6% в 1925 г. Заработная плата упала. Число безработных возросло, при чем категории, лишенные страхования министерством Болдуина, легли своей тяжестью на кассы профсоюзов и на местные попечительные советы. А английский капитал продолжает добиваться дальнейшего сокращения заработной платы.

Летом 1925 года профсоюзные деятели были ошеломлены заявлением либерального экономиста, профессора Кейнса, что крупные банки Англии сознательно способствуют увеличению безработицы, в целях обеспечения успешной борьбы за понижение прожиточного минимума английских пролетариев. События, последовавшие за опубликованием книжки Кейнса—«Экономические последствия г-на Черчилля», вполне подтвердили правильность заключения либерального профессора. Весьма недавно сэр Эллен Смит, который возглавляет теперь союз фабрикантов машиностроительной промышленности, вынужден был высказать те же соображения о политике английских банков. На собрании представителей союза хозяев и профессиональных союзов машиностроительной промышленности Эллен Смит сделал следующее заявление:

«Когда русская торговая делегация прибыла сюда в августе (1925 г.) и когда она установила, что в результате преступного настроения банковской клики (курсив мой. *Б.*), гарантия кредитов и авансов для производства советскому правительству не будет дана, делегация обратилась к центральному комитету видного профессионального союза в этой стране. С поразительной справедливостью центральный комитет заявил делегации, что он им помочь не может и что им следует обратиться к нам».

Эту цитату мы взяли из отчета, помещенного в «Уоркерс Уикли» от 12 февраля 1926 года. В своей речи Эллен Смит хвастал тем, что он оказал всемерную помощь советской делегации. Мрачными красками он обрисовал перед собранием те трудности, на которые машиностроительная промышленность натолкнулась в переговорах с банками. В речи Эллена Смита был и другой момент, заслуживающий внимания. Желая убедить профсоюзы в необходимости понижения заработной платы в Англии, он им рассказал о возрастающей силе Северо-Американских Соединенных Штатов и о сознательном устремлении дяди Сама подчинить своему контролю все производство чугуна в Европе.

Эллен Смит не разделяет политики английских банков в отношении к торговле с Советским Союзом. Он также против заигрывания с Америкой. Но Эллен Смит работает в том же направлении, в каком работают английские банки и американские «наблюдатели»,—в направлении уменьшения заработной платы английских рабочих и понижения их прожиточного уровня.

Загнивание английского капитализма, его бессилие обеспечить английским рабочим тот прожиточный минимум, которого они добились еще до войны, приводит к тому, что вопрос о заработной плате превращается в самую острую проблему классовой борьбы в Англии, в проблему борьбы за власть.

Уже день 31 июля 1925 г. угрожал превратиться в начало серьезной битвы между трудом и капиталом. Английские капи-

талисты не скрывают, что они намерены провести в 1926 году ту программу, которой им не удалось полностью провести в 1925 году. Устами Джойнсона Хикса правительство Болдуина заявило, что оно серьезно готовится к предстоящим битвам, что оно мобилизует военные и полицейские силы и что в случае необходимости тайный совет, членами которого состоят Томас Клайнс и др., обратится с воззванием к населению о помощи. Иными словами, правительство готовится к тому, чтобы не только использовать все аппараты насилия нормального времени, но чтобы пустить в ход также свои фашистские резервы, которые призваны будут играть роль боевой организации буржуазии для нанесения решительного удара рабочему классу.

Для июльских событий 1925 года характернее всего то, что рабочая партия находилась в стороне от всего конфликта и что коммунисты играли в нем инициативную и подчас руководящую роль. Июльские дни являются как бы прообразом будущих битв между трудом и капиталом в Англии. Все руководство рабочей партии настолько развращено, что оно не может приспособиться к темпу обостряющейся и разрастающейся классовой борьбы. В те самые февральские дни, когда Джойнсон Хикс угрожал обрушиться всеми аппаратами буржуазного общества на рабочий класс, газеты сообщили, что 16 февраля состоится, наконец, вечер [1]), организуемый г-жей Сноуден, на котором посетители будут «иметь честь встречи их высочеств, принцессы Елены-Виктории и принцессы Марии-Луизы».

Ходом вещей коммунистическая партия выдвигается на авансцену. По ее инициативе меньшинство созывает конференцию для мобилизации и подготовки профсоюзных сил к предстоящему майскому конфликту. Тем временем идет активная работа внутри рабочей партии, имеющая целью об'единить боеспособные элементы партии для борьбы против наступления капитала и против либеральной политики макдональдовской клики.

Старые факторы, тормозящие развитие классовой борьбы в Англии, еще не умерли. Но новые факторы развиваются с огромной быстротой. Самым важным новым фактором является коммунистическая партия. Она находится на самом трудном посту в общей борьбе рабочего класса против попытки капитала восстановить старый капиталистический ритм за счет понижения жизненного уровня рабочих масс. Пост трудный. Сила коммунистической партии, однако, в том, что эти трудности ее не пугают и что, будучи еще в меньшинстве, она упорно, активно и успешно завоевывает пролетарские массы, подготовляя себя к победной борьбе.

А бои предстоят жестокие и напряженные. Только прекраснодушные реформаторы вроде Брейльсфорда могут поверить, что от английской буржуазии можно будет откупиться. Английская буржуазия без жестокой борьбы не сдаст своих позиций. Она будет сопротивляться всякому посягательству на ее власть всеми мерами, и она отнюдь не постесняется применить против «свободолюбивых» англичан те же жестокие и коварные средства борьбы, при помощи которых она держит большую часть Востока под своей властью.

[1]) Он был отложен из-за смерти королевы Александры.

Хитрая, опытная, богатая, изощренная и жестокая английская буржуазия будет, в конечном счете, разбита мощным натиском организованного пролетариата. Ныне распыленный пролетариат обретает свою массовую боевую организацию в тяжелой борьбе против капитала. В этой борьбе он излечится от своих иллюзий и избавится от слуг капитала, которых он еще почитает своими вождями. В этой же борьбе он научится искать верных союзников. Он их найдет среди рабов колоний на Востоке, среди пролетариев Европы и Америки, борющихся против ига капитала, и, наконец, в той стране, над которой уже развевается красное знамя труда. Нынешние вожди английских рабочих зовут рабочих на соглашение с капиталом. Макдональд рекомендует им «рабочими миссионерами» сменить «министров христа», бессильных защищать интересы английского капитала на Востоке. Но экономическая необходимость толкает английских рабочих на борьбу с капиталом в союзе со всеми рабами капитализма и империализма. Английские пролетарии смотрят поэтому с возрастающей симпатией на ядро своей массовой боевой организации—молодую Коммунистическую Партию Англии.

С. Тимов.

О балканском Локарно.

Вопросы внешней политики занимают за последнее время исключительное внимание правящих кругов и буржуазного общественного мнения балканских стран. Газеты переполнены сообщениями, статьями и декларациями, посвященными проблемам взаимоотношений между отдельными странами и положению на Балканах вообще. При этом в центре внимания стоит вопрос о гарантийном договоре и в связи с ним проблема греко-юго-славских отношений.

Локарнский договор, как известно, совершенно не затронул балканских стран. Только одна Чехо-Словакия, входящая в составе Малой Антанты, оказалась связанной в силу его договором об арбитраже и ненападении с Германией. Балканские же страны Юго-Славия и Румыния, образующие вместе с Чехо-Словакией Малую Антанту, остались без всяких гарантий своих границ со стороны великих держав. Поэтому им и пришлось «самостоятельно» заняться вопросом об обеспечении своих территорий.

Однако, заключение гарантийного договора на Балканах наталкивается не только на препятствия в виде противоречий интересов, существующих между побежденными странами и победительницами, но и на антагонизмы, раз'едающие и страны-победительницы.

Камнем преткновения на пути к заключению гарантийного договора на Балканах продолжает служить антагонизм между Юго-Славией и Грецией. В первой книжке (за этот год) этого журнала мы подробно остановились на сущности этого антагонизма. Речь идет о стремлении Юго-Славии фактически завладеть греческим портом на Эгейском море—Салониками. Переговоры между правительствами этих государств по вопросу о так называемой свободной зоне в Салониках для Юго-Славии, которые столько раз прерывались и возобновлялись, оказались вновь прерванными (в начале марта) из-за неуступчивости сторон. Сербская делегация потребовала разрешение воздвигнуть в пределах зоны специальный вокзал, который бы обслуживался юго-славскими служащими и подчинялся бы непосредственно управлению юго-славских железных дорог. Сербская зона по требованию делегации должна рассматриваться, как пограничная станция, и поезда должны направляться не через Салоники, а прямо на Гевгели, внутрь страны. Удовлетворить подобного рода требование означало дать возможность Юго-Славии распространить свою власть на греческую территорию, на что греческая делегация не могла, конечно, согласиться.

Судя по сообщению печати, Греция склонна заключить, при содействии и под гарантией Лиги Наций, конвенцию с Юго-Славией, которая бы гарантировала последней нормальную связь со своим выходом в море—Салониками. Однако, подобная перспектива не удовлетворяет юго-славских империалистов и греко-сербские переговоры вновь зашли в тупик.

Вопрос о заключении гарантийного договора на Балканах был опять предметом обсуждений последней (февраль) конференции Малой Антанты (в Темешваре, Румыния). Накануне ее открытия полномочный министр Румынии в Афинах навестил греческого премьера и справился относительно его взгляда на этот вопрос. Греческий премьер ответил, что Греция остается на прежней своей точке зрения относительно необходимости заключения гарантийного пакта, предложенного еще в свое время Рентисом. Но с того момента греческое правительство не предприняло и не предпримет ни одного шага, будучи убежденным в том, что балканский пакт принесет пользу не только Греции, но послужит существенной гарантией для блага остальных стран. Таким образом, Греция остается непреклонной в своем решении отстоять свой суверенитет от поползновений сербского империализма. Мало того, сознавая, что ей приходится противостоять не только одной Юго-Славии, но всем странам, солидарным с последней, она сделала соответствующие военно-организационные выводы. Греция реорганизует сейчас свою армию и флот. Ген. Пангалос, греческий диктатор, подражая Муссолини, совершенно этого не скрывает. В речи, произнесенной на одном офицерском банкете в Салониках (в конце февраля), он, между прочим, сказал: «То, что я видел вчера в армии и сегодня во флоте, подкрепляет меня в своей уверенности, что судьбы нации находятся в верных руках... Я предпринял дело, которое я доведу до конца и которое вы сами будете охранять. Что касается нас, то все мы об'единимся в едином порыве вокруг нашего знамени и не допустим нарушения целостности нашей территории. Я повторяю, что Греция не может жить без Македонии и Салоник». Далее он подчеркнул, что реорганизация армии и флота составляет сейчас особую заботу греческого правительства. Благодаря им, Греция должна стать важнейшим фактором... мира.

При таком положении вещей темешварская конференция оказалась бессильной сколько-нибудь продвинуть вперед вопрос о заключении договора. И Юго-Славия и Румыния считают, что предпосылкой последнего должно служить урегулирование спорных вопросов между отдельными странами. Но поскольку Юго-Славия хочет урегулировать спорный вопрос с Грецией с пользой только для себя, а Греция не идет на уступки, постольку конференция, повидимому, решила сломить сопротивление Греции обходным путем.

Поездка Нинчича в Рим и Париж (в начале марта) была, несомненно, предрешена на конференции Малой Антанты. Своей поездкой юго-славскийининдел преследует более тесное сближение с Италией с целью противопоставить итало-сербскую дружбу греческой неуступчивости. Существующее итало-югославское соглашение (заключено в 1924 г.) будет расширено. Если верить английской печати, Юго-Славия отказывается от-

создания своего собственного порта на Адриатическом море, который бы конкурировал с Фиуме, рассматривающимся окончательно итальянской гаванью. Фиумский порт будет служить для Сербии выходом в Адриатическое море. Италия обязуется поддерживать юго-славские притязания на Салоники.

Нужно заметить, что в деле окружения Греции поездка Нинчича в Рим является не первым шагом. Еще задолго до того, Юго-Славия заключила дружеский договор с Турцией (конец 1925 г.), заклятым врагом Греции, и этим самым заручилась, по крайней мере, ее пассивной поддержкой против последней. Наконец, в силу тех же соображений в Юго-Славии наметилось за последнее время течение в пользу сближения с Болгарией. Некоторые политические деятели даже заговорили о конфедерации с последней и, хотя эта идея не встречает отзыва в оффициальных правящих кругах, но сама по себе она в высшей степени показательна для характеристики запутанности отношений на Балканах.

Когда Рентис выдвинул идею гарантийного договора на Балканах, то он имел в виду Грецию, Юго-Славию и Румынию. Когда же выяснились козни юго-славского правительства, то греческое правительство стало на точку зрения необходимости заключения договора между Грецией, Юго-Славией, Болгарией, Турцией, Румынией и Албанией. Подобное расширение границ договора означает прежде всего увеличение трудностей, стоящих на пути к его заключению. Так, Болгария условием своего участия в договоре считает: 1) предоставление выхода через Эгейское море; 2) предоставление займа Лигой Наций и 3) разрешение принятия на военную службу безработных беженцев.

Положение вещей на Балканах усугубляется последними событиями в Зап. Европе. Предстоящий прием Германии в Лигу Наций вызывает замешательство в рядах Мал. Антанты. Последняя полагает, что допущение Германии в Лигу означает ее укрепление и ослабление позиций стран, образующих эту группировку. Поэтому темешварская конференция и решила поддерживать требование Польши на постоянное место в Лиге Наций, с одной стороны, а с другой—работать в духе Локарно и пытаться распространить систему локарнских договоров на всю Центральную Европу. Повидимому, одним из результатов этих решений и является заключенный между Чехо-Славакией и Австрией (начало марта) договор о третейском разбирательстве.

То обстоятельство, что первый договор заключен с Австрией, не случайно. Юго-Славия, Румыния и Чехо-Словакия испытывают большой страх в связи с агитацией за присоединение Австрии к Германии. Поездка Нинчича в Рим и Париж стоит не только в связи с натянутыми отношениями с Грецией, но и в связи с желанием стран Малой Антанты заручиться помощью Италии и Франции против Германии и возможности присоединения Австрии к последней. Сейчас оффициозная белградская печать сообщает о предстоящем созыве конференции с целью выработки условий договора, долженствующего гарантировать status quo в Центральной Европе. На этой конференции будут участвовать представители Италии, Франции, Австрии, Чехо-Словакии, Юго-Славии и Румынии, при этом не исключена возможность присутствия на конференции и делегата от Германии.

Наметившееся, таким образом, сближение между странами Малой Антанты и Италией является фактом первостепенного значения. Мы знаем, что до сих пор отношения между ними были довольно натянутыми. Французское влияние на Балканах сменялось итальянским, итальянское английским и т. д. Теперь же страны Малой Антанты перед призраком немецкой опасности вновь начинают ориентироваться, повидимому, на Италию и Францию, которые более, чем Англия, заинтересованы в сохранении равновесия в Центральной Европе и на Балканах. Вслед за Нинчичем в Рим помчался и Руфос, мининдел Греции. Если Нинчич добивался у Муссолини поддержки против Греции, то Руфос просил помощи против Юго-Славии. Возможно, что Италия умудрится удовлетворить обоих министров и примирить между собою Юго-Славию и Грецию для того, чтобы взять их обоих на борт своей империалистической политики. В отзывах английской печати уже промелькнула, по крайней мере, мысль о том, что сближение между Италией, Юго-Славией и Грецией может привести к невыгодной для Англии комбинации в Средиземном море, в которой была бы заинтересована и Испания. Таким образом, независимо от того, будет ли или не будет достигнуто соглашение между балканскими странами по вопросу о заключении гарантийного договора, сама подготовка его приводит к обострению отношений между балканскими странами, с одной стороны, и великими империалистическими державами, интересы которых переплетаются на Балканах—с другой.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Е. Преображенский.

Экономические заметки.

В своей статье о товарном голоде [1]) мы говорили о тех причинах длительного характера, которые вызывают товарный голод. Теперь мы остановимся на последствиях товарного голода, на проблеме равновесия в нашем хозяйстве и на вопросе о том экономическом курсе, который диктуется настоящей хозяйственной обстановкой.

Нарушение равновесия в распределении производительных сил в хозяйстве, где существует товарно-денежный обмен, прежде всего отражается в области цен. И при том товарном голоде, который мы переживаем второй год, эта диспропорция в хозяйстве находит свое выражение также в области цен, хотя при нашей системе хозяйства движение цен имеет свои специфические черты. Прежде, чем остановиться на этих особенностях в движении цен, связанных с особенностями структуры этого хозяйства, мы поставим перед собой следующий вопрос. Допустим, у нас не существовало бы социализации промышленности и транспорта: каким образом было бы достигнуто равновесие в хозяйственной системе при наличии товарного голода на промышленные товары, т.-е. при недостаточной индустриализации страны? На основе действия закона ценности равновесие было бы достигнуто следующим образом. Повышение цен на промышленные товары, носящее длительный характер, должно было бы привести, с одной стороны, к увеличению ввоза недостающих товаров, а с другой стороны, к перераспределению производительных сил между городом и деревней в сторону притока новых капиталов в отрасли с недостаточным производством товаров. Таким образом, на основе действия закона ценности чисто стихийным путем было бы достигнуто приспособление производства к расширившемуся платежеспособному спросу страны. Но в нашых условиях, когда у нас промышленность национализирована, достижение равновесия вышеуказанным способом является невозможным. Нашей промышленностью руководим мы сами, и если мы не обеспечиваем в плановом порядке необходимых размеров накопления в ней, мы сами поддерживаем товарный голод. С одной стороны, путем национализации промышленности мы ограничиваем действие закона ценности в государственном хозяйстве, а с другой стороны, не замещаем действия этого закона необходимым темпом планового социалистического накопления,

[1]) «Правда» от 15 декабря 1925 года.—Кстати, т. Гулоян в фельетоне, помещенном в «Правде» в качестве собственных мнений преподнес читателям все основные выводы моей первой статьи, без упоминания источника, а что самое главное, он преподнес их в порядке полемики с основным положеним моего фельетона. Прошу т. Гулояна справиться у кого-либо из людей с литературным стажем, как называется обыкновенно такой прием.

т.-е. не обеспечиваем на основе сознательной плановой политики такого распределения рабочих сил и материальных рессурсов в стране, которое способно обеспечить хозяйственное равновесие. При таком положении мы не устраняем действия закона ценности, а создаем условия, при которых этот закон проявляется в наиболее уродливой и в наиболее убыточной для нас форме. В области частной торговли, т.-е. прежде всего в области розничной и оптово-розничной торговли, цены на те товары, которых не хватает, резко поднимаются, но это повышение цен не приводит стихийным путем к перераспределению производительных сил страны в интересах ее индустриализации, а ведет лишь к быстрому накоплению в сфере частного капитала. Частный капитал повышает цены до пределов платежеспособного спроса и усердно зарабатывает на хозяйственной диспропорции.

Недостаточное накопление в промышленности, недостаточно быстрый темп расширенного воспроизводства в ней приводят, следовательно, с неизбежностью к падению покупательной способности наших денег в определенной сфере товарного оборота. Но падение валюты, кроме этой причины, связано еще с двумя другими причинами, без анализа которых очень трудно разобраться в переживаемых нами хозяйственных затруднениях. Причины эти следующие.

Произведя снижение единого сельско-хозяйственного налога, мы нарушили расчетный баланс между городом и деревней в пользу последней. Уже одно это снижение должно было бы иметь заметные последствия в смысле относительного увеличения денежных средств, отлагающихся в крестьянском хозяйстве. К этому прибавилось еще то обстоятельство, что 1925 год был, во-первых, урожайным годом; во-вторых, мы имели в этом году общее расширение посевных площадей; в-третьих, крестьянство продолжало расширять производство технических культур и промышленного сырья вообще; в-четвертых, наконец, в частном хозяйстве начался рост цен. В итоге деревня, при недостаточном предложении на рынке товаров промышленного производства, получила больше денег, чем могла их реализовать. Расчетный баланс между городом и деревней оказался в несоответствии. При нормальном состоянии валюты это должно было бы привести к увеличению бумажно-денежного накопления в деревне. Крестьянство накопляло бы деньги для будущих закупок, откладывало бы излишние деньги в государственные сберегательные кассы и т. д. Но при падающей валюте и даже при колеблющейся только валюте оно воздерживается от денежного накопления по мотивам, которые вполне понятны. Продать 100 пудов хлеба за 100 рублей, положить сто рублей в сберегательную кассу, иметь через год 104 рубля вместе с процентами в условиях повышения цен на хлеб—это значит через год, быть может, купить за 104 рубля только 90 или 80 пудов хлеба. При такой кон'юнктуре крестьянству выгоднее пожертвовать некоторым процентом хлеба в пользу мышей и крыс, чем соблазниться 4% за свои денежные вклады в сберегательную кассу. К тому же, в прошлом году цены на хлеб весной резко поднялись по сравнению с ценами осени 1924 года. Тот крестьянин, который продал осенью хлеб по лимитным ценам, явно проиграл по сравнению со своим соседом, который хлеб придержал и продал его за двойную цену весной. Весь год жена пилила несчастного за «без-

хозяйственность», за «неуменье торговать» и ставила ему в пример соседа, который придержал хлеб и выиграл вдвое. Воспоминание обо всем этом, несомненно, очень сильно отразилось на крестьянской психологии, и в этом году деревня очень осторожно торгует хлебом, выжидая повышения цен к весне. Все это свело бумажно-денежное накопление крестьянства к минимуму. Деревня прекрасно понимает, что, когда цены повышаются, излишки выгоднее держать в товарах, а не в деньгах, что излишки держать в деньгах выгоднее только тогда, когда цены падают и когда за 100 рублей, отложенных в январе 1925 года, можно купить больше товаров в январе 1926 года. Совершенно очевидно, что при создавшихся условиях, т.-е. при прекращении бумажно-денежного накопления в деревне, рушатся, на ближайший по крайней мере год, и все планы, построенные на использовании этого накопления в интересах промышленности.

Вторая причина неустойчивости нашей валюты заключалась **в ошибке, допущенной Наркомфином** в области бумажно-денежной эмиссии. **Если взять конец 1924** года со стороны размеров денежного обращения **и сравнить его с концом** 1925 года, то мы увидим увеличение общей массы **денежного обращения** на 70% в то время, как за тот же промежуток **времени продукция** нашей государственной промышленности увеличилась **едва на 40%**, а весь товарооборот еще на меньшую сумму. Это тоже, **очевидно**, вело к инфляции. И если за тот же промежуток времени **курс** червонца, беря средний по оптовому и розничному индексам, пал только на 8%, то это лишь доказывает, насколько вообще прочно держится наша валюта, как она еще слабо реагирует на проделанный над нею эксперимент.

Из сказанного выше видно, что для падения нашей валюты причин было более, чем достаточно. Теперь необходимо рассмотреть, в чем заключается то своеобразие в движении цен, о котором мы говорили выше. Допустим, в результате всех вышеприведенных причин мы имеем в обращении денег на 15% больше в сравнении с минимумом обращения. Как происходит в таком случае достижение валютного равновесия, если не предпринимается искусственных мер к уменьшению количества обращающихся в стране денег? Стихийным путем это достигается обыкновенно на основе повышения цен в с е х товаров, н а в с е х ступенях товарного обращения. Если товарооборот в стране остается тем же, то повышение всех цен на 15%, следовательно, падение покупательной способности всех обращающихся денег на 15%, как раз и приводит к достижению валютного равновесия. Вся денежная масса обесценивается в том самом размере, в каком она превышает необходимый минимум обращения. Но у нас весь этот процесс принимает своеобразные формы, весьма убыточные для государственного хозяйства. Отпускные цены трестов у нас остаются твердыми, следовательно, на территории государственного хозяйства не происходит достижения валютного равновесия стихийным путем. Н о т е м с а м ы м в е с ь э т о т п р о ц е с с и с к у с с т в е н н о п е р е н о с и т с я в ч а с т н о е х о з я й с т в о, движение цен в котором остается вне нашего регулирования, либо эти цены регулируются нами в весьма незначительной степени. Таким образом, на частное хозяйство возлагается достижение валютного равновесия путем повышения цен, иными словами, т о л ь к о ч а с т н о м у х о з я й с т в у мы п р е д о с т а-

в л я е м м о н о п о л и ю н а э т о п о в ы ш е н и е. Результат совершенно очевиден. В частном хозяйстве растут цены на хлеб, на те виды промышленного сырья, где возможности нашего регулирования невелики, частное хозяйство за всю свою продукцию получает больше в бумажных деньгах. Наоборот, государственное хозяйство продает всю свою продукцию по твердым ценам, т.-е. за фиксированную общую сумму. А это означает, что расчетный баланс между государственным и частным хозяйством резко изменяется в пользу частного хозяйства и к невыгоде для государственного хозяйства.

Совершенно очевидно также, что при создавшейся кон'юнктуре не только теряет государственное хозяйство, как таковое, но и теряют рабочие и служащие государства, поскольку они покупают продукты питания на вольном рынке. Реальная заработная плата, следовательно, понижается, **а в тех случаях**, когда мы проводим намеченное по плану **увеличение заработной** платы, оно, в сущности, только в состоянии удержать старый реальный минимум заработной платы.

* * *

Какие же выводы вытекают из создавшегося положения для нашей экономической политики?

Мы должны отличать здесь те меры ч и с т о к о н ' ю н к т у р н о г о х а р а к т е р а, которые мы должны принять для самого ближайшего времени, и те меры, которые связаны с общей линией нашей экономической политики, рассчитанные на длительный период времени.

Что касается мер текущего характера, то прежде всего мы должны позаботиться о возмещении государственному хозяйству всех его потерь на падающей валюте. Мы должны выправить расчетный баланс в интересах государственного хозяйства, вернуть ему его потери и гарантировать его от потерь в будущем. Реально можно представить себе два основных метода в достижении этой цели: во-первых, увеличение налогов на частное хозяйство, что, разумеется, осуществить наиболее трудно, и, во-вторых, увеличение отпускных цен трестов на те товары широкого потребления, по отношению к которым чувствуется максимальный товарный голод и на которых больше всего наживается частный капитал. Как бы ни была нежелательна эта последняя операция она остается единственным выходом из положения, если мы хотим ограничить накопления частного капитала и приостановить утечку ценностей из государственного хозяйства в частное. Конечно, дело идет о таком повышении цен, которое не может отразиться в смысле дальнейшего увеличения цен в рознице. С другой стороны, только этим путем мы в состоянии будем получить необходимые рессурсы для возмещения рабочему классу того, что он потерял на повышении цен в частной торговле, и гарантировать ему на будущее время определенный реальный уровень заработной платы.

Что касается мер длительного характера, то здесь нам необходимо ясно и твердо поставить перед собой задачу достижения такого уровня накопления в государственной промышленности, который обеспечивает равновесие во всей хозяйственной системе. Для будущего хозяйственного года мы должны построить наш государственный бюджет таким образом, чтобы промышленность

раньше всего и прежде всего была обеспечена необходимыми рессурсами на ту часть нового строительства, которая не может быть обеспечена средствами самой промышленности. Наш бюджет должен быть бюджетом *социалистического* государства, т.-е. интересы социалистического накопления должны стоять на первом плане. Во-вторых, нам нужно вести такую политику отпускных цен трестов, которая обеспечивает социалистическое накопление с этого конца. При твердой валюте это будет означать сначала стабилизацию оптовых цен, а затем такое осторожное их понижение, которое ни в коем случае не может повредить ни достижению нужной пропорции накопления, ни росту заработной платы.

В-третьих, нам необходимо пересмотреть систему налогового обложения в сторону его увеличения и, прежде всего, увеличить обложение зажиточных элементов деревни. С этой точки зрения намечаемые Наркомфином размеры прямых налогов являются явно недостаточными.

В-четвертых, нам необходимо теперь же приступить к выработке такого импортного плана, который полностью и целиком обеспечивает ввоз для промышленности всего необходимого ей оборудования на данный год и всего необходимого сырья. *Только после того, как все потребности промышленности будут полностью удовлетворены*, можно будет говорить об удовлетворении других заявок по импортному плану.

Если мы не обеспечим всех этих необходимейших мер, о настоятельности которых вопиет товарный голод, мы не только не ликвидируем этого голода в следующем году, но в 1926 году будем подготовлять элементы товарного голода для 1930 года. Необходимо помнить, что с новым строительством мы и так уже страшно запоздали. Через год мы не в состоянии уже будем увеличивать продукцию нашей металлургии, используя оборудование старых заводов. Между тем, новые заводы смогут давать продукцию не ранее, как через 3 года, если мы немедленно приступим к их постройке. С социализацией промышленности и транспорта шутить нельзя. Если мы ограничиваем или ликвидируем действие закона ценности, этого стихийного регулятора капиталистических отношений производства, то мы должны заместить его плановым социалистическим накоплением *в тех пропорциях, которые диктуются нам всей экономикой страны*. Мысль о том, что мы можем ограничивать наши капитальные затраты и более усиленно развертывать легкую промышленность, является реакционной утопией. Эта мысль питается, главным образом, аналогией с 1921 годом, т.-е. с тем периодом, когда наша промышленность еле-еле начинала подниматься после небывалого развала. Когда человек лежит на земле и должен подняться, то вопрос о том, обопрется ли он сначала на одну руку или на одну ногу, имеет смысл. Но когда человек поднялся и идет полным ходом, то рекомендовать ему разворачивать левую ногу быстрее правой можно только в том случае, если он хромой или паралитик. Между тем, нашей теперешней промышленности, идущей полным ходом, как раз и рекомендуют разворачивать одну ногу, т.-е. легкую промышленность, быстрее другой, т.-е. быстрее тяжелой промышленности. Такой совет является или экономической безграмотностью, которую проще высмеять, чем опровергать, либо скрывает за собой затаенную мысль о чем-то другом. Эта затаенная мысль может заключаться только в следующем. Если наше сельское хозяйство пред'являет платежеспособный спрос, который превышает производительные способности нашей промышленности, то при данном уровне накопления достижение равновесия возможно лишь путем усиления импорта готовых предметов потребления, т.-е. по линии наименьшего сопротивления. Этот путь, есть путь не индустриализации страны, а *путь увязки нашего платежеспособного спроса на предметы потребления с заграничной промышленностью*. Если на длительный период мы отказываемся от достаточно быстрой индустриализации страны, если на длительный период мы будем мириться с систематической недоразвитостью нашей тяжелой промышленности, если на длительный период мы будем мириться с дефицитом в области социалистического накопления, если мы упорно будем закрывать глаза на экономическую и политическую опасность такого положения, то тогда рассуждение о более быстром развертывании легкой промышленности и об умеренном темпе капитального строительства имеет свой смысл. Но тогда мы должны иметь достаточно мужества, чтобы предвидеть все последствия, вытекающие из такого пути развития нашего хозяйства. При росте наших урожаев, при росте наших экспортных возможностей мы тогда будем иметь неизбежно такой напор частного хозяйства на нашу таможенную систему, на нашу монополию внешней торговли (т.-е. на барьеры, которыми мы парализуем действия закона ценности мирового хозяйства), что наши искусственные преграды будут расшатаны в корне и наш импортный план будет строиться не согласно плана индустриализации страны, а подобно Тришкиному кафтану, в котором заплаты в виде экспорта продуктов потребления будут играть из года в год все более растущую роль. Мы согласны с тем, что такая линия экономической политики имеет свой смысл, но она не имеет никакого отношения к решениям XIV с'езда партии о программе индустриализации и диктуется мелко-буржуазным напором на экономическую политику пролетарского государства. Эта линия идет навстречу тому, чего добиваются от нас капиталистические страны: она идет по линии ликвидации монополии внешней торговли, ликвидации социалистического протекционизма, включения СССР в систему мирового разделения труда на основе действия закона ценности, *сохранения теперешнего уровня индустриализации Европы путем относительного усиления аграризации нашей страны*. Партия должна отвергнуть решительно и категорически не только подобную экономическую политику, если ее кто предлагает вполне сознательно, но и такую политику шатания из стороны в сторону и оппортунизма в области индустриализации, которая *бессознательно* ведет к тому же самому об'ективно неизбежному результату.

Теперь я хотел бы перейти к возражениям против фельетона тов. Стецкого «Хозяйственные затруднения», помещенного в «Правде» от 6-го февраля с/г. В фельетоне тов. Стецкого есть много верных положений, но нет ясного деления между кон'юнк-

турными задачами сегодняшнего дня и центральной проблемой нашей экономической политики на длительный период времени. Точно так же и при об'яснении причин переживаемых хозяйственных затруднений тов. Стецкий не проводит точного расчленения между последствиями хозяйственной диспропорции и последствиями, вызванными валютными колебаниями. В то же время статья т. Стецкого является достаточно типичным образчиком политики балансирования между двух стульев.

Основной причиной, обусловливающей возникновение хозяйственных затруднений в переживаемый нами период, тов. Стецкий считает «сложность задачи установления и нащупывания правильных отношений между социалистическим ядром нашей экономики и мелко-буржуазным окружением, между крупной государственной промышленностью и крестьянским хозяйством».

В чем же состояла наша конкретная ошибка в деле «нащупывания правильных отношений между крупной государственной промышленностью и крестьянским хозяйством»? На этот вопрос т. Стецкий отвечает нижеследующим образом: «Мы не можем никоим образом при анализе теперешней обстановки обойти наш осенний, или, вернее, летний «просчет», ибо он сыграл не малую роль в возникновении стоящих перед нами теперь затруднений... Нельзя отрицать того, что в основе теперешних затруднений лежит диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством. Но нельзя забывать и той роли в усилении этой диспропорции, которую сыграла наша хлебо-заготовительная политика... Попытка обойти это обстоятельство есть попытка укрыться от признания и анализа наших ошибок в области общих, мало что дающих рассуждений о диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством».

Что наш осенний просчет очень вредно отразился на нашем хозяйственном строительстве, в частности повлиял на падение валюты—поскольку размеры эмиссии были рассчитаны на неоправдавшийся товарооборот—все это бесспорно. Один из выводов, который нужно отсюда сделать, заключается в том, что эмиссионная политика Наркомфина должна обсуждаться всеми планирующими органами, в пять раз более внимательно, чем это было до сих пор. Но все это только одна сторона дела и притом не самая главная. Товарный голод у нас был налицо еще до осеннего просчета, а, значит, перенести центр внимания на этот последний конкретный просчет, значит, «укрыться от признания» какого-то другого просчета, который по времени предшествовал осеннему. А это приводит нас к необходимости вообще строго различать между кон'юнктурными просчетами и просчетом более основным, с более длительными и глубокими последствиями. Таким просчетом является недооценка роста платежеспособного спроса крестьянства и города. Эта недооценка была сделана уже в 1923—24 г.г., она привела в области экономической политики к лозунгу: «промышленность, не забегай вперед»; она повлекла за собой в области практической систематически-недостаточное накопление в промышленности. Следовательно, основной просчет, с которым главным образом связаны наши хозяйственные затруднения, был сделан не осенью 1925 года, а на протяжении еще 1924 г. В 1925 году мы лишь пожинаем плоды этого основного просчета, который остается в силе и теперь и за который, повидимому, нет охотников нести ответственность. А это значит, что в спорах 1923—24 г.г. и в дальнейших спорах на те же темы, которые велись внутри планирующих органов, правыми полностью и целиком оказались «индустриалисты», а не те, кто думал осуществлять смычку с крестьянством посредством промышленного недопроизводства.

Правда, т. Стецкий не отрицает роли диспропорции между промышленностью и земледелием. В приведенной цитате он пишет: с одной стороны, «нельзя отрицать», с другой стороны, «нельзя забывать». Одним словом, два «нельзя»: нельзя не признаться, и нельзя не сознаться. Но нельзя ли тогда сознаться Вам, тов. Стецкий, что Вы были не правы в основном споре с индустриалистами в 1923—24 годах. Разве не ясно, что, если бы мы в 1924 году подготовили элементы расширения производства товаров крестьянского спроса для 1925 года, хотя бы на 70 или 80 миллионов рублей больше теперешнего, мы могли бы в 1925 году купить у крестьян на 70 миллионов пудов больше хлеба и на 100 миллионов пудов могли бы больше этого хлеба вывезти за границу? Разве не ясно, что мы, быть может, не были бы вынуждены сокращать импорт промышленного оборудования, сокращать производство и рассчитывать рабочих в отраслях, связанных с закупками иностранного сырья?

Одну из наших очередных задач в области экономической политики т. Стецкий формулирует следующим образом: «Единственным правильным и приемлемым для нас курсом является курс на общее понижение цен внутри страны и укрепление червонца». Я совершенно согласен с такой линией экономической политики, поскольку дело идет о формулировке наших программных задач в области хозяйственной. Но в общем верная формулировка т. Стецкого, совершенно не отвечает на конкретный вопрос сегодняшнего дня: если государственное хозяйство уже потеряло на падении валюты, я думаю, не менее 100 миллионов рублей, если реальный уровень заработной платы понижался от роста цен в частном хозяйстве, то из каких источников т. Стецкий предполагает покрыть дефицит по расчетному балансу между государственным и частным хозяйством, дефицит, который является уже фактом? На этот вопрос в статье т. Стецкого мы не находим ответа. Между тем, дело идет не о том, чтобы высказаться за твердую валюту и снижение цен, а практически показать, как при недостаточном социалистическом накоплении, мы можем иметь твердую валюту и нормальный уровень розничных надбавок к отпускным ценам трестов.

Тов. Стецкий с некоторым запозданием открывает Америку насчет того, что мы можем использовать крестьянское накопление не путем эмиссии, а путем развития вкладной операции со стороны крестьянства, путем использования крестьянских сбережений для кредитования промышленности. Автор этих строк писал на эту тему еще в 1922 году. Линия использования крестьянского накопления совершенно бесспорна. Но пусть и здесь тов. Стецкий говорит нам не о прекрасных возможностях в будущем, а о том, как при колебании валюты и при отсутствии крестьянского накопления в бумажной форме обеспечить необхо-

димое накопление в промышленности для расширения производства и для необходимых капитальных затрат. Ведь для каждого же ясно, что план снабжения промышленности необходимыми рессурсами на основе использования крестьянского накопления и новых эмиссий, по крайней мере для этого года, провалился, поскольку имелось в виду прибегнуть к этим методам финансирования промышленности за счет уменьшения бюджетных ассигнований и накопления внутри самой промышленности. Но провалившийся план, в основе которого лежал очень большой оптимизм по отношению к частному хозяйству и большой пессимизм по отношению к государственному, был все же хоть и гнилым, но—планом. Этот план чем-то нужно заменить, заменить предложением вполне конкретных мер, а не мечтаниями о том, как хорошо мы когда-то в будущем используем крестьянское накопление для кредитования промышленности.

Я должен далее остановиться на том месте статьи т. Стецкого, где он говорит о развитии тяжелой промышленности. У нас сейчас довольно распространено то мнение, что большие ассигнования на капитальные затраты для государственной промышленности являются важной причиной, усиливающей товарный голод страны. Вместо голых рассуждений на эту тему я попытался подсчитать, сколько снимает с рынка наша промышленность ходовых товаров для своих капитальных затрат. Оказалось, что при выполнении плана капитальных затрат на 800 миллионов рублей, мы сняли бы с рынка ходовых товаров в 1925—26 году всего около 5% общего товарооборота. Вот к чему сводится вся сила аргумента насчет непосильности для нас капитального строительства. По этому вопросу тов. Стецкий пишет: «Развитие тяжелой промышленности представляет собой предпосылки развития легкой. Однако, мы не можем ухлопывать все средства на развитие тяжелой индустрии». Никто не предлагает такой экономической безграмотности, какой явилось бы «ухлопывание всех средств на развитие тяжелой промышленности». Нам необходимо пропорциональное развертывание и тяжелой и легкой промышленности. Но в то же время нам до крайности необходимо капитальное строительство для борьбы с будущим товарным голодом и для удешевления цен на основе технического переоборудования нашей промышленности. Дело заключается в том, чтобы согласовать эти две задачи, а не скатываться на позицию оппортунизма и топтания на одном месте в деле индустриализации страны. Для ясности дела было бы гораздо лучше, если бы т. Стецкий ответил прямо на вопрос: за какую цифру капитального строительства он высказывается? За ту ли, которая предусматривает ликвидацию в будущем товарного голода, или за ту, которая его увековечивает и усиливает?

Подведем итог. В статье т. Стецкого, на ряду со многими верными мыслями, главным образом, академического характера, не видно, однако, понимания или, вернее, признания основного просчета в нашей экономической политике, повлекшего за собой недостаточные размеры социалистического накопления, а тем самым неизбежно—и обострение товарного голода. В связи с этим и линия экономической политики, рекомендуемая т. Стецким, на ряду с верными предложениями в частностях, означает, продолжение политики недостаточного накопления

(что делается для нас чем дальше, тем более опасным), а значит, начало политики осторожного отступления от решения XIV партс'езда об индустриализации страны.

Не желая быть пророком, я, однако, в заключение соблазняюсь кое-что предсказать. Пишущий эти строки, по примеру прошлого, будет, вероятно, обвинен: в недооценке одного, в переоценке другого, в перенедооценке третьего, т.-е. короче говоря в уклоне. Это пока неизбежно. Однако, в свое оправдание я имею заметить следующее. Для таких экономических политиков, как т. Стецкий, дозарезу нужен мой «уклон». Они ищут всегда убежища для своей линии между стульями. Но чтобы сидеть между стульями, нужно минимум два стула, значит, минимум два уклона. Один уклон, аграрный, более или менее уже обеспечен и формально и по существу. Теперь необходимо иметь в натуре или выдумать второй. Тогда все будет в порядке: прозодежда из двух уклонов, оттеняющих истинность золотой середины, будет налицо. Можно будет приступить к формулировке и обоснованию арифметической средней и к распределению соответствующего количества пинков направо и налево.

Беда только, что товарный голод в стране будет продолжаться...

О методе построения прогрессии при обложении сельского хозяйства.

(К вопросу о реформе сельско-хозяйственного налога).

Правильное построение сельхозналога наталкивается на огромнейшие трудности. Проблема была бы разрешена наилучшим образом, если бы было возможно построить обложение на учете действительной доходности крестьянского двора. Однако, на практике это при современных условиях неосуществимо. Поэтому до сих пор обложение крестьянского хозяйства строилось лишь на основе внешних признаков.

Предусматривая обложение крестьянских хозяйств только по внешним признакам, действовавшая в последние годы система налога ориентировалась главным образом на потребительскую основу нашего крестьянского хозяйства.

Наблюдающийся общий рост сельского хозяйства, развитие его товарности за счет увеличения рыночных и технических культур, увеличение доходов от второстепенных отраслей хозяйства и неземледельческих заработков, а также происходящие на селе процессы дифференциации крестьянства выдвигают настоятельную необходимость реформировать систему обложения сельского хозяйства в сторону наибольшего усиления элемента подоходности с сохранением за сельхозналогом роли фактора, регулирующего экономические процессы на селе.

Разработанный Наркомфином Союза на основе этих предпосылок проект реформы сельско-хозяйственного налога может быть разделен на две основные части:

1) на учет об'ектов и признаков, как источников, определяющих доходные возможности крестьянского хозяйства и способ определения самой суммы дохода от этих источников, и

2) метод обложения выявленного дохода.

Проект реформы сельхозналога, предлагаемый НКФ Союза, предусматривающий учет дохода крестьянского хозяйства, выраженного в денежной форме не только от основных, но и второстепенных отраслей сельского хозяйства, а также от неземледельческих заработков, достаточно удовлетворительно разрешает первую часть вопроса.

В отношении же второй части вопроса о порядке обложения дохода проект этот считает целесообразным сохранить ныне действующую систему обложения, т.-е. прогрессию обложения предполагает строить в зависимости от высоты дохода на едока— часто случайного признака в хозяйстве—и самое обложение исчислять по непонятной широким массам селянства скользящей скале обложения.

Какую бы систему налога на сельское хозяйство мы ни выработали, решающим в ней, в условиях современной советской действительности, будет такое разрешение вопроса о методе построения прогрессии обложения, которое находилось бы в полном соответствии с нынешней политикой советской власти в отношении крестьянства. Для ближайшего времени это разрешается следующей общей формулой: тяжесть обложения отдельных групп крестьянства, по сравнению с обложением нынешнего года, должна быть несколько передвинута в сторону более мощных групп хозяйств за счет некоторого понижения налога для маломощных хозяйств.

Как вопрос о прогрессии обложения разрешался до сих пор и как нужно его разрешить, чтобы выполнить поставленную выше задачу?

Невозможность для ближайшего будущего отказаться от нормативного обложения основных отраслей хозяйства: земледелия и скотоводства (проект Госналога, предусматривающий обложение неземледельческих доходов, считает, что 85% дохода будет облагаться от основных отраслей сельского хозяйства нормативным порядком) позволяет при изучении вопроса о роли, удельном весе и тяжести обложения отдельных групп хозяйств базироваться на их земельной обеспеченности, обеспеченности скотом, числе едоков в хозяйстве и других признаках, находящих свое отражение и в статистике и особенно в налоговой практике последних лет, где они получили к тому же нужную нам группировку.

Рассмотрим для примера, как в бывш. Киевской губернии, более или менее типичный для лесо-степного района Украины, группируются хозяйства в зависимости от высоты землеобеспеченности хозяйства и числа едоков (число хозяйств в тысячах).

Хозяйства по величине землепользования.	Группы по землеобеспеченности едока.									
	До 0,5 дес.	Св. 0,5 до 0,75 дес.	Св. 0,75 до 1,00 дес.	Св. 1,00 до 1,25 дес.	Св. 1,25 до 1,50 дес.	Св. 1,50 до 2,00 дес.	Св. 2,00 до 2,50 дес.	Св. 2,50 до 3,00 дес.	Свыше 3 дес.	Итого.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	
До 1 дес.	56,1	3,9	6,2	—	—	—	—	—	—	66,2
От 1—2 дес. . . .	61,5	38,7	20,4	7,0	5,2	7,8	—	—	—	140,6
» 2—3 »	35,4	66,9	41,6	20,3	16,1	—	4,8	2,9	—	188,0
» 3—4 »	13,4	51,4	54,1	33,8	7,2	20,3	—	—	3,1	183,3
» 4—5 »	2,8	31,2	38,9	25,6	9,1	5,7	5,4	—	0,8	119,5
» 5—6 »	0,5	13,3	23,9	15,9	9,9	5,0	—	1,6	0,3	70,4
» 6—9 »	0,2	4,6	21,1	20,9	10,9	9,4	4,4	1,0	1,5	74,0
» 9—15 »	—	0,1	1,0	2,6	3,1	5,0	2,3	1,0	1,0	16,1
Свыше 15 дес. . . .	—	—	—	—	0,1	0,4	0,4	0,4	0,6	1,9
Итого . . .	169,9	210,1	207,2	126,1	61,6	53,6	17,3	6,9	7,3	860,0

Из этой таблицы видно, что как состав каждой едоцкой группы, так и групп хозяйств по величине земельной обеспеченности, чрезвычайно пестр. Рассматривая земельную площадь хозяйства, как основной капитал, в результате эксплоатации которого хозяйство получает то или иное количество ценностей, нужно признать, что хозяйство с большей земельной площадью при прочих равных условиях располагает и большими возможностями для приобретения этих ценностей. Если при этих условиях допустить, что размер земельной обеспеченности едока является не меньшим показателем мощности хозяйства, как это считают защитники едоцкого принципа, то высшие по землеобеспеченности на едока хозяйства должны были бы сосредоточиваться в высших хозяйских группах. В действительности этого нет. Девятая едоцкая группа имеет 3,9 тыс. хозяйств из 7,3 тыс., т.-е. 53,4% хозяйств с земельной обеспеченностью до 5 десятин и восьмая группа 42% хозяйств—до 3-х десятин. Наоборот, четвертая едоцкая группа имеет 39,4% хозяйств этой группы с землеобеспеченностью хозяйств свыше пяти десятин и третья—22,2% таких хозяйств.

Еще отчетливее неубедительность преимущества едоцкой группировки, как показателя мощности хозяйства, выступает, когда мы по указанным выше группам хозяйств приведем значение других показателей в виде числа едоков, количества скота и проч.

Вот как распределяются другие показатели при группировке хозяйств по размеру землеобеспеченности на едока по той же бывш. Киевской губернии:

Едоцкие группы.	Среднее число десят. на 1 хозяйство.	Среднее число едоков на 1 хозяйство.	Средняя землеобеспеченность едока.	Рабочий и крупный рогатый скот.			
				На 1 хозяйство.	На 1 дес.	На 1 едока.	% бесскотных хоз.
I	1,6	4,9	0,33	0,70	0,43	0,15	52,9
II	3,1	4,9	0,63	1,04	0,33	0,22	37,5
III	3,9	4,5	0,87	1,22	0,31	0,27	31,1
IV	4,3	3,9	1,16	1,31	0,30	0,34	29,4
V	4,6	3,4	1,35	1,34	0,28	0,39	30,5
VI	5,0	2,9	1,72	1,32	0,26	0,45	32,2
VII	5,6	2,6	2,15	1,38	0,24	0,53	34,8
VIII	6,2	2,3	2,70	1,35	0,21	0,58	38,5
IX	6,8	1,8	3,78	1,14	0,17	0,62	44,8

Далее значение тех же показателей приведем по хозяйствам в зависимости от размера их земельной обеспеченности:

Хозяйские группы.	Среднее число десят. на 1 хозяйство.	Среднее число едоков на 1 хозяйство.	Средн. землеобеспеченность едока.	Рабочий и крупный рогатый скот.			
				На 1 хоз.	На 1 дес.	На 1 едока.	% бесскотных хоз.
До 1 дес.	0,6	3,2	0,18	0,35	0,61	0,11	73,3
От 1 до 2 дес. . .	1,6	3,3	0,19	0,58	0,36	0,18	58,5
» 2 » 3 » . .	2,6	3,7	0,6[illegible]	0,85	0,34	0,23	44,2
» 3 » 4 » . .	3,5	4,1	0,85	1,04	0,33	0,26	29,9
» 4 » 5 » . .	4,5	5,0	0,91	1,49	0,33	0,32	18,4
» 5 » 6 » . .	5,5	5,6	0,97	1,76	0,32	0,33	12,7
» 6 » 9 » . .	7,2	6,4	1,12	2,18	0,30	0,34	7,4
» 9 » 15 » . .	10,7	6,7	1,58	2,68	0,25	0,35	3,1
Свыше 15 дес. . .	18,6	7,6	2,43	2,10	0,15	0,40	3,6

Нарастание земельной площади хозяйств в первой таблице идет, как мы видим, недостаточно интенсивно; число едоков на хозяйство от низших едоцких групп к высшим падает; количество скота во всех группах остается почти неизменным. Таким образом, главные орудия производства хозяйства (назовем так семью хозяйства и обеспеченность его крупным скотом) не только не возрастают с увеличением землеобеспеченности едока, а, наоборот, падают, что наблюдается, например, в отношении числа едоков в хозяйстве. Наличие почти одинакового процента бесскотных хозяйств во всех едоцких группах довершает картину полной несостоятельности едоцкой группировки. Несмотря на это, прогрессия обложения до сих пор строилась по едоцкому принципу и в проекте НКФ СССР сохраняется для 1926—27 г.

Группировка хозяйств по признаку обеспеченности их земельной площадью (см. вторую таблицу) дает более отчетливую картину изменения дополнительных показателей. Число едодов непрерывно возрастает от низших групп к высшим; то же нужно сказать в отношении скота и, что можно считать наиболее показательным, процент бесскотных хозяйств резко падает от низших по землеобеспеченности групп к высшим.

То, что изменение обеспеченности скотом одного едока в хозяйстве мало отличается и в первой и во второй группировке говорит за то, что только один признак—земля на хозяйство—также не является абсолютно бесспорным показателем мощности хозяйства, но все же этот последний признак имеет ряд неоспоримых преимуществ перед признаком землеобеспеченности едока. Очевидно, наиболее верной была бы группировка хозяйств на основе комбинаций этих двух признаков (землеобеспеченности хозяйства и землеобеспеченности едока) с большим использованием признака земельной обеспеченности хозяйства в целом.

К тем же выводам мы придем, если произведем аналогичный анализ такой же группировки крестьянских хозяйств по другим губерниям Украины как по налоговым, так и по бюджетным данным.

По 199 бюджетам 1922—23 г. и по 160 хоз. 1923—24 года бывш. Киевской губернии был произведен специальный математический анализ зависимости между доходом крестьянских хозяйств и различными об'ективными признаками в них. Результаты этого анализа в виде коэффициентов корреляции, характеризующие степень связи указанных выше элементов хоз., получились следующие:

	По бюджетам: 1922/23 г.	По бюджетам: 1923/24 г.
Земли на хозяйство	+ 0,67	+ 0,61
Землеобеспеченн. на едока	+ 0,57	+ 0,23
Количество скота на хоз.	+ 0,40	+ 0,55
Число всех едоков	+ 0,29	+ 0,44

И по бюджетам 1922—23 года мы наблюдаем более тесную связь дохода с землеобеспеченностью хозяйства, а не едока; в 1923—24 г. эта зависимость выявляется еще более резко, что находится в полном соответствии с наблюдающимся общим ростом сельского хозяйства и увеличением его товарности.

Аналогичная работа проделана по бюджетам бывшей Екатеринославской губернии—картина получилась не менее отчетливая. Земля на хозяйство в отношении дохода всего хозяйства дала коэффициент корреляции +0,68, а на едока +0,36.

Имея в виду, что значительная часть дохода крестьянских хозяйств будет учитываться нормативным порядком, игнорировать результаты приведенного математического анализа, подтверждающего преимущество хозяйского принципа по сравнению с едоцким, нельзя.

Привлечение к самостоятельному обложению сельхозналогом крупного скота несколько сглаживает дефектность едоцкого принципа, но все же не дает желательного настижения дохода действительно мощных хозяйств, которые, благодаря повышенному составу семьи, часто облагаются наравне с середняцкими хозяйствами, и подчас дает нежелательный эффект.

Еще в 1924—25 году Украина сознательно пошла на введение прогрессивных норм пересчета скота для многоскотных хозяйств, чтобы тем самым хотя бы до некоторой степени корректировать недообложение мощных групп хозяйств. По итти по пути значительного повышения налога на скот значило бы поставить под угрозу развитие такой важной, определяющей дальнейшее развитие всего украинского сельского хозяйства отрасли, как животноводство.

Отказ от прогрессивных норм пересчета для продуктивного скота, общее снижение норм привело в нынешнем году к большому понижению налога для хозяйств многоскотных, а следовательно, и более зажиточных, в то время как маломощные хозяйства—бесскотные и с пониженной скотообеспеченностью—получили меньшее снижение, а иногда даже и увеличение налога.

Приведем для примера данные фактического распределения налога в относительных величинах по группам скотообеспеченности в 1924—25 году и в 1925—26 году по двум округам: мелкоземельному Сумскому и степному—Изюмскому.

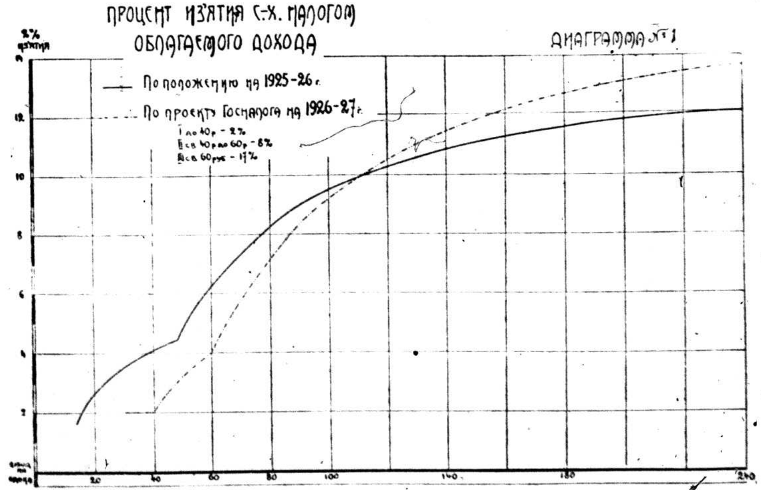
Налог в %% по группам скотообеспеченности к общей сумме налога по округу, принятой за 100:

Название округа.	Группы хозяйств.	Бесскотные	С 1 голов скота.	С 2 голов. скота.	С 3 голов. скота.	С 4 и более.	Итого
Сумской	в 1924—25 г	6,8	16,7	52,7	16,9	6,9	100
	в 1925—26 г.	10,3	23,5	52,4	10,8	3,0	100
Изюмский	в 1924—25 г.	9,1	10,8	19,5	25,0	35,6	100
	в 1925—26 г.	10,2	14,7	23,3	25,2	26,6	100

Аналогичная картина наблюдается и по другим округам Украины.

Такое перераспределение налога вызвало нежелательный политический эффект и не могло найти себе экономического оправдания.

Обложение сельского хозяйства в 1926—27 году по системе, проектируемой Госналогом, т.-е. на основе едоцкого принципа и применения пропорциональных, а не прогрессивных норм доходности для скота по скользящей скале с более крутой прогрессией, приведет к еще большим невязкам в указанном направлении и вместо рационализации системы усугубит ненормальности, присущие едоцкому принципу; в результате мощные группы все же не будут настигнуты налогом, а середняцкие в массе будут относительно переобложены.

Перейдем далее к анализу проектируемой Госналогом скользящей скалы обложения, в которой крутизна кривой из'ятия по налогу от дохода несколько усилена по сравнению с прошлым годом в сторону хозяйств с повышенным доходом на едока. Графически крутизна прогрессии обложения за два года изображается на прилагаемой диаграмме № 1. Кривая процента

из'ятия от дохода для 1926—27 года здесь построена, исходя из следующего расчета: доход на каждого едока в хозяйстве до 40 рублей облагается двумя процентами, излишек на каждого едока свыше 40 руб. до 60 руб.—восемью процентами, и излишек сверх 60 руб. на каждого едока облагается семнадцатью процентами. Кривая процентов из'ятия отличается своей плавностью, и, если закрыть глаза на дефектность самого признака, положенного в основу ее построения, она подкупает своей стройностью нарастания процента из'ятия по мере увеличения дохода на едока и внешне как-будто удовлетворяет тем задачам, которые поставлены перед законодателем в отношении обложения различных по мощности групп крестьянства. Но стоит подвергнуть ее более углубленному анализу, как эта стройность нарушается и со всей очевидностью выявляется дефектность едоцкой группировки.

Для того, чтобы проследить, как будут изменяться проценты из'ятия в отношении хозяйств с одинаковым составом семьи при разном размере дохода на хозяйство, исчислим налог по приведенной выше скале для хозяйств с разным доходом—предположим от 50 до 1000 руб.—и разным числом едоков—от 1 до 12, охватив таким путем главную массу облагаемых крестьянских хозяйств, и для каждого хозяйства вычислим процент налога от дохода, учтя при этом, что хозяйства с доходом до 30 руб. на едока не облагаются. Результаты получатся следующие (см. таблицу № 1 на след. стр.).

По вертикальным рядам, которые в настоящий момент нас интересуют, проценты из'ятия по налогу к доходу изменяются по мере увеличения дохода на хозяйство не одинаково: круче они изменяются в малоедоцких хозяйствах, и с увеличением числа едоков нарастание в процентах из'ятия все более и более уменьшается. Изобразим эти изменения в процентах из'ятия для хозяйств с разным числом едоков графически (см. диаграмму № 2, на стр. 80, кривые, изображенные пунктиром). По вертикальной оси отложены проценты из'ятия, а по горизонтальной—размеры дохода на хозяйство. Диаграмма наглядно показывает, как неравномерно нарастают проценты из'ятия для разных групп хозяйств по числу едоков. В то время как хозяйство с одним едоком уже при 150 рублях платит почти 12%, хозяйство с 12 едоками при 1000 руб. дохода платит всего 7,6%. В группах хозяйств с невысоким доходом и малым числом едоков при одном и том же доходе на хозяйство при уменьшении или увеличении семьи на одного едока процент из'ятия изменяется на 2—3 и даже до 5%. При доходности хозяйства в 1000 р. изменение в проценте из'ятия на каждого едока равно 0,8% от дохода хозяйства. Налог на хозяйство с 12 едоками и 1.000 руб. дохода составляет 7,6% от дохода, а с одним едоком—16,2%; те же 7,6% от дохода платят хозяйства с 165 рублями дохода и двумя едоками. Оправдывается ли такое «справедливое» распределение налога задачами советской власти на селе? Если считать, что хозяйства с 2 едоками при 165 руб. дохода и 12 едоками при 1000 руб. дохода являются хозяйствами одинаковой мощности—тогда оправдывается, и такие хозяйства нужно облагать одинаково. Но ведь в действительности, если даже указанная выше доходность и соответствует фактической доходности, а не учтенной в нормативном порядке, как это будет в действительности, и тогда мы

Таблица № 1.

Налог на хозяйство с разной доходностью и разным числом едоков по скользящей скале, предлагаемой Госналогом НКФ Союза (в рублях и в %%).

Группы по числу едоков	С 1 дес.		С 2 дес.		С 3 дес.		С 4 дес.		С 5 дес.		С 6 дес.		С 7 дес.		С 8 дес.		С 9 дес.		С 10 дес.		С 11 дес.		С 12 дес.	
Доход на хозяйство в руб.	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
50	1,6	3,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
100	9,2	9,2	3,2	3,2	2,0	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
150	17,7	11,8	9,9	6,6	4,8	3,2	3,0	2,0	3,0	2,0	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
200	26,2	13,1	18,4	9,2	10,6	5,3	6,4	3,2	4,0	2,0	4,0	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
250	31,7	13,9	26,9	10,8	19,1	7,6	11,3	4,5	8,0	3,2	5,6	2,2	,0	2,0	5,0	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—
300	43,2	14,4	35,4	11,8	27,6	9,2	19,8	6,6	12,0	4,0	9,6	3,2	7,2	2,4	6,0	2,0	6,0	2,0	6,0	2,0	—	—	—	—
350	51,7	14,8	43,9	12,6	36,1	10,3	28,3	8,1	20,5	5,9	13,6	3,9	11,2	3,2	8,8	2,5	7,0	2,0	7,0	2,0	7,0	2,0	—	—
400	60,2	15,0	52,4	13,1	44,6	11,1	36,8	9,2	29,0	7,3	21,2	5,3	15,2	3,8	12,8	3,2	10,4	2,6	8,0	2,0	8,0	2,0	8,0	2,0
500	77,2	15,4	69,4	13,9	61,6	12,3	53,8	10,8	46,0	9,2	38,2	7,6	30,4	6,1	22,6	4,5	18,4	3,7	16,0	3,2	13,6	2,7	11,2	2,2
600	94,2	15,7	86,4	14,4	78,6	13,1	70,8	11,8	63,0	10,5	55,2	9,2	47,4	7,9	39,6	6,6	31,8	5,3	24,0	4,0	21,6	3,6	19,2	3,2
700	111,2	15,9	103,4	14,7	95,6	13,7	87,8	12,5	80,0	11,4	72,2	10,3	64,4	9,2	56,6	8,1	48,8	7,0	41,0	5,9	33,2	4,7	27,2	3,9
800	128,2	16,0	120,4	15,0	112,6	14,0	104,8	13,0	97,0	12,1	89,2	11,1	81,4	10,2	73,6	9,2	65,8	8,2	58,0	7,3	50,2	6,2	42,4	5,3
900	145,2	16,1	137,4	15,3	129,6	14,3	121,8	13,5	114,0	12,7	106,2	11,8	98,4	10,9	90,6	10,1	82,8	9,2	75,0	8,3	67,2	7,5	58,4	6,5
1.000	162,2	16,2	154,4	15,4	146,6	14,7	138,8	13,9	131,0	13,1	123,2	12,3	115,4	11,5	107,6	10,8	99,8	10,0	92,0	9,2	84,2	8,4	76,4	7,6

имеем два хозяйства, не сравнимые по мощности. При учете же дохода по средним к тому же пониженным нормам хозяйство с 12 едоками и 1000 руб. дохода всегда будет мощнее хозяйства с 2 едоками и 165 руб. дохода, и поэтому нет никакого основания эти хозяйства облагать одинаково.

Ведь как бы экстенсивно ни эксплоатировался капитал в нашем крестьянском хозяйстве, уже наличие самого размера капитала в значительной мере определяет доходные возможности данного хозяйства.

Вот, например, какие контрасты дает изменение условно-чистой доходности и числа рабочих рук на одно хозяйство при едоцкой группировке хозяйств и по их земельной обеспеченности по бюджетам Киевской губернии.

Группы по землеобеспеченности едока.	Число рабоч. на 1 хозяйство (абсол.).	Усл. чистый доход на хозяйство.	Усл. чистый доход на едока.	Группы по землеобеспеченности хозяйства.	Число работн. на хозяйство.	Усл. чистый доход на хозяйство.	Усл. чистый доход на едока.
I	3,3	149,4	24	До 1 дес.	2,7	74,4	21
II	2,1	151,9	29	От 1—2 дес.	2,0	73,6	23
III	3,2	169,9	31	» 2—3 »	2,3	94,5	23
IV	3,5	291,7	56	» 3—4 »	3,3	173,2	31
V	3,0	401,1	70	» 4—6 »	3,7	234,0	37
VI	4,1	261,2	50	» 6—9 »	5,8	327,8	51
VII—IX	4,2	617,0	121	Свыше 9 дес.	4,5	538,6	79

Число работников на хозяйство с ростом его земельной площади повышается, так же отчетливо возрастает и доход на хозяйство, чего мы не наблюдаем в «едоцкой» группировке. Дальше, разве мы можем во всех случаях рассматривать едока как отрицательную величину в хозяйстве, как это предусматривает «едоцкий» принцип? А кто же тогда является создателем ценностей в сельском хозяйстве, как не трудоспособный едок? А трудоспособная часть от всего сельского населения по нашим налоговым данным, как мы знаем, составляет около 45%. При этих условиях «едоцкий» принцип, игнорируя производственные возможности этих 45% трудоспособных членов семьи, за исключением небольшого процента, не находящего применения своей силы в хозяйстве, допускает грубейшую ошибку в оценке доходных, а следовательно, и платежных возможностей различных групп крестьянских хозяйств по числу едоков. Эта особенность применения едоцкого принципа приводит не к прогрессивному и даже не всегда к пропорциональному, а зачастую к регрессивному обложению хозяйств с различной доходностью.

Для подтверждения такого вывода, в корне дискредитирующего едоцкий принцип построения прогрессии обложения, приведем результаты фактического процента из'ятия от дохода различных хозяйств, сгруппированных по высоте дохода по бюджетам 1923—24 года бывш. Киевской губ. и по селению Верхний Городок Бердичевского округа. Доход в данном случае исчислен только от главных отраслей сельского хозяйства по средним

окружным нормам для дес. пашни и скота, а налог—по скользящей скале, проектируемой Госналогом на 1926—27 год. Для сравнения тут же приводим процент из'ятия по налогу 1925—26 года, также исчислявшемуся по едоцкому принципу.

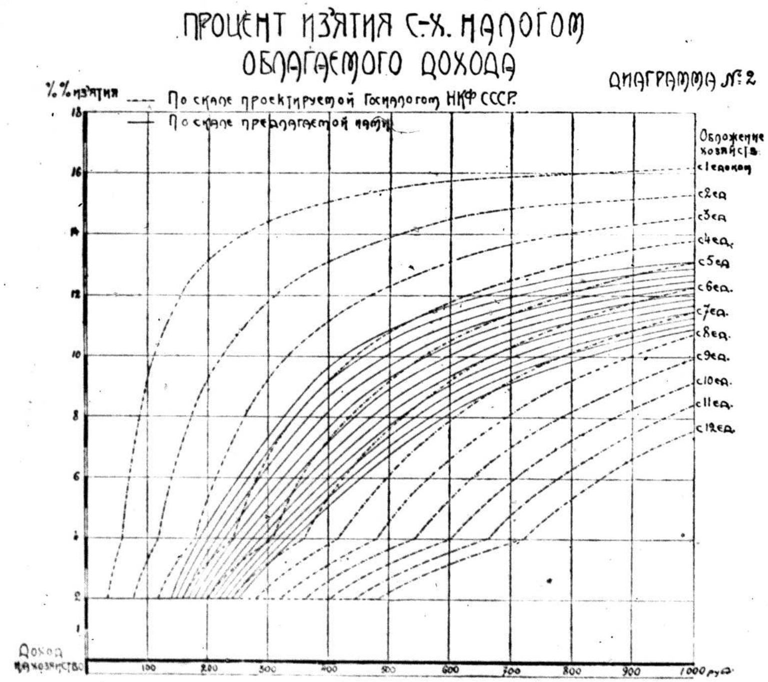
Вот результаты:

Группы по доходу хозяйств.	По 156 хоз. бюджет быв. Киевской губерн.		По 379 хоз. селения Верхний Городок.	
	Проценты из'ятия по налогу.			
	1925—26 г.	1926—27 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
От 75—100 руб.	4,0	2,0	3,7	4,3
» 100—125 »	4,0	2,1	4,1	3,5
» 125—150 »	6,4	3,6	4,7	4,2
» 150—175 »	5,7	3,2	4,2	3,7
» 175—200 »	7,5	3,3	4,2	3,7
» 200—225 »	7,2	3,5	4,0	3,3
» 225—250 »	6,6	5,3	4,7	4,5
» 250—300 »	5,4	3,4	4,8	5,0
» 300—350 »	8,4	3,5	4,1	4,5
» 350—400 »	8,1	5,4	5,0	4,7
» 400—450 »	7,9	6,1	5,3	5,2
» 450—500 »	—	—	5,6	6,2
500 и свыше »	—	—	6,7	4,5

Эти исчисления произведены по сравнительно ограниченному числу хозяйств, массовый материал безусловно даст еще более отчетливую картину, говорящую за то, что при сохранении едоцкого принципа построения прогрессии не только не реализуется директива высших советских и партийных органов в отношении регулирования сельхозналогом экономических процессов на селе и в том числе процессов дифференциации крестьянства, а, наоборот, создаются условия, способствующие этой дифференциации, так как хозяйства повышенной мощности автоматически попадают в привилегированное положение в смысле обложения налогом по сравнению с середняцкими хозяйствами.

Несмотря на всю дефектность едоцкого принципа построения прогрессии, перейти к принципу прогрессии только по размеру дохода на хозяйство без всяких поправок на число едоков нельзя, так как в современных условиях развития нашего сельского хозяйства нельзя отрицать, что едок в хозяйстве является не только производителем, но также и потребителем его ценностей. И кроме того, переход к прогрессии по доходу на хозяйство произведет значительное перераспределение налога между отдельными группами хозяйств по сравнению с прошлым годом, что также нежелательно. Вот почему большинство защитников хозяйского принципа говорит о необходимости введения в том или ином виде поправок к налогу на число едоков в хозяйстве. Некоторые мыслят себе эти поправки в виде скидок с налога для многосемейных хозяйств в индивидуальном порядке с учетом признака трудоспособности, другие—в виде скидок с облагаемого дохода на каждого едока в определенной сумме, и в этом случае, значит, облагаемый доход уменьшится на эту сумму, умноженную на число едоков. Возможность введения индивидуальных попра-

вок на миллионы облагаемых хозяйств отпадает по техническим соображениями. Скидки же с дохода на каждого едока приведут к необходимости, при одной и той же сумме налога, повысить процент отчуждения по налогу от оставшегося дохода, что вряд ли может быть приемлемо по политическим соображениям, тем более, что в отношении дохода от сельского хозяйства мы и так устанавливаем повышенные проценты из'ятия по сравнению с городскими налогами; значит, и этот способ отпадает. Мы предлагаем осуществить эти поправки путем сближения кривых процента из'ятия для хозяйств с различным составом семьи и различным доходом на хозяйство (см. диаграмму № 2 пунктирные линии), доведя их до снопа сплошных линий, изображенных на той же диаграмме. Степень сближения нами определялась, исходя из отношения числа работоспособных лиц, как созидателей ценностей в хозяйстве, к общему числу едоков и наличия большей связи доходности хозяйства с землеобеспеченностью на хозяйство, а не на едока.

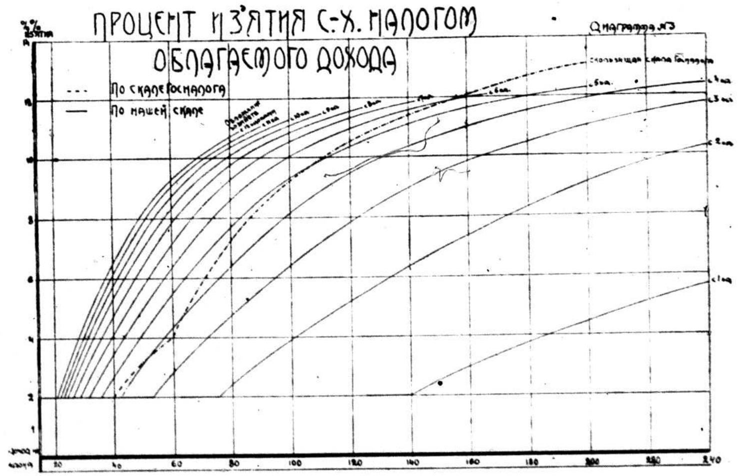

Разницу между процентами из'ятия от дохода хозяйств с одинаковым доходом и разным числом едоков мы доводим при этом до $^1/_4$ той же разницы, получаемой в результате применения едоцкого принципа построения прогрессии. Например, при увеличении или уменьшении состава семьи на одного едока при доходе хозяйства в 1000 рублей разница в проценте из'ятия при едоцком принципе составляет 0,8% всего дохода хозяйства,

мы же устанавливаем разницу в 0,2% от того же дохода хозяйства. Каждая сплошная линия при этих условиях будет характеризовать обложение хозяйств с определенным числом едоков при разных величинах дохода на хозяйство, а все в совокупности представляет из себя прогрессию обложения, построенную на комбинации двух методов едоцкого и хозяйского с некоторым приближением к последнему.

Такой способ построения кривых из'ятий даст к тому же возможность выровнять впадины кривых (по горизонтальной линии, приходящейся на четырехпроцентное из'ятие по всем группам хозяйств), присущие скользящей скале, построенной на основе едоцкого принципа, и сделать самое обложение более плавным и равномерным при одинаковом нарастании дохода хозяйств.

Для того, чтобы нагляднее представить себе, как при нашей комбинированной скале обложения будут облагаться хозяйства с одинаковым числом едоков, но при разной высоте дохода **на едока**, рассмотрим следующую диаграмму № 3. При одинаковом изменении размера дохода на едока кривые процентов из'ятия будут более крутыми для многоедоцких хозяйств (см. сплошные линии на диаграм. № 3) и более пологими по мере уменьшения числа едоков в хозяйстве. Для сравнения здесь же приведена кривая из'ятия (пунктирная линия), полученная в результате применения едоцкого принципа по скользящей скале предлагаемой Госналогом (та же, что и в диаграмме № 1). Эта кривая, как мы знаем, не дифференцирует обложение хозяйств с разным составом семьи.

В многоедоцком хозяйстве увеличение дохода хозяйства по сравнению с доходом на едока прямо-пропорционально числу едоков в хозяйстве, а потому и обложение многоедоцких хозяйств в том случае, когда в основание положена высота дохода на едока, исходя из приведенных выше экономических соображений, должно производиться с более крутой прогрессией.

В хозяйствах же с малым числом едоков, в котор… возрастает менее круто, и обложение должно быть ме… тым. Как раз мы это и наблюдаем в предлагаемой н… обложения.

Но так как мы предусматриваем различную крути… грессии для хозяйств с разным числом едоков при оди… изменении дохода на едока, то в данном случае … чается возможность построения единой ск… щей скалы. Единство скалы может быть сохранено лиш… условии построения ступенчатой скалы с возможно бол… числом ступеней для придания необходимой плавности … жения хозяйств с различным доходом или же—при обложе… остатка от дохода хозяйства за вычетом определенной суммы н… каждого едока, как его прожиточного минимума. Имея в виду что скала обложения будет одна для всего Союза, разницу между ступенями размера дохода на хозяйство можно довести до минимума, примерно, до 1 рубля на хозяйство, и тогда разница в налоге для двух соседних хозяйств составит 15—25 копеек. Нас не должно смущать, что ступенчатая таблица ставок в законе будет несколько громоздкая; эта таблица зато сразу, без всяких арифметических действий даст возможность определить сумму налога для хозяйства в целом, что в значительной мере упростит проверку начисленного налога как для аппарата, так и для плательщиков, и самая таблица будет одинаково для всех понятна. Такую таблицу ставок можно издать в виде брошюры. Для иллюстрации мы приводим примерную страницу из такой брошюры, в которой указывается размер налога в копейках на хозяйство с разным числом едоков и доходом от 400 до 406 руб. (см. табл. № 2).

Таблица № 2.

Часть ступенчатой скалы для обложения хозяйств с доходом от 400 до 406 рублей на хозяйство.

№№ по порядку.	При доходе.	Сумма налога на хозяйство в рублях при числе едоков.											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1.	Св. 400 до 401	39,00	37,00	35,00	33,00	31,00	29,00	27,00	25,00	23,25	21,50	20,00	18,50
2.	» 401 » 402	39,15	37,15	35,15	33,15	31,15	29,15	27,15	25,15	23,40	21,65	20,15	18,65
3.	» 402 » 403	39,30	37,30	35,30	33,30	31,30	29,30	27,30	25,30	23,55	21,80	20,30	18,80
4.	» 403 » 404	39,45	37,45	35,45	33,45	31,45	29,45	27,45	25,45	23,70	21,95	20,45	18,95
5.	» 404 » 405	39,60	37,60	35,60	33,60	31,60	29,60	27,60	25,60	23,85	22,10	20,60	19,10
6.	» 405 » 406	39,75	37,75	35,75	33,75	31,75	29,75	27,75	25,75	24,00	22,25	20,75	19,25

Можно, конечно, такое же обложение произвести по принципу скользящей скалы, но тогда пришлось бы установить несколько скользящих скал, в зависимости от числа едоков в семье: отдельные скалы для хозяйств с 1, 2, 3 и т. д. едоками, ограничившись, допустим, 15 скалами.

При этих условиях все хозяйства, имеющие свыше 15 едоков, а такие случаи единичны, будут облагаться, как 15-едоцкие. Но, повторяем, надобности в таком количестве скал не встретится, если пренебречь сомнительным преимуществом сложной скользящей скалы перед более простой и понятной—ступенчатой.

…примера приведем сравнение обложения различных хо… по скале Госналога, построенной на основе едоцкого принципа, и по предлагаемой нами, построенной на комбинации хо… и едоцкого принципа.

Размер налога в рублях и в процентах.

Доход хозяй. в руб.	Какая скала.	2 едока. Абс.	2 едока. %	3 едока. Абс.	3 едока. %	4 едока. Абс.	4 едока. %	5 едок. Абс.	5 едок. %	6 едок. Абс.	6 едок. %	7 едок. Абс.	7 едок. %
100	а	3,20	3,2	2,00	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—
»	б	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
200	а	18,40	9,2	10,60	5,3	6,40	3,2	4,00	2,0	4,00	2,0	—	—
»	б	7,20	3,6	6,20	3,1	5,45	2,7	4,70	2,3	4,20	2,1	4,00	2,0
300	а	35,40	11,8	27,60	9,2	19,80	6,6	12,00	4,0	9,60	3,2	7,20	2,4
»	б	21,60	7,2	19,40	6,5	17,60	5,9	15,60	5,2	13,60	4,5	12,10	4,0
400	а	52,40	13,1	44,60	11,1	36,80	9,2	29,00	7,3	21,20	5,3	15,20	3,8
»	б	37,00	9,2	35,00	8,7	33,00	8,2	31,00	7,7	29,00	7,2	27,00	6,7
500	а	69,40	13,9	61,60	12,3	53,80	10,8	46,00	9,2	38,20	7,6	30,40	6,1
»	б	52,40	10,5	50,40	10,1	48,40	9,7	46,40	9,3	44,40	8,9	42,40	8,5
600	а	86,40	14,4	7[illegible],60	13,1	70,80	11,8	63,00	10,5	55,20	9,2	47,40	7,9
»	б	67,80	11,3	65,80	11,0	63,80	10,6	61,80	10,3	59,80	10,0	57,80	9,7
700	а	103,40	14,7	95,6	13,7	87,80	12,5	80,00	11,4	72,20	10,3	64,40	9,2
»	б	83,20	11,9	81,20	11,6	79,20	11,3	77,20	11,0	75,20	10,7	73,20	10,4

а—по скале Госналога.
б—по проектируемой нами скале.

Из этой таблицы видно, что средние хозяйства с нормальной обеспеченностью едоками облагаются одинаково как по скале Госналога, так и по нашей, расхождения в размере обложения увеличиваются в обе стороны к крайним группам: по предлагаемой нами скале сильнее облагаются хозяйства с большим числом едоков и слабее—хозяйства с пониженным составом семьи, чаще всего так называем «больные» хозяйства, которые в силу недостатка рабочей силы не могут нормально вести свое хозяйство.

Все приведенные выше соображения потеряли бы некоторую долю своей убедительности, если бы мы ограничились теоретическими выводами и не проверили бы результатов на основании фактического исчисления налога по предлагаемому нами комбинированному методу и не только по отдельным селениям или группам хозяйств, но и по более крупным территориям, т.-е. на массовом материале.

Для этой цели нами произведено исчисление налога по скользящей скале Госналога и по нашей скале по всем хозяйствам: 1) селения Верхний Городок Бердичевского округа (около 400 хоз.), 2) по 156 хозяйст. бюджет. бывш. Киевской губ., 3) по типичному для мелкоземельной лесостепной части Украины Билниц-

кому округу и 4) по Мариупольскому округу, типичному для Украинской степи.

Мы намеренно взяли разнообразные единицы как по числу хозяйств, так и по территории Украины, дабы обеспечить себя достаточной репрезентативностью материала и учесть степень эффективности применения того и другого метода по разным территориям. Во всех случаях для сравнения мы также приводим данные фактического обложения налогом в нынешнем 1925—1926 году. Доход в данном случае нами учитывался только от основных отраслей сельского хозяйства—земледелия и групного животноводства—по средним нормам доходности, исчисленным за ряд последних лет.

При исчислении налога по системе, проектируемой Госналогом, исключались из обложения все хозяйства с доходом до 30 руб. на едока, по нашей же скале не облагались хозяйства с доходностью до 125 руб. на хозяйство. Для сравнения результатов обложения мы использовали две группировки хозяйств по высоте дохода на хозяйство и по обеспеченности крупным скотом.

При группировке хозяйств по размеру их дохода получились следующие колебания в процентах из'ятия по налогу от дохода.

Группы по высоте дохода на хозяйство в руб.	По 156 хозяйст. бюджет. бывш. Киевской губернии.			По 379 хозяйств. селения Верхн. Городок. Берд. округа		
	Налог 1925—26 г.	1926—27 год: По скале Госналога	1926—27 год: По нашей скале	Налог 1925—26 г.	1926—27 год: По скале Госналога	1926—27 год: По нашей скале
	Проценты из'ятия от дохода.					
От 75 до 100 р. . .	4,0	2,0	—	3,7	4,3	—
» 100 » 125 » . .	4,0	2,1	—	4,1	3,5	—
» 125 » 150 » . .	6,4	3,6	2,0	4,7	4,2	2,0
» 150 » 175 » . .	5,7	3,2	2,0	4,2	3,7	2,0
» 175 » 200 » . .	7,5	3,3	2,3	4,2	3,7	2,3
» 200 » 225 » . .	7,2	3,5	2,6	4,0	3,3	2,6
» 225 » 250 » . .	6,6	5,3	2,9	4,7	4,5	3,5
» 250 » 300 » . .	5,4	3,4	3,6	4,8	5,0	4,2
» 300 » 350 » . .	3,4	3,5	4,3	4,1	4,5	4,9
» 350 » 400 » . .	8,1	5,4	6,2	5,0	4,7	6,1
» 400 » 450 » . .	7,9	6,1	7,8	5,3	5,2	6,9
» 450 » 500 » . .	—	—	—	5,6	6,2	7,8
» 500 и выше . .	—	—	—	6,7	4,5	8,5

В то время как проценты из'ятия по скале Госналога дают чрезвычайно пеструю картину, обнаруживая иногда тенденцию к регрессивному обложению хозяйств с повышенным доходом,

проценты из'ятия по проектируемой нами скале дают равномерное нарастание по мере увеличения дохода на хозяйство.

Не менее удовлетворительные результаты получаются при сравнении размера из'ятия по группам обеспеченности хозяйств крупным скотом:

Об'ект анализа	Как исчислен налог \ Группы по скотообеспеч.	I. Без скота	II. С 1 головой	III. С 2 головами	IV. С 3 головами	V. С 4 и более	В среднем
По 156 хозяйств. Киевск. бюдж.	% из'ятия по налогу 1925/26 г.	5,7	8,1	8,7	11,7	14,1	9.9
	% по скале Госналога	3,4	3,1	3,4	5,4	4,6	4,2
	% по нашей скале	2,1	3,0	3,8	5,7	5,7	4,7
По селен. Верхний Городок. Бердич. округа	По налогу 25/26 г.	4,2	4,3	4,6	5,3	5,7	4,6
	По скале Госналога	3,8	3,7	4,3	4,9	4,9	4,3
	По нашей скале	2,5	3,0	4,1	5,6	6,6	4,2

Соответственно этим процентам налог по группам в относительных величинах распределяется так:

Об'ект анализа.		II	III	IV	V	Итого
По хозяйств. Киевск. бюджетов						
а)	5,8	17,2	22,6	36,0	18,4	100
б)	5,5	12,5	22,2	45,5	14,3	100
в)	2,2	8,1	22,0	49,7	18,0	100
По селен. Верхний Городок.						
а)	9,4	25,9	32,4	28,6	3,7	100
б)	8,4	23,9	33,9	30,2	3,6	100
в)	5,1	18,1	34,7	36,9	5,2	100

Две последние таблицы показывают, что налог, исчисленный по системе Госналога НКФ Союза, даже при усилении крутизны прогрессии обложения не только не дает по сравнению с обложением прошлого года нужного перемещения налога в сторону более мощных хозяйств, а, наоборот, облегчает налоговые тяготы хозяйств самой высокой группы по обеспеченности крупным скотом. Группа хозяйств с 4 и более головами скота вместо 18,4% всей суммы налога нынешнего года будет платить лишь 14,3%—это по киевским бюджетам, и по селу Верхний Городок; разница,

правда, незначительная, также в пользу хозяйств высшей скотской группы. Совсем иную картину распределения налога по приведенным группам хозяйств дает применение проектируемой нами скалы обложения. В данном случае мы наблюдаем совершенно отчетливое перераспределение налога в сторону сильных хозяйств за счет облегчения маломощных.

Аналогичные результаты получаются при сравнении обложения по более крупным территориям, в данном случае по округам Винницкому и Мариупольскому. Тут мы выделяем группу хозяйств также и с 5 головами скота.

Округ	Налог		Без скотин.	С 1 голов.	С 2 голов.	С 3 голов.	С 4 голов.	С 5 и более	Итого в среднем.
Винницкий округ.	Налог 25—26 г.	Процент из'ятия	5,2	5,8	6,7	7,4	8,1	10,0	6,2
		Налог в процент.	19,5	29,5	28,6	19,5	2,5	0,4	100,0
	Налог 1926—27 года	По скале Госналога.							
		Процент из'ятия	2,1	3,0	3,7	4,1	5,3	7,6	3,2
		Налог в процент.	15,3	29,8	30,6	21,2	2,6	0,5	100,0
		По скале, предлаг. нами.							
		Процент из'ятия	0,1	2,0	3,1	4,3	6,2	8,3	2,3
		Налог в процент.	0,7	28,3	35,6	30,4	4,3	0,7	100,0
Мариупольский округ.	Налог 25—26 г.	Процент из'ятия	4,9	5,1	5,9	6,9	7,6	9,2	6,6
		Налог в процент.	6,9	14,5	19,4	21,4	15,9	21,9	100,0
	Налог 1926—27 года	По скале Госналога.							
		Процент из'ятия	5,9	6,4	7,5	8,6	9,7	10,7	8,2
		Налог в процент.	6,7	14,6	19,9	21,6	16,4	20,8	100,0
		По скале, предлаг. нами.							
		Процент из'ятия	3,5	5,2	7,4	9,1	10,5	11,1	8,0
		Налог в процент.	4,2	12,2	20,1	23,2	18,1	22,2	100,0

Несмотря на некоторое повышение процента из'ятия по налогу 1926—27 года по сравнению с 1925—26 годом для хозяйств с 4 и 5 головами скота по Мариупольскому округу, при рассмотрении относительного распределения налога по группам эти категории хозяйств по системе Госналога получат некоторое облегчение налога по сравнению с 1925—26 годом. По нашей же скале эта возможность исключается. Не менее показательные результаты в смысле перераспределения налога в сторону более мощных хозяйств, при применении нашей системы обложения, получаются и по Винницкому округу.

При сравнении результатов начисления налога по двум различным по своей экономической структуре округам еще одна особенность выгодно отличает комбинированный принцип построения прогрессии: при значительно повышенных нормах доходности земли в Винницком округе по сравнению с Мариупольским (45 р. и 32 р. десят.) и почти одинаковых нормах доходности головы облагаемого скота, наша скала дает значительную разницу в общей сумме налога по этим двум округам—по Винницкому округу общая сумма налога составляет от облагаемого дохода 2,3% при 3,2% по скале Госналога, в Мариупольском же округе эта разница составляет лишь 0,2%.

Такое распределение налога по территории Украины вполне соответствует экономике сельского хозяйства указанных двух округов, являющихся типичными представителями для степной и мелкоземельной части Украины.

Степь у нас представительствует наличием большего количества зажиточных, крупных хозяйств; лесостепное же мелкоземелье, несмотря на повышенную интенсивность в использовании земельной площади, благодаря чрезвычайной скученности населения, не дает той дифференциации крестьянских хозяйств, какую мы наблюдаем в степи.

Здесь мы имеем на селе подавляющее большинство мелких хозяйств, не имеющих возможности экономически выделиться из общей массы по причинам, повторяем, чрезвычайного мелкоземелия.

Это перераспределение налога из лесостепного в степной район, которое может быть осуществлено только при комбинированном способе построения прогрессии, также находится в полном соответствии с основной директивой правительства о перемещении тяжести налога в сторону более мощных хозяйств.

Приведенные соображения заставляют нас сделать следующие выводы:

1. Землеобеспеченность едока или земельная площадь хозяйства в отдельности не являются достаточными показателями мощности хозяйства; то же нужно сказать и в отношении исчисляемого нормативным порядком дохода на едока и на хозяйство. Но все же из этих двух признаков хозяйский признак имеет безусловное преимущество перед едоцким.

2. Поэтому, принцип построения прогрессии обложения только по высоте дохода на едока, ориентировавшийся исключительно на потребительскую основу крестьянского хозяйства и имевший свое оправдание в первые годы после революции, в настоящее время, при общем росте сельско-хозяйственного промысла, развития его товарности и, наконец, при наблюдающихся процессах дифференциации крестьянства, не разрешает тех задач, какие ставятся советской властью в отношении крестьянства.

3. Едоцкий принцип построения прогрессии дает возможность хозяйствам с большим доходом а, следовательно, и повышенным капиталом укрываться в группы, облагаемые пониженным и средним процентом только потому, что эти хозяйства обычно являются и многосемейными.

4. Применение при едоцком методе построения прогрессии обложения скользящей скалы приводит не к прогрессивному обложению хозяйств с большим доходом, а к пропорциональному и даже к регрессивному, что в корне противоречит нашим

задачам в отношении крестьянства и не дает возможности пересмотреть тяжесть налога в сторону зажиточной части села.

5. Разрешение задачи некоторого перемещения налога в сторону зажиточных хозяйств путем усиления крутизны прогрессии обложения при этих условиях также невозможно, так как тогда еще сильнее проявятся дефекты, присущие едоцкому принципу в смысле переобложения середняцких и маломощных хозяйств с малым составом семьи.

6. Построение прогрессии только по высоте дохода на хозяйство произведет значительное перераспределение налога между отдельными группами хозяйств по сравнению с прошлым годом и, кроме того, приведет к относительному переобложению хозяйств, переобремененных семьей, что также неприемлемо.

7. Прогрессия обложения должна быть построена на комбинации двух признаков едоцкого и хозяйского с некоторым приближением в сторону последнего.

8. Такой способ построения прогрессии обложения дохода без всяких вычетов на едоков исключает возможность применения единой скользящей скалы обложения. Единство скалы может быть сохранено при условии построения ступенчатой скалы с мелкими ступенями для сохранения плавности обложения различных по доходу хозяйств или скользящей скалы на основе обложения остатка дохода хозяйства за вычетом определенной скидки на каждого едока, рассматривая эту скидку с дохода как прожиточный, одинаковый для всех едоков минимум, но при этих условиях неизбежно пропорциональное обложение некоторого остатка дохода, что свойственно каждой скользящей скале.

9. Комбинированный метод построения прогрессии дает возможность полностью осуществить директивы правительства и партии в отношении обложения различных по мощности групп крестьянства.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Об апрельской конференции 1917 года.

Петроградская общегородская и всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. (большевиков) в апреле 1917 г. Истпарт ЦКРКП. Госиздат, 1925 г., 175 стр., тираж 25.000.

Февральская революция 1917 года поставила нашу партию перед небывалой, оригинальной и очень сложной обстановкой классовой борьбы.

Прежние лозунги оказались к этому историческому моменту устаревшими, новые лозунги в первые недели после переворота не отчеканены.

Апрельская конференция 1917 года имела крупнейшее историческое значение именно потому, что она оформила большевистскую позицию в условиях, сложившихся после февральского переворота, потому что она наметила пути пролетариата к Октябрю.

Настоящие отчеты, как справедливо отмечает в предисловии редакционная комиссия Истпарта, страдают весьма существенными недостатками.

«Работу пришлось проделать,—заявляет комиссия,—очень большую, так как стенографических записей на конференции не велось, и нужно было составить текст по тем весьма часто отрывочным протоколам, которые велись секретарями конференции, и по тем записям, которые имелись, кроме того, у некоторых товарищей».

Эти обстоятельства об'ясняют нам конспективность речей, перебои в них, незаконченность ряда положений и т. д.

Но даже в **таком** виде отчеты дают довольно полную и ясную картину тех внутрипартийных отношений, которые сложились ко времени апрельской конференции.

Поскольку протокол всероссийской конференции восстановлены более полно и точно и поскольку на этой конференции (происходившей 24—29 апреля 1917 г.) принципиальные разногласия получили более острое выражение, чем на предшествующей ей петроградской общегородской конференции (14—22 апреля 1917 г.),—мы считаем целесообразным остановить внимание читателя преимущественно на ходе прений, имевшем место на всероссийской апрельской конференции.

Центральным пунктом разногласий, проявившихся на апрельской конференции в среде большевиков, был вопрос о характере и направлении революции. Ленин считал, что российская революция, начавшись, как буржуазная, в своем развитии ставит в порядок дня осуществление социалистической диктатуры пролетариата.

Однако, эта позиция не имела ничего общего с троцкизмом.

Ильич подчеркивал неправильность позиции т. Троцкого и на общегородской петроградской и на всероссийской конференциях.

«Троцкизм,—заявлял он в заключительном слове на общегородской конференции,—«без царя, а правительство рабочих». Это неверно. Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя» (стр. 17).

В заключительном слове на всероссийской конференции он эту мысль повторяет еще раз:

«Вот если бы мы сказали: «без царя, а диктатура пролетариата»— ну, это был бы скачок через мелкую буржуазию. Но мы говорим: помогай революции через Совет Р. и С. Д.» (стр. 76).

Тов. Троцкий донес до революции 1917 года свою формальную, недиалектическую, немарксистскую концепцию «перманентной» революции.

Указывая на диктатуру пролетариата, как на неизбежный этап борьбы пролетариата против эксплоататоров, т. Троцкий не видел того пути, тех средств борьбы, тех тактических мероприятий, которые должны были привести к пролетарской диктатуре. Концепция т. Троцкого не давала возможности дать оценку путей к рабочей диктатуре, наметить правильные способы достижения последней.

Нет никакого сомнения в том, что и революцию 1905—7 г.г. и февральский переворот 1917 года можно и закономерно рассматривать с известной точки зрения, как подготовительные этапы длительной борьбы пролетариата за власть. Но взять власть в октябре пролетариат мог только потому, что на этих подготовительных этапах, на путях к диктатуре он во всякий данный критический момент учитывал своеобразие исторической обстановки и намечал и проводил правильную—для данного момента—политическую линию. Для троцкизма характерно, что этого качественного различия различных этапов революции он не видел и не имел правильной позиции, обеспечивающей пролетариату движение к диктатуре пролетариата.

Вместо выработки конкретной программы действий тов. Троцкий выступил на пути этого движения пролетариата к диктатуре с одной и той же, неизменной революционной фразой, не давая ответа на вопрос, как и каким образом обеспечить победоносное продвижение к пролетарской диктатуре.

Февральская революция потребовала от пролетарских революционеров определенной реакции на новую обстановку.

Тов. Троцкий этой новизны и своеобразия положения не оценил. Он не выявил того, что после февральского переворота наступила полоса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и что со стороны пролетарского авангарда требуется особая, специфическая тактика, облегчающая его, а не голое декретирование социалистического переворота.

Но оказалось, что этого перерастания не уловили некоторые руководящие товарищи из большевистских рядов.

Тов. Каменев выступал и на петроградской и на всероссийской конференциях против Ленина с содокладами по текущему моменту.

На всероссийской конференции тов. Каменев очень стройно и последовательно развернул свою концепцию с оценкой характера революции и того ее этапа, который—с точки зрения т. Каменева—революция проходила к моменту апрельской конференции.

«Мы говорим,—заявлял т. Каменев,—о Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, как об организующих центрах наших сил и центрах власти. Мы должны признать, что они являются центральными узлами революции. Одно название их показывает, что они представляют собой блок мелкобуржуазных и пролетарских сил, перед которыми стоят еще незаконченные буржуазно-демократические задачи. Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок не мог бы существовать, и перед ним никаких определенных задач не было бы, а пролетариат вел бы революционную борьбу против мелко-буржуазного блока. Совместная работа в этот момент была бы совершенно невозможна...

Я думаю, что должна быть одна из двух тактик: или перед пролетариатом стоят задачи, которые могут быть осуществлены только пролетариатом, и ни одна из общественных групп ему помочь не может,—и тогда мы разрываем блок и идем на осуществление тех идей, которые должны быть выполнены пролетариатом,—или мы считаем, по условиям текущего момента, блок жизненным, имеющим будущее,—и тогда мы в этом блоке участвуем и строим нашу тактику так, чтобы этот блок не разорвать... Мы идем с блоком и еще можем сделать совместно с ним несколько шагов. Я хочу, чтобы пролетарская партия действительно поступила так» (53—54 стр.).

Теперь, после большой исторической проверки, не представляет большого труда выявить, в чем заключались ошибки этой концепции т. Каменева. В цитированных нами положениях т. Каменева сказывается: 1) неправильное отгораживание буржуазно-демократической революции от социалистической «китайской стеной»; непонимание процесса перерастания первой революции во вторую, непонимание, свойственное и т. Троцкому; 2) неверное, свойственное и т. Троцкому, представление будто бы переход к социалистической революции неизбежно разорвать блок пролетариата с крестьянством.

Своеобразие положения не было схвачено тов. Каменевым; он подошел к новой обстановке со старыми шаблонами и дал неверную перспективу развития революции.

«Главная ошибка, которую революционеры делают,—отметил т. Ленин на петроградской конференции,—это то, что они смотрят назад, на старые революции. Жизнь же дает слишком много нового, которое необходимо внести в общую цепь событий...

Оригинальность положения—в двоевластии. За границей, куда ни одна газета левее «Речи» не доходит, и где англо-французские буржуазные газеты говорят о полновластном Временном Правительстве и «хаосе» в лице Совета Р. и С. Д., никто не имеет точного представления о двоевластии. Только на месте здесь мы уже узнали, что Совет Р. и С. Д. отдал власть Временному Правительству. Совет Р. и С. Д. есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян. Это и есть диктатура пролетариата и крестьянства. Но эта «диктатура» вошла в соглашение с буржуазией. Тут и нужен пересмотр «старого» большевизма. Создавшееся положение показывает, что диктатура пролетариата и крестьян переплелась с властью буржуазии. Положение изумительно своеобразное» (7—8 стр.).

...«Жизнь сплела диктатуру пролетариата и крестьянства с диктатурой буржуазии. Дальнейшая ступень—диктатура пролетариата, но он еще недостаточно организован и просвещен, его надо просветить. Нужны по всему государству такие Советы рабочих и прочих депутатов, это—требование жизни. Другого пути нет. Это и есть Парижская Коммуна. Совет Рабочих Депутатов—не профессиональная организация, чего хочет буржуазия. Народ смотрит иначе и правильнее: он видит в нем власть. Он видит, что путь выхода из войны—победа Советов Рабочих Депутатов. Вот это и есть тип государства, при котором можно итти к социализму. Когда власть захватит группа—это еще немного. Русская революция поднялась выше,—другой власти, чем Совет, быть не может, и буржуазия этого боится. Пока власть не захватили Советы—мы ее не возьмем; Советы же должна толкать к власти живая сила. Иначе мы не выйдем из войны, которую ведут капиталисты обманом народа. Все страны стоят на краю гибели; надо это сознать; выхода, кроме социалистической революции, нет. Правительство должно быть свергнуто,—но не все правильно это понимают. Если власть Временного

Правительства опирается на Совет Рабочих Депутатов, то свергнуть его «просто» нельзя. Его можно и должно свергнуть, завоевывая большинство в Советах. Или вперед, к всевластию рабочих и солдатских депутатов,—или назад, к империалистической войне,—другого пути нет»... (10 стр.).

Систематическая борьба за большинство внутри Советов путем непрерывной критики соглашателей, серьезная и длительная пропаганда идеи Советской власти, завоевание под лозунгом: «власть Советам» не только пролетариата, но солдатских, крестьянских масс,—словом, курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую,—такова позиция Ленина. Оценка момента, данная тов. Каменевым, исключала возможность таких практических выводов. Поскольку перед ним не было перспективы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, он считал позицию т. Ленина неверной.

Ход мыслей тов. Каменева был следующий. Мы проходим еще через полосу буржуазно-демократической революции—и только. Только в этой полосе и возможен блок с мелкой буржуазией. Практически этот блок выражается в контроле Советов над Временным Правительством. Нельзя выдвигать лозунг: «вся власть Советам», пока нет призыва к немедленному свержению Временного Правительства.

Поскольку же мы из рамок буржуазно-демократической революции не выходим, поскольку мы остаемся на почве блока с мелкой буржуазией, поскольку лозунга немедленного свержения Временного Правительства мы не выбрасываем,—постольку нельзя дать голый лозунг: «вся власть Советам»—необходимо держаться пока тактики контроля Советов в отношении Временного Правительства.

Критикуя позицию Ленина, тов. Каменев подчеркивал, что он считает эту позицию не актуальной, не действенной, не дающей прямого и конкретного ответа на запросы дня.

«Мы остаемся,—заявил он на Всероссийской конференции,—без политической работы, мы остаемся теоретиками, пропагандистами, которые пишут хорошие исследования о будущей социалистической революции, но для переживаемого периода устраняются как политические деятели, как определенная политическая партия. В противном случае, если мы принимаем ряд политических действий, мы должны знать, чего требовать от Совета тем товарищам, которые несут ответственную работу в Исполнительном Комитете, зная, что нельзя ограничиваться раз'яснениями. Это орган, который должен или отменять приказы, или издавать, и вот там-то наши товарищи и должны иметь какую-нибудь политическую линию. Если вы придете в Исполнительный Комитет и вас спросят, что вы постановили насчет Временного Правительства, и вы скажете, что сменять его еще не время, и что в то же время оно должно быть сменено, и поэтому мы будем выжидать, пока власть перейдет в руки Совета, а пока будем раз'яснять,—то этим вы передадите власть в руки наших врагов, сдадите им позиции. Вы, таким образом, играете в руку противникам и ждете, пока об'ективные условия преподнесут нам власть. Из всего этого следует, что осуществление контроля есть необходимость и его надо внести в нашу резолюцию, если мы не желаем ехать на места с простым указанием на то, что нам необходимо ограничиться только раз'яснениями» (56 стр.).

Таким образом, практические расхождения между большинством конференции, возглавляемым Лениным, и товарищами, точка зрения которых была представлена т. Каменевым, упиралась в вопрос о контроле.

По поводу лозунга контроля, выдвинутого т. Каменевым и поддержанного группой москвичей, т. Ленин сказал на апрельской конференции следующее:

«Представлен этот контроль Чхеидзе, Стекловым, Церетелли и другими руководителями мелко-буржуазного блока. Контроль без власти есть пустейшая фраза. Как я буду контролировать Англию? Для того, чтобы ее контролировать, надо захватить ее флот. Я понимаю, что неразвитая масса рабочих и солдат может наивно и бессознательно верить в контроль, но достаточно подумать об основных моментах контроля, чтобы понять, что эта вера—отступление от основных принципов классовой борьбы. Что такое контроль? Если я напишу бумажку или резолюцию, то они напишут контр-резолюцию. Для того, чтобы контролировать, нужно иметь власть. Если это непонятно широкой массе мелкобуржуазного блока, надо иметь терпение раз'яснить ей это, но ни в коем случае не говорить ей неправду. А если я заслоняю это основное условие контролем, я говорю неправду и играю в руку капиталистам и империалистам. «Пожалуйста, ты меня контролируй, а я буду иметь пушки. Будь сыт контролем»,—говорят они. Они знают, что отказать народу сейчас нельзя. Без власти контроль—мелко-буржуазная фраза, тормозящая ход и развитие русской революции» (46 стр.).

Диалектик Ленин стоял на точке зрения перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Оценивая характер Октябрьской революции уже несколько лет спустя после Октября, он подчеркнул, что даже завершение буржуазно-демократической революции (о котором так много говорил т. Каменев на конференции), было немыслимо без перерастания ее в социалистическую. Это положение было несомненной посылкой позиции Ленина на апрельской конференции 1917 г. Тов. же Каменев воздвигал между той и другой революциями «китайскую» стену и считал возможным наметить тактику для «отгороженного» и неестественно оторванного от исторического контекста периода буржуазно-демократической революции.

Сначала закончить буржуазно-демократическую революцию,—затем начать социалистическую—такова его постановка вопроса.

Но эта постановка вопроса предполагала, что Временное Правительство, контролируемое меньшевистско-эсеровским Советом, способно завершить буржуазно-демократическую революцию.

Дальнейший ход событий показал, что в оценке перспектив был прав Ленин, а не т. Каменев, и что только при переходе власти к Советам были завершены и закреплены завоевания буржуазно-демократического порядка.

В силу этого решения апрельской конференции, ставшей на точку зрения Ленина и отвергнувшей предложения т. Каменева, нужно считать исторически-оправданными.

Серьезные разногласия далее наметились и нашли соответствующее отражение в протоколах конференции лишь по национальному вопросу.

Докладчик тов. Сталин обосновал лозунг права наций на самоопределение.

Тов. Пятаков выступил с контрдокладом, в котором он попытался доказать, то этот лозунг не верен и не соответствует интернациональным устремлениям пролетариата. В проекте резолюции по национальному вопросу, предложенном им от имени секции по национальному вопросу и отвергнутой конференцией, центральное место гласит так: «Единственным действительным методом разрешения его (т.-е. национального вопроса. *А. С.*) является метод социалистической революции под лозунгом

«прочь границы», ибо только этим путем может быть уничтожен империализм, этот новый фактор обострения национального гнета».

И докладчик и т. Ленин показали в своих выступлениях, что об'ективно позиция т. Пятакова, сражающегося против права наций на самоопределение, ведет не к укреплению союза российского пролетариата с массами национальных меньшинств, а к ослаблению его.

«За всеми нациями, входящими в состав России,—подчеркивает резолюция конференции,—должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства.

Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий.

Лишь признание пролетариатом права наций на отделение обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций и способствует действительному демократическому сближению наций».

«Левизна» в национальном вопросе, осужденная на апрельской конференции, имела в основе недоучет тех национально-освободительных тенденций, которые получили обостренное выражение на окраинах России в силу шовинистической политики самодержавия.

Ленин и здесь подчеркнул необходимость диалектического подхода к вопросу. Он указал, что путь к положению, при котором лозунг «прочь границы» найдет действительное осуществление, лежит через признание права наций на самоопределение вплоть до отделения.

Вместе с тем, и докладчик и конференция подчеркнули, что «нельзя смешивать вопрос о праве наций на отделение с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент».

«Этот последний вопрос,—отметила в резолюции по национальному вопроосу конференция,—партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы за социализм».

Как это ни странно, но приходится констатировать, что даже до последнего времени по данному вопросу кое у кого из членов партии царит путаница и мешанина.

Читатель «Большевика» может вспомнить, что еще в 1924 г. в первых №№ нашего журнала тов. Вардин, оспаривавший правильность ленинского лозунга «права наций на самоопределение вплоть до отделения», обнаружил непонимание этих элементарных положений.

Решения апрельской конференции дают по национальному вопросу исчерпывающий и точный ответ, который мы признаем правильным и по настоящее время.

По всем другим вопросам, затрагиваемым на конференции, серьезных разногласий не обнаружилось. Ответы на эти вопросы были даны в полном соответствии с той оценкой перспектив революции, которая была предложена Лениным и одобрена конференцией.

Ни один партиец, желающий ознакомиться с подготовкой Октября не может и не должен пройти мимо настоящего издания Истпарта.

А. Слепков.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ.—Введение в политическую экономию. Перевод с немецкого. Изд. «Прибой». 1925 г.

Рецензируемая книга представляет из себя рукопись лекций Розы Люксембург в берлинской партийной школе. Впервые она была издана в 1925 г. Паулем Леви. Леви издал ее чрезвычайно неряшливо и с тенденциозными пропусками тех набросков, в которых Роза подчеркивает, что «само по себе» капиталистическое развитие ведет «не к социалистическому хозяйству, а к анархии и варварству. Переход может быть осуществлен лишь насильственным упразднением частной собственности, т.-е. политическим переворотом». Эти революционные выводы из экономической теории самозванный «душеприказчик», Леви, предпочел не включать в издаваемую книгу, а эти места удалось обнаружить и частично опубликовать только после перехода рукописи в руки германских коммунистов.

Книжка Р. Люксембург не является полным курсом политической экономии: целый ряд проблем политической экономии совершенно не включен в изложение; другие поставлены только в самом общем виде. Местами изложение не закруглено и не отделано. Но, несмотря на это, Розе удалось создать все же цельное и систематическое изложение небольшого круга самых основных вопросов теоретической экономии.

В обширной первой главе Роза выясняет предмет политической экономии. При этом она очень удачно связывает теоретические доказательства и полемику с буржуазными экономистами, с конкретным описанием мирового капиталистического хозяйства и некоторых других хозяйственных форм. Роза приходит к заключению, что «политическая экономия представляет науку об особых законах капиталистического способа производства». «...Задачей и предметом политической экономии является об'яснение законов возникновения, развития и распространения капиталистического способа производства...» (стр. 63). Тем не менее две следующие главы (2 и 3) «Введения» дают читателю много интересного материала по истории хозяйственных форм, главным образом, по истории первобытного коммунизма; но Роза дает читателю этот материал не как составную часть политической экономии, а только как вводный материал; Роза включает историю хозяйственных форм в книгу по политической экономии не для смазывания особенной специфической структуры товарно-капиталистического общества, а для особо отчетливого выпячивания тех отличительных черт капитализма, из которых только и вытекает необходимость экономической теории. «Во все эпохи мы находим самые разнообразные формы подобного общественного труда, т.-е. труда планомерного и организованного. В современном же обществе мы его совершенно не находим: ни господства, ни закона, ни демократии, ни малейшего следа плана и организации—анархия». Как возможно капиталистическое общество? «Этот вопрос является вместе с тем и основным вопросом политической экономии, как науки» (стр. 157 и 291).

Опираясь на предыдущий обзор хозяйственных форм, Роза выпукло описывает самую важную особенность товарного производства: осуществление производственного единства между людьми исключительно через рыночный обмен вещами-товарами. При такой организации хозяйства закон трудовой стоимости становится попросту единственно возможной формой регулирования производства, поэтому Роза не строит каких-либо специальных «обоснований» необходимости обмена товаров по трудовой стоимости. Эта необходимость вытекает у нее из всего хода изложения, из самой роли рыночного обмена в структуре товарного хозяйства.

Заканчивая анализ простого товарного производства, Роза очень последовательно и логично подходит к вопросу: «как возможно суще-

-ствование капитализма при... обмене товаров по их стоимости?» (стр. 186). Пятая глава («Закон заработной платы») дает ответ на этот вопрос: в товарном обществе, «чтобы иметь возможность жить, всякий человек должен поставлять и продавать товары». «Тому, у кого нет средств производства, и, следовательно, нет возможности производить товары, не остается ничего иного, как вынести на рынок в качестве товара самого себя, т. е. свою собственную рабочую силу» (187—188 стр.). Несколькими подобными ясными и простыми положениями Роза перекидывает логически мост между товарным производством и капиталистическими общественными отношениями. Затем она постепенно раскрывает перед читателем все стороны основного общественного отношения капитализма. Наконец, в последней коротенькой главе о «тенденции капиталистического хозяйства» Роза пытается вскрыть «фундаментальное противоречие» капитализма: «чем быстрее отсталые формы производства уступают место капиталистической эксплоатации», тем больше «уменьшается возможность соответственного расширения емкости рынка». Стоит только вообразить, что все человеческое производство построено на капиталистических основаниях, как «ясно обнаруживается невозможность капитализма».

Как видно, «Введение» составлено не по принципу «обо всем понемножку», наоборот, в нем взяты немногие вопросы, но зато о них сказано все необходимое.

Роза взяла группу экономических проблем в разрезе основного внутреннего строения капиталистического общества и сумела эту внутреннюю структуру обрисовать до конца с полной глубиной и четкостью. При этом, несмотря на то, что ряд вопросов совсем не включен в изложение, книга Розы дает читателю дельное и очень стройное представление о ходе хозяйственного развития и о капиталистической ступени «в колоссальной лестнице развития человеческой культуры» (стр. 222).

Особенную ценность имеет то обстоятельство, что у Розы мы имеем чрезвычайно умелое соединение двух моментов: во-1-х, выявлена методологическая сторона марксовой политической экономии; читатель получает правильную методологическую установку; во-2-х, Роза привлекает для обоснования и иллюстрации теоретических положений богатый и интересный конкретный материал. Поэтому каждое теоретическое положение, с одной стороны изложено с полной серьезностью и глубиной, а с другой—чрезвычайно живо, ясно и понятно. Вдобавок, книжка написана очень хорошим, образным и богатым языком. Сравнительно слабо сказываются в книжке известные теоретические ошибки автора. Несколько упрощена местами теория заработной платы и совершенно не ортодоксально намечена тенденция капитализма к гибели. Оказывается, что капиталистические законы «обращаются против всех основных условий существования человеческого общества и «раньше всего и больше всего» благодаря внутреннему стремлению «механически распространиться на весь земной шар и вытеснить всякий другой старейший общественный порядок» (стр. 222—223). И Роза не приводит никаких других причин тенденции капитализма к гибели, кроме простого факта его распространения на новые и новые страны и области. Конечно, такое упрощение вопроса сильно портит впечатление от книжки. Она оказывается плохо увенчанной, у читателя остается неудовлетворенность концом.

Но этот недостаток смягчается, во-1-х, тем, что сама глава о тенденции капитализма очень невелика (8 стр. из 228) и, судя по стилю и ходу изложения, представляет собой черновой, малообработанный набросок; во-2-х, «Введение» и не должно вполне удовлетворить читателя, дать ему окончательный ответ на все вопросы; оно должно только

подготовить читателя к более серьезной работе, показать ему, «как стоят» основные экономические проблемы. Как раз эту задачу книга Р. Люксембург выполняет неизмеримо лучше, чем какая-либо другая подобная работа. Поэтому указанные недочеты ни в коей мере не уничтожают высокой ценности «Введения» Розы.

А. А.

КРУМИН, Г.—В борьбе за социализм (Основные итоги в области хозяйства и предстоящие задачи). Изд-во «Экономическая Жизнь», Москва, 1926 г., стр. 95, цена 60 коп.

Несмотря на то, что брошюра тов. Крумина написана была ранее дискуссии, предшествовавшей и сопровождавшей XIV партс'езд, она до сих пор не только не потеряла своего значения, но и приобрела особенный смысл и значение, и именно под углом зрения оценки выступлений так назыв. «новой оппозиции».

К чему сводилась суть выступлений «новой оппозиции»? Неверие в возможность социалистического строительства в одной стране, оценка нэпа только как отступления, признание нашей экономики—госкапиталистической, непонимание знаменитого ленинского кооперативного плана и отсюда отрицание возможности некапиталистического развития крестьянства и недооценка роли и значения середняка. И, как всегда, правое дело прикрывалось ультра-левой фразой.

Рядом фактов и цифр тов. Крумин показывает, что последний год восстановительного периода «является годом быстрого роста производительных сил страны, роста и укрепления социалистических элементов в хозяйстве, дальнейшего укрепления, в основном, хозяйственной смычки города и деревни».

Но прежде всего надо твердо установить, какие же, собственно говоря, элементы нашего хозяйства являются социалистическими и какой характер носит вся наша экономика в целом.

В IV главе «Рост производительных сил и рост социализма». «Государственный капитализм» тов. Крумин, в оценке характера нашей экономики, полемизирует с российскими зарубежниками, утверждающими, что быстрый рост производительных сил Советского Союза «идет по давно знакомой и протоpенной капиталистической дорожке, что ведет он к добропорядочному «отечественному» капитализму, который, естественно, раньше или позже взорвет диктаторскую оболочку большевистской власти.

Особенно интересна в этом вопросе точка зрения российских меньшевиков, похвалы и одобрения которых заслужила своими выступлениями наша «новая оппозиция». Тов. Крумин приводит следующую любопытную выдержку из статьи Дана в 14 номере «Социалистического Вестника» за 1925 г. Мы извиняемся за некоторую длину этой цитаты, но она настолько любопытна, что мы все-таки решаемся ее привести полностью.

...«Для таких отсталых стран, как Россия, нет сейчас других путей для быстрого развития производительных сил и восстановления мощи рабочего класса (а это, ведь, и суть основные предпосылки успешной борьбы за социализм!), как пути капиталистические. Сам большевистский руководящий штаб сознает это и уже не раз это открыто высказывал. Да и Зиновьев, укоризненно качающий головой по поводу этих «незрелых высказываний» и «непродуманных попыток расширительно истолковывать политику партии», подчеркивает, что в России существует «государственный капитализм». Капитализм, а не социализм! Но, во-первых, государственный капитализм сам по себе отличается от частного

только личностью собственника предприятий, а отнюдь не строем социально-экономических отношений. А, во-вторых, ведь, именно теперь большевики делают отчаянные усилия, чтобы и в промышленности, и в земледелии, и в торговле увеличить долю частного капитализма по сравнению с государственным. Только что богатейшая марганцевая промышленность стала добычей частного американского комиссионера Гаримана. А новейшие декреты о частных промышленных предприятиях, о кредитных льготах частным торговцам, об аренде земель и наемном труде в деревне и т. д., и т. д.? Что это, как не стремление перевести все возрастающую часть народного хозяйства на частно-капиталистические рельсы?»

Как видит читатель, концепция меньшевиков очень проста и не сложна. «Коммунистическая» революция оказалась не чем иным, как длинным, обходным, мучительным и кровавым путем к развязыванию частно-хозяйственных и буржуазно-капиталистических отношений в России» (Дан). Иначе говоря: от военного коммунизма к госкапитализму, от госкапитализма к возрождению добропорядочного «отечественного» капитализма.

Г.г. меньшевики с удовольствием выражают свою солидарность с «новой оппозицией» в определении характера нашей экономики—госкапиталистической. Ведь госкапитализм, как его ни верти, все-таки «капитализм, а не социализм»! И надо сказать, что меньшевики совершенно правы в своем утверждении, что «госкапитализм сам по себе отличается от частного только личностью собственника предприятий, а отнюдь не строем социально-экономических отношений». В одном случае собственником является отдельный капиталист, в другом капиталистическое государство, как выражение коллективного капиталиста, класса капиталистов в целом.

Изменились ли у нас социально-экономические отношения? Коренным образом. Диктатура капиталистов заменилась диктатурой пролетариата, и в этих условиях все экономические категории приобрели существенно, коренным и принципиальным образом отличный смысл. Потому-то и «абсолютно-ложной является предпосылка, приравнивающая государственные промышленные предприятия, предприятия «последовательно-социалистического типа» по определению В. И. Ленина,—к предприятиям государственно-капиталистическим». Ибо разница между «государственным капитализмом» и нашими государственными предприятиями именно в социально-экономическом типе.

Этого не поняли меньшевики, это недостаточно поняла и наша «новая оппозиция».

В наших же условиях госкапитализм является одной из форм пяти различных «общественно-экономических укладов», тем капитализмом, «который мы можем и должны допустить, который мы можем и должны поставить в рамки, ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства» (Ленин).

Но, быть может, именно эта госкапиталистическая форма нашего общественно-экономического уклада является организующим и ведущим началом в нашей экономике? Но и такое предположение было бы глубоко неверным. «Удельный вес продукции предприятий «последовательно-социалистического типа» неуклонно возрастает... социалистическое влияние государственной крупной промышленности на все народное хозяйство из года в год увеличивается. Организующим, ведущим началом в советской экономике становится социалистическая промышленность».

И тов. Крумин приводит ряд цифр и фактов, неопровержимо подтверждающих растущую роль и значение в нашей экономике государственной промышленности. Валовая продукция всей цензовой промышленности, составлявшая еще в 1923—24 году только 45,7% продукции 1913 года, в 1924—25 г. достигла 70,3% довоенной. «Для одной крупной государственной промышленности мы имеем в 1924—25 г. (по сравнению с 1923—24 г. *К. Р.*) прирост в 60%. Этот процент, повторяем, опережает процент прироста за год на всех остальных секторах производства, давших увеличение на 53,7%. «За 4 года (с 1921—22 по 1924—25 г.г. *К. Р.*) валовая продукция крупной государственной промышленности возросла с 850 милл. руб. до 2.616 млн. руб., т.-е. больше, чем в три раза».

Особенно энергичен был рост тяжелой индустрии. Стоимость валовой продукции металлической промышленности возросла с 130,1 млн. рублей в 1921—22 г. до 503,4 млн. р. в 1924 году, при чем за последний год прирост выразился в цифре, близкой к 100%.

Продукция хлопчато-бумажной промышленности с 1921—22 г. по 1924—25 г. выросла с 302,5 до 1.490,3 млн. метров. Прирост же за последний год выразился в 66,6% общей стоимости.

Примерно, такие же процессы происходили и во всех остальных отраслях промышленности, за исключением электротехнической, где в 1925—26 году ожидается превышение довоенного уровня на 75%, и бумажной—на 25%!

Несомненен рост социалистических элементов, вопреки утверждениям меньшевиков об «отчаянных усилиях» советской власти привлечь частный капитал, и в торговле. «Государственная и кооперативная торговля—на рельсах нэпа—решительно переходит в наступление». Во всем обороте роль частной торговли, измерявшаяся в 1923—24 г. 41,6%, падает в 1924—25 г. до 26,3%. В торговых капиталах доля частных капиталов падает соответственно с 28,4 до 16,6%.

«Сеть потребительской кооперации возрастает с 19,2 тыс. обществ на 1 октября 1923 г. до 22,6 тыс. на 1 октября 1924 г. и 25,2—на 1 апреля 1925 г. Число членов на те же сроки: 6,3 млн. чел., 7,1 млн. чел. и 8,7 млн. Валовые обороты по продаже потребительской кооперации возрастали следующим образом: 446 млн. руб. в 1922 г., 853 млн. руб. в 1922—23 г., 2.205,1 млн. в 1923—24 г. и 3.505 млн. руб. в 1924—25 г. За последний год обороты, таким образом, увеличились на 71%. По сравнению же с 1922 г. они выросли почти в 8 раз.

Данные по сельско-хозяйственной кооперации показывают такую же картину неуклонного роста».

«В общем и целом социалистические элементы в нашей экономике вырастают и абсолютно и относительно. С двух сторон—со стороны государственной промышленности и государственной торговли и всех вообще рычагов социалистического хозяйства и кооперации—они зажимают элементы капиталистические. Эти последние в абсолютном выражении пока что возрастают. Мероприятия партии и советов за последний год, развязывающие производительные силы в деревне, развязывают в известных пределах и капиталистические элементы. Происходит также, очевидно, абсолютный рост капиталистических элементов и в кустарной промышленности в результате смычки ее с частным торговым капиталом. Но гвоздь положения заключается в укреплении командных высот социализма, в опережающем росте социалистических элементов, обозначающем переход и начало широкого наступления социализма на капитализм» (87 стр.).

Чрезвычайно интересна гл. III, в которой тов. Крумин рассматривает нашу политику цен и действие «ножниц». Рассматривая отношение промышленного индекса в сельском хозяйстве, тов. Крумин делает следующее замечание:

«Бесспорно, что соотношение цен складывалось таким образом, что значительно увеличивало покупательную способность крестьянства. Больше того, приходится даже ставить вопрос о том, соответствует ли нынешний раствор «ножниц» фактическим условиям производства в промышленности и сельском хозяйстве. Ибо не может быть «уничтожения» «ножниц». Речь может итти лишь об их изживании, о постепенном преодолении их в процессе реконструкции хозяйства» (стр. 55).

И, как вывод, в заключительной главе тов. Крумин пишет:

«...В порядке самого приближенного подхода, мы полагаем, что генеральная линия должна быть твердо взята на индустриально-аграрный характер развития страны».

В условиях «диспропорциональности, несоответствия как количественного, так и ценностного» между продукцией города и деревни, единственным выходом будет «твердо и настойчиво продолжать проводимую за последние два года линию опережающего роста промышленности в нашем народном хозяйстве и опережающего роста отраслей промышленности, производящих орудия и средства производства внутри промышленности. Другого пути нет».

К. Р.
